

ПАМУТАЛИ.

**СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.**

=

VI.

НАТУРА

НАТУРА

НАТУРА

=

IV

ПАМУТАЛИ.

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

Изданіе четвертое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

1835.

ПЕЧАТЪ

ВЪННЕННІЙ

ДВУХЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 7 Іюня 1834 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Изданіе книгопродавца Смирдина.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

БѢДНАЯ ЛИЗА.

Можешъ быть никшо изъ живущихъ въ Москвѣ не знаешъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, попому что никшо чаще моего не бываешъ въ полѣ, никшо болѣе моего не бродишь пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли — куда глаза глядяшъ — по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣпо нахожу новыя пріятныя мѣста, или въ спарыхъ новыя красы.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на копоромъ возвышающся мрачныя, гопискія башни Си....нова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой споронѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей — копорая предспавляешся глазамъ въ образѣ

величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на бесчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются шучные, густозеленые, цвѣтушіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбачьихъ лодокъ, или шумящая подъ рулемъ грузныхъ спруговъ, которые плывутъ опъ плодоносѣйшихъ странъ Россійской Имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленные лошади; тамъ молодые пасухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ просыи, унылыя пѣсни, и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, споль для нихъ единообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ Дворцомъ своимъ.

Часто прихожу на сіе мѣсто, и почти всегда вспрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени, горевать вмѣстѣ съ Природою. Спрашно воютъ вѣтры въ сѣбнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келій. Тамъ, опершись на развалины гро-

ныхъ камней, внимаю глухому спону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ—спону, опъ копорого сердце мое содрогаешся и препенешъ. Иногда вхожу въ келліи, и предспавляю себъ пѣхъ, копорые въ нихъ жили—печальныя карпины! Здѣсь вижу сѣдаго спарца, преклонившаго колѣна передъ Распяшіемъ, и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ: ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувспва его умерли, кромѣ чувспва болѣзни и слабоспи. Тамъ юный монахъ—съ блѣднымъ лицемъ, съ помнымъ взоромъ—спошришъ въ поле сквозь рѣшешку окна, видишъ веселыхъ пшичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха, — видишъ, и проливаешъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ помишся, вянешъ, сохнешъ—и унымый звонъ колокола возвѣщаешъ мнѣ безвременную смершь его. Иногда на врапахъ храма разспашприваю изображеніе чудесъ, въ семъ монаспырѣ случившихся — шамъ рыбы падаюшъ съ неба для насыщенія жителей монаспыря, осажденнаго многочисленными врагами; шущъ образъ Богоматери обращаешъ непріятелей въ бѣгспво. Все сіе обновляешъ въ моей памяши испорію нашего опечеспва — печальную испорію пѣхъ временъ, когда свирѣпые Ташары и Липовцы огнемъ и мечемъ опустошали окреспности Російской сполицы, и когда несчастная Москва, какъ беззащитная вдовица, опъ одного Бога ожидала помощи въ люшыхъ своихъ бѣдспвіяхъ.

Но всего чаще привлекаешъ меня къ спѣ-

намъ Си...нова монастыря — воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые прогаюшъ мое сердце и заспавають меня проливать слезы нѣжной скорби!

Саженьяхъ въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленого луга, стоишъ пустая хижина, безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣшъ за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ старушкою, матерью своею.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, пошому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда презвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣдняли. Лѣнивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлѣбъ переспалъ хорошо родиться. Онъ принуждены были опдашь свою землю въ наемъ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любилъ умѣюшъ! — день ото дня становилась слабѣе, и совсѣмъ не могла работашъ. Одна Лиза, — кошорая оспалась послѣ отца пятнадцати лѣшъ — одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодоспи, не щадя рѣдкой красосы своей, прудилась день и ночь — шкала холсшы, вязала чулки, весною рвала цвѣшшы, а лѣшомъ брала ягоды — и продавала ихъ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неушомимосшь дочери, часто при-

жимала ее къ слабо-біющемуся сердцу, называла Божескою милоспїю, кормилицею, оспрадою спароспи своей, и молила Бога, чшобы Онъ наградилъ ее за все шо, чшо она дѣлаешъ для машери. «Богъ далъ мнѣ руки, чшобы рабошашъ, (говорила Лиза): шы кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ: теперъ пришла моя очередь ходишь за шобою. Переспанъ шолько крушишься, переспанъ плакашь; слезы наши не оживяшь бапюшки.» Но часто нѣжная Лиза не могла удержашь собспвенныхъ слезъ своихъ — ахъ! она помнила, чшо у нее былъ опецъ, и чшо его не спало; но для успокоенїя машери спаралась шайшь печаль сердца своего, и казашься покойною и веселою. — «На шомъ свѣшъ, любезная Лиза (опвѣчала гореспная спарушка), на шомъ свѣшъ переспану я плакашь. Тамъ, сказываюшь, будушь всѣ веселы; я вѣрно весела буду, когда увижу опца швоего. Только теперъ не хочу умерешъ—чшо съ шобою безъ меня будешъ? На кого тебѣ покинушь? Нѣшъ, дай Богъ прежде приспроишь тебѣ къ мѣспу! Можешъ бышь, скоро сыщешся добрый чловѣкъ. Тогда, благослова васъ, милыхъ дѣшей моихъ, перекрещусъ, и спокойно лягу въ сырую землю.»

Прошло года два послѣ смерти опца Лизина. Луга покрылись цвѣшами, и Лиза пришла въ Москву съ ландышами. Молодой, хорошо одѣшый чловѣкъ, прїятнаго вида, вспрѣшился ей на улицѣ. Она показала ему цвѣшы — и

закраснѣлась. Ты продаешь ихъ, дѣвушка? спросилъ онъ съ улыбкою. Продаю, отвѣчала она. — «А что тебѣ надобно?» — Пяшь копѣекъ. — «Это слишкомъ дешево. Вотъ тебѣ рубль.» — Лиза удивилась, осмѣлилась взглянуть на молодаго человѣка, — еще болѣе покраснѣлась, и пошупивъ глаза въ землю, сказала ему, что она не возьметъ рубля. — «Для чего же?» — Мнѣ не надобно лишняго. — «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной дѣвушки, стоятъ рубля. Когда же ты не берешь его, вотъ тебѣ пяшь копѣекъ. Я хотѣлъ бы всегда покупать у тебя цвѣты; хотѣлъ бы, чтобы ты рвала ихъ только для меня.» — Лиза отдала цвѣты, взяла пяшь копѣекъ, поклонилась и хотѣла идти; но незнакомецъ остановилъ ее за руку. — «Куда же ты пойдешь, дѣвушка?» — Домой. — «А гдѣ домъ твой?» — Лиза сказала, гдѣ она живетъ; сказала и пошла. Молодой человѣкъ не хотѣлъ удерживать ее, можетъ быть для того, что мимоходящіе начали останавливаться, и смотря на нихъ, коварно усмѣхались.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что съ нею случилось. «Ты хорошо сдѣлала, что не взяла рубля. Можетъ быть это былъ какой нибудь дурной человѣкъ» *Ахъ нѣтъ, матушка! я этого не думаю. У него такое доброе лице, такой голосъ* — «Однакожь, Лиза, лучше кормишься трудами своими, и ничего не брешь даромъ. Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ злые люди могутъ обидѣть бѣдную дѣ-

вушку! У меня всегда сердце бываешь не на своемъ мѣстѣ, когда ты ходишь въ городъ; я всегда ставлю свѣчу передъ образомъ, и молю Господа Бога, чтобы онъ сохранилъ тебя отъ всякой бѣды и напасти.» — У Лизы навернулись на глазахъ слезы; она поцѣловала маму свою.

На другой день нарвала Лиза самыхъ лучшихъ ландышей, и опять пошла съ ними въ городъ. Глаза ея тихонько чего-то искали. Многіе хотѣли у нее купить цвѣтш; но она отвѣчала, что они не продажные, и смотрѣла то въ ту, то въ другую сторону. Наступилъ вечеръ, надлежало возвратиться домой, и цвѣтш были брошены въ Москву рѣку. *Никто не владѣй вами!* сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть въ сердцѣ своемъ. — На другой день ввечеру сидѣла она подъ окномъ, прядла и тихимъ голосомъ пѣла жалобныя пѣсни; но вдругъ вскочила и закричала: *Ахъ!....* Молодой незнакомецъ стоялъ подъ окномъ.

Что съ тобой случилось? спросила испугавшаяся мама, которая подлѣ нее сидѣла. *Ничего, матушка,* отвѣчала Лиза робкимъ голосомъ: *я только его увидѣла.* — «Кого?» — *Того господина, который купилъ у меня цвѣтш.* Старуха выглянула въ окно. Молодой человекъ поклонился ей шакъ учтиво, съ такимъ пріятнымъ видомъ, что она не могла подумашъ объ немъ ничего, кромѣ хорошаго. *Здравствуй, добрая старушка!* сказалъ онъ: *я очень усталъ: нѣтъ ли у тебя свѣжаго молока?* Услужливая Лиза,

не дождавшись отвѣта отъ матери своей — можешь быть для того, что она его знала напередъ — побѣжала на погребъ — принесла чистую кринку, крышную чистымъ деревяннымъ кружкомъ — схватила спаканъ, вымыла, вытерла его бѣлымъ полотенцемъ, налила и подала въ окно, но сама смотрѣла въ землю. Незнакомецъ выпилъ и нектаръ изъ рукъ Гебы не могъ бы показаться ему вкуснѣе. Всякой догадается, что онъ послѣ того благодарилъ Лизу, и благодарилъ не столько словами, сколько взорами. Между тѣмъ добродушная спарушка успѣла рассказать ему о своемъ горѣ и утѣшеніи — о смерти мужа и о милыхъ свойствахъ дочери своей, объ ея трудолюбіи и нѣжности, и проч. и проч. Онъ слушалъ ее со вниманіемъ; но глаза его были — нужно ли сказывать, гдѣ? И Лиза, робкая Лиза посматривала изрѣдка на молодого человека; но не такъ скоро молнія блеснула и въ облакъ исчезаетъ, какъ быstro голубые глаза ея обращались къ землѣ, встрѣчаясь съ его взоромъ. — «Мнѣ хотѣлось бы, сказалъ онъ матери, чтобы дочь швоя никому, кромѣ меня, не продавала своей работы. Такимъ образомъ ей не за чѣмъ будетъ часто ходить въ городъ, и ты не принуждена будешь съ нею разсѣиваться. Я самъ по временамъ могу заходить къ вамъ.» — Тушъ въ глазахъ Лизиныхъ блеснула радость, которую она тщетно сокрытъ хотѣла; щеки ея пылали какъ заря въ ясный, лѣтній вечеръ; она смо-

трѣла на лѣвый рукавъ свой, и щипала его правою рукою. Спарушка съ охотою приняла сіе предложеніе, не подозрѣвая въ немъ никакого худаго намѣренія, и увѣряла незнакомца, что полошно, вышканное Лизой, и чулки, вывезенные Лизой, бывающъ опмѣнно хороши, и носящся долѣе всякихъ другихъ. — Спановилось темно, и молодой человѣкъ хотѣлъ уже ийти. «Да какъ же намъ называешь тебя, добрый, ласковый баринъ?» спросила спаруха. Меня зовущъ Эрастомъ ошвѣчалъ онъ. Эрастомъ, сказала шихонько Лиза — Эрастомъ! Онъ разъ пять повторила сіе имя, какъ будшо бы спараясь зашвердишь его. — Эрасъ проспился съ ними до свиданія, и пошелъ. Лиза провожала его глазами, а машъ сидѣла въ задумчивости, и взявъ за руку дочь свою, сказала ей: «Ахъ, Лиза! какъ онъ хорошъ и добръ! Ешъли бы женихъ швой былъ шаковъ!» Все Лизино сердце зашрепешало. Матушка! матушка! какъ этому статься? Онъ баринъ; а между крестьянами — — Лиза не договорила рѣчи своей.

Теперь чишашель долженъ знать, что сей молодой человѣкъ, сей Эрасъ былъ довольно богашый дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ ошъ природы, но слабымъ и въпренымъ. Онъ велъ разсыянную жизнь, думалъ шолько о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣшскихъ забавахъ, но часто не находилъ: скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его серд-

цѣ. Онъ читывалъ романы, идилліи; имѣлъ довольно живое воображеніе, и часто переселялся мысленно въ тѣ времена, (бывшія или не бывшія) въ кошорыя, есѣли вѣришь Сшихворцамъ, всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ голубы, отдыхали подъ розами и миршами, и въ щасливой праздности всѣ дни свои провождали. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало. «Нашура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ» — думалъ онъ, и рѣшился — по крайней мѣрѣ на время — оставить большой свѣтъ.

Обратимся къ Лизѣ. Нашутила ночь — мать благословила дочь свою и пожелала ей крошечкаго сна; но на сей разъ желаніе ея не исполнилось: Лиза спала очень худо. Новый гость души ея, образъ Эрасмовъ споль живо ей предсѣвлялся, что она почти всякую минуточку просыпалась, просыпалась и вздыхала. Еще до восхожденія солнечнаго Лиза всѣла, сошла на берегъ Москвы рѣки, сѣла на траву, и подгорюнившись смотрѣла на бѣлые туманы, кошорые волновались въ воздухъ, и подымаясь вверхъ, оставляли блестящія капли на зеленомъ покровѣ Нашуры. Вездѣ царствововала тишина. Но скоро восходящее свѣтило дня пробудило все твореніе: роши, кушочки оживились; пшички вспорхнули и запѣли; цвѣшны подняли свои головки, чтобы напиться живошворными лучами свѣта. Но Лиза все еще

сидѣла подгорюнившись. Ахъ Лиза, Лиза! чшо съ шобою сдѣлалось? До сего времени, просыпаясь вмѣстѣ съ пшичками, шы вмѣстѣ съ ними веселилась ушромъ, и чистая, радостная душа свѣшила въ глазахъ швоихъ, подобно какъ солнце свѣпшился въ капляхъ росы небесной; но шеперь шы задумчива, и общая радость Природы чужда швоему сердцу.—Между шѣмъ молодой паспухъ по берегу рѣки гналъ спадо, играя на свирѣли. Лиза успремила на него взоръ свой и думала: «Есшъли бы шощъ, кшо занима-
«ешъ шеперь мысли мои, рожденъ былъ про-
«сшымъ кресшьяниномъ, паспухомъ,—и есшъли
«бы онъ шеперь мимо меня гналъ спадо свое: ахъ!
«я поклонилась бы ему съ улыбкою, и сказала
«бы привѣшливо: Здравствуй, любезный пасту-
«шокъ! куда гонишь ты стадо свое? И здѣсь ра-
«стетъ зеленая трава для овецъ твоихъ; и здѣсь
«алють цвѣты, изъ которыхъ можно сплести
«вѣнокъ для шляпы твоей. Онъ взглянулъ бы
«на меня съ видомъ ласковымъ — взялъ бы,
«можетъ бышь, руку мою....Мечша!» Паспухъ,
играя на свирѣли, пошелъ мимо, и съ пещрымъ спадомъ своимъ скрылся за ближнимъ холмомъ.

Вдругъ Лиза услышала шумъ веселья—взглянула на рѣку и увидѣла лодку, а въ лодкѣ — Эрасша.

Всѣ жилки въ ней забились, и конечно не отъ страха. Она вспала, хопѣла ишши, но не могла. Эрасшъ выскочилъ на берегъ, подошелъ къ Лизѣ и — мечша ея опчасши испол-

нилась: ибо онъ взглянулъ на нее съ видомъ ласковымъ, взялъ ее за руку.... А Лиза, Лиза стояла съ пошупленнымъ взоромъ, съ огненными щеками, съ препещущимъ сердцемъ — не могла опнаться у него руки — не могла ошворопиться, когда онъ приближался къ ней съ розовыми губами своими.... ахъ! онъ поцѣловалъ ее, поцѣловалъ съ такимъ жаромъ, что вся вселенная показалась ей въ огнѣ горящею! *Милая Лиза!* сказалъ Эраспъ: *милая Лиза!* я люблю тебя! и сіи слова опозвались во глубинѣ души ея, какъ небесная, восхищительная музыка; она едва смѣла вѣришь ушамъ своимъ и.... Но я бросаю кисъ. Скажу только, что въ сію мунушу воспорга исчезла Лизина робость — Эраспъ узналъ, что онъ любимъ, любимъ спраспно новымъ, чистымъ, опкрытымъ сердцемъ.

Они сидѣли на правѣ, и такъ, что между ими оспавалось не много мѣста — смопрѣли другъ другу въ глаза, говорили другъ другу: *люби меня!* и два часа показались имъ мигомъ. Наконецъ Лиза вспомнила, что мать ея можешъ объ ней безпокоишься. Надлежало разспашься. *Ахъ, Эрастъ!* сказала она: *всегда ли ты будешъ любить меня?* Всегда, *милая Лиза, всегда!* опвѣчалъ онъ. — *И ты можешъ мнѣ дать въ этомъ клятву?* — «Могу, любезная Лиза, могу!» — *Нтъ!* мнѣ не надобно клятвы. *Я вѣрю тебѣ, Эрастъ, вѣрю.* Уже ли ты обманешъ бѣдную Лизу? Вѣдь этому не лъзя быть? — «Не лъзя, не лъзя, *милая Лиза!*» — *Какъ я*

ПАМУТАЛИ.

щастлива! и какъ обрадуется матушка, когда узнаетъ, что ты меня любишь! — «Ахъ нѣшъ, Лиза! ей не надобно ничего сказывать.» — Для чего же? — «Сшарые люди бываюшъ подозрительны. Она вообразишъ себѣ что нибудь худое.» — Не лъзя статься. — «Однакожь прошу тебя не говоришь ей объ эпомъ ни слова.» — Хорошо; надобно тебя послушаться, хотя мнѣ не хотѣлось бы ничего тайтъ отъ нее. — Они проспились, поцѣловались въ послѣдній разъ, и общались всякой день въ ввечеру видѣться, или на берегу рѣки, или въ березовой рошѣ, или гдѣ нибудь близъ Лизиной хижины, только вѣрно, непременно видѣться. Лиза пошла, но глаза ея сто разъ обращались на Эраша, который все еще стоялъ на берегу и смотрѣлъ въ слѣдъ за нею.

Лиза возвратилась въ хижину свою совсѣмъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ изъ нее вышла. На лицѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ обнаруживалась сердечная радость. Онъ меня любитъ! думала она, и восхищалась сею мыслію. «Ахъ матушка!» сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. «Ахъ матушка! какое прекрасное утро! Какъ все весело въ полѣ! Никогда жаворонки такъ хорошо не пѣвали; никогда солнце такъ свѣтло не сіяло; никогда цвѣты такъ пріятно пахли!» — Сшарушка, подпираясь клюкою, вышла на лугъ, чтобы насладиться утромъ, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно въ самомъ дѣлѣ показалось ей

опмѣнно пріятнымъ; любезная дочь весельемъ своимъ развеселяла для нее всю Нашуру. «Ахъ Лиза!» говорила она: «какъ все хорошо у Господа Бога! Шестой десятокъ доживаю на свѣшѣ, а все еще не могу наглядѣться на дѣла Господни; не могу наглядѣться на чистое небо, похожее на высокой шаперъ, и на землю, копорая всякой годъ новою правою и новыми цвѣтами покрываешся. Надобно, чшобы Царь небесный очень любилъ человека, когда онъ такъ хорошо убралъ для него здѣшній свѣшѣ. Ахъ, Лиза! кто бы захошѣлъ умереть, еспѣли бы иногда не было намъ горя?... Видно шакъ надобно. Можешъ бышѣ, мы забыли бы душу свою, если бы изъ глазъ нашихъ никогда слезы не капали.» А Лиза думала: *ахъ! я скорѣе забуду душу свою, нежели милаго моего друга!*

Послѣ сего Эраспъ и Лиза, боясь не сдержашъ слова своего, всякой вечеръ видѣлись (тогда, какъ Лизина мать ложилась спать) или на берегу рѣки, или въ березовой рошѣ, но всего чаще подъ шѣнію сполѣшнихъ дубовъ (саженяхъ въ осьмидесяти отъ хижины) — дубовъ, оствняющихъ глубокой, чистый прудъ, еще въ древнія времена ископанный. Тамъ часто шихая луна, сквозь зеленыя вѣшѣви, посребряла лучами своими свѣшлые Лизины волосы, копорыми играли Зефиры и рука милаго друга; часто лучи сіи освѣщали въ глазахъ нѣжной Лизы блестящую слезу любви, осуша-

емую всегда Эрасшовымъ поцѣлуемъ. Они об-
нимались — но цѣломудренная, сдержанная Цин-
тія не скрывалась отъ нихъ за облако; чи-
сты и непорочны были ихъ объятія. «Когда
«ты, говорила Лиза Эрасшу, когда ты ска-
«жешь мнѣ: люблю тебя, другъ мой! когда приж-
«мешь меня къ своему сердцу, и взглянешь на
«меня умильными своими глазами: ахъ! тогда
«бываешь мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо,
«что я себя забываю, забываю все, кромѣ —
«Эрасша. Чудно! чудно, мой другъ, что я, не
«зная тебя, могла жить спокойно и весело!
«Теперь мнѣ это не понятно; теперь думаю,
«что безъ тебя жизнь не жизнь, а грусть и
«скука. Безъ глазъ твоихъ темень свѣтлой
«мѣсяцъ; безъ твоего голоса скученъ соловей
«поющій; безъ твоего дыханія вѣтерокъ мнѣ
«неприятенъ.» — Эрасшъ восхищался своей па-
сшухой — такъ называлъ Лизу — и видя,
сколь она любитъ его, казался самъ себѣ лю-
безнѣе. Всѣ блестящія забавы большого свѣ-
та представлялись ему ничтожными въ срав-
неніи съ тѣми удовольствіями, которыми
страстная дружба невинной души питала
сердце его. Съ отвращеніемъ помышлялъ онъ
о презрительномъ сладострастіи, которыми
прежде упивались его чувства. «Я буду жить
«съ Лизою, какъ братъ съ сестрою (думалъ
«онъ): не употреблю во зло любви ея, и буду
«всегда счастливъ!» — Безразсудной, молодой
человѣкъ! знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли

можешь отвѣчать за свои движенія? Всегда ли разсудокъ есть царь чувствъ твоихъ?

Лиза требовала, чтобы Эрасмъ часто посѣщалъ мать ея. «Я люблю ее, говорила она, и «хочу ей добра; а мнѣ кажется, что видѣшь «себя есть великое благополучіе для всякаго.» — Спарушка въ самомъ дѣдѣ всегда радовалась, когда его видѣла. Она любила говорить съ нимъ о покойномъ мужѣ, и рассказывать ему о дняхъ своей молодости: о томъ, какъ она въ первый разъ встрѣтилась съ милымъ своимъ Иваномъ, какъ онъ полюбилъ ее, и въ какой любви, въ какомъ согласіи жилъ съ нею. «Ахъ! мы никогда не могли другъ на друга наглядѣться, — до самаго того часа, какъ люшая смерть подкосила ноги его. Онъ умеръ на рукахъ моихъ!» — Эрасмъ слушалъ ее съ непришворнымъ удовольствіемъ. Онъ покупалъ у нее Лизину работу, и хотѣлъ всегда плащить въ десять разъ дороже назначемой ею цѣны; но спарушка никогда не брала лишняго.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько недѣль. Однажды ввечеру Эрасмъ долго ждалъ своей Лизы. Наконецъ пришла она, но такъ не весела, что онъ испугался; глаза ея опъ слезъ покраснѣли. *Лиза, Лиза! что съ тобою случилось?* — *Ахъ, Эрасмъ! я плакала!* — *О чемъ? что такое!* — «Я должна сказать тебѣ все. За меня сватается женихъ, сынъ богатаго крестьянина изъ сосѣдней деревни; мапушка хочетъ, чтобы я за него вышла.» — *И ты со-*

глашаешься? — «Жестокой! можешь ли объ этомъ спрашивать? Да мнѣ жаль мапушки; она плачетъ, и говоришь, что я не хочу ея покойствія; что она будетъ мучиться при смерти, естли не выдасъ меня при себѣ замужъ. Ахъ! мапушка не знаетъ, что у меня есть такой милой другъ!»—Эрасъ цѣловалъ Лизу; говорилъ, что ея счастье дороже ему всего на свѣтѣ; что по смерти матери ея онъ возьметъ ее къ себѣ, и будетъ жить съ нею неразлучно, въ деревнѣ и въ дремучихъ лѣсахъ, какъ въ раю.—«Однакожь тебѣ не лѣзя бытъ моимъ мужемъ!» сказала Лиза съ тихимъ вздохомъ. — *По чему же?* — «Я крестьянка.» — *Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнѣе всего душа, чувствительная, невинная душа, — и Лиза будетъ всегда ближайшая къ моему сердцу.*

Она бросилась въ его объятія — и въ сей часъ надлежало погибнуть непорочности! — Эрасъ чувствовалъ необыкновенное волненіе въ крови своей — никогда Лиза не казалась ему столь прелестною — никогда ласки ея не прогали его такъ сильно — никогда ея поцѣлуи не были столь пламенны — она ничего не знала, ничего не подозрѣвала, ничего не боялась — мракъ вечера пышалъ желаніемъ — ни одной звѣздочки не сіяло на небѣ — никакой лучъ не могъ освѣтить заблужденія.—Эрасъ чувствуетъ въ себѣ шепетъ — Лиза также, не зная, о чемъ — не зная, что съ нею дѣ-

лается.... Ахъ Лиза, Лиза! гдѣ Ангелъ храни-
тель твой? Гдѣ — твоя невинность?

Заблужденіе прошло въ одну минушу. Лиза не понимала чувствъ своихъ, удивлялась и спрашивала. Эраспъ молчалъ — искалъ словъ, и не находилъ ихъ. «Ахъ! я боюсь (говорила Лиза), боюсь того, что случилось съ нами! Мнѣ казалось, что я умираю; что душа моя... Нѣтъ, не умѣю сказать этого!... Ты молчишь, Эраспъ? вздыхаешь?... Боже мой! что такое!» — Между тѣмъ блеснула молнія и грянулъ громъ. Лиза вся задрожала. Эрастъ, Эрастъ! сказала она: мнѣ страшно! Я боюсь, чтобы громъ не убилъ меня, какъ преступницу! Грозно шумѣла буря; дождь лился изъ черныхъ облаковъ — казалось, что Нептунъ съговаривалъ о потеряннѣй Лизиной невинности. — Эраспъ старался успокоить Лизу, и проводилъ ее до хижины. Слезы капились изъ глазъ ея, когда она прощалась съ нимъ. Ахъ, Эрастъ! увѣрь меня, что мы будемъ по прежнему счастливы! — «Будемъ, Лиза, будемъ!» отвѣчалъ онъ. — Дай Богъ! Мнѣ не лѣзя не вѣрить словамъ твоимъ: вѣдь я люблю тебя! Только въ сердцѣ моемъ... Но полно! Прости! Завтра, завтра увидимся.

Свиданія ихъ продолжались; но какъ все переменилось! Эраспъ не могъ уже доволенъ быть однѣми невинными ласками своей Лизы — одними ея любви исполненными взорами — однимъ прикосновеніемъ руки, однимъ поцѣлуемъ, одними чистыми обѣщаніями. Онъ желалъ больше, больше, и наконецъ ничего желать не

могъ — а кто знаетъ сердце свое, кто размышлялъ о свойствѣ нѣжнѣйшихъ его удовольствій, тотъ конечно согласился со мною, что исполненіе *всѣхъ* желаній есть самое опасное искушеніе любви. Лиза не была уже для Эрасма симъ Ангеломъ непорочности, который прежде воспалялъ его воображеніе и восхищалъ душу. Плапониическая любовь уступила мѣсто такимъ чувствамъ, которыми онъ не могъ гордиться, и которыя были для него уже не новы. Что принадлежило до Лизы, то она, совершенно ему отдавшись, имъ только жила и дышала, во всемъ какъ агнецъ повиновалась его волѣ, и въ удовольствіи его полагала свое счастье. Она видѣла въ немъ перемену, и часто говорила ему: *Прежде бывалъ ты веселъ; прежде бывали мы покойны и счастливы; и прежде я не такъ боялась потерять любовь твою!*—Иногда, прощаясь съ нею, онъ говорилъ ей: *Завтра, Лиза, не могу съ тобою видѣться; мнѣ встрѣтилось важное дѣло*—и всякой разъ при сихъ словахъ Лиза вздыхала.

Наконецъ пять дней сряду она не видала его, и была въ величайшемъ безпокойствѣ; въ шестой пришелъ онъ съ печальнымъ лицомъ и сказалъ ей: «Любезная Лиза! мнѣ должно на нѣсколько времени съ тобою расстаться. Ты знаешь, что у насъ война; я въ службѣ; полкъ мой идетъ въ походъ.» — Лиза поблѣднѣла, и едва не упала въ обморокъ.

Эрасмъ ласкалъ ее; говорилъ, что онъ всегда будешь любить милую Лизу, и надѣется по воз-

вращеніи своемъ уже никогда съ нею не разспававшись. Долго она молчала; пошомъ залилась горькими слезами, схватила руку его, и взглянувъ на него со всею нѣжностію любви, спросили: *тебѣ не лѣзя остаться?* «Могу, отвѣчалъ онъ, но только съ величайшимъ безславіемъ, съ величайшимъ пятномъ для моей чести. Всѣ будущъ презираю меня; всѣ будущъ гнушаются мною, какъ прусомъ, какъ недостойнымъ сыномъ опечеснѣва.» *Ахъ!* когда такъ, сказала Лиза, *то погъзжай, погъзжай, куда Богъ велитъ! Но тебя могутъ убить.*—«Смерть за опечеснѣво не спрашна, любезная Лиза.»—*Я умру, какъ скоро тебя не будетъ на свѣтъ.*—«Но за чѣмъ это думаешь? Я надѣюсь остаться живъ, надѣюсь возвратиться къ тебѣ, моему другу.» — *Дай Богъ! дай Богъ! Всякой день, всякой часъ буду о томъ молиться. Ахъ! для чего не умѣю ни читать, ни писать! Ты бы уведомлялъ меня обо всемъ, что съ тобою случится; а я писала бы къ тебѣ—о слезахъ своихъ!*—«Нѣтъ, береги себя, Лиза; береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты безъ меня плакала.» — *Жестокой человекъ! ты думаешь лишитъ меня и этой отрады! Нѣтъ! разставшись съ тобою, развѣ тогда перестану плакать, когда высохнетъ сердце мое.* — «Думай о пріятной минутѣ, въ которую мы опять увидимся.» — *Буду, буду думать объ ней! Ахъ! если бы она пришла скорѣе! Любезный, милый Эрастъ! помни, помни свою бѣдную Лизу, которая любитъ тебя болѣе, нежели самое себя!*

Но я не могу описатьъ всего, что они при семъ случаѣ говорили. На другой день надлежало бытъ послѣднему свиданію.

Эрасъ хотѣлъ проспитъся съ Лизиною матерью, кошорая не могла опъ слезъ удержашься, слыша, что ласковой, пригожій баринъ ея долженъ ѣхать на войну. Онъ принудилъ ее взять у него нѣсколько денегъ, сказавъ: «Я не хочу, чтобы Лиза въ мое отсутствіе продавала работу свою, кошорая, по уговору, принадлежитъ мнѣ.» — Старушка осыпала его благословеніями. «Дай Господи, говорила она, чтобы ты къ намъ благополучно возвратился, и чтобы я тебя еще разъ увидѣла въ здѣшней жизни! Авось-либѣ моя Лиза къ тому времени найдетъ себѣ жениха по мыслямъ. Какъ бы я благодарила Бога, еслибъ ты пріѣхалъ къ нашей свадьбѣ! Когда же у Лизы будутъ дѣти, знай, баринъ, что ты долженъ крестить ихъ! Ахъ! мнѣ бы очень хотѣлось дожить до эшого!» — Лиза стояла подлѣ матери, и не смѣла взглянуть на нее. Чисташель легко можетъ вообразить себѣ, что она чувствовала въ сію минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эрасъ, обнявъ ее въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ прижавъ къ своему сердцу, сказалъ: *прости, Лиза!...* Какая прогашельная картина! Утренняя заря, какъ алое море, разливалась по восточному небу. Эрасъ стоялъ подъ вѣтвями высокаго дуба, держа въ объятіяхъ своихъ блѣдную, томную, горестную подругу,

кошорая, прощаясь съ нимъ, прощалась съ душою своею. Вся Нашура пребывала въ молчаніи.

Лиза рыдала — Эраспъ плакалъ — оставилъ ее — она упала — спала на колѣни, подняла руки къ небу и смошрѣла на Эраспа, кошорый удалялся — далѣе — далѣе и наконецъ скрылся — возсіяло солнце, и Лиза, осшавленная, бѣдная, лишилась чувствъ и памяти.

Она пришла въ себя — и свѣшъ показался ей унылъ и печаленъ. Всѣ пріятности Нашуры сокрылись для нее вмѣстѣ съ любезнымъ ея сердцу. «Ахъ! (думала она) для чего я осшавлась въ этой пущынѣ? Чшо удерживаешь меня лешѣшь въ слѣдъ за милымъ Эраспомъ? Война не спрашна для меня; спрашно тамъ, гдѣ нѣшъ моего друга. Съ нимъ жишь, съ нимъ умереть хочу, или смертію своею спаси его драгоцѣнную жизнь. Посшой, посшой, любезный! я лечу къ тебѣ!» — Уже хопѣла она бѣжать за Эраспомъ; но мысль: у меня есть мать! осшановила ее. Лиза вздохнула, и преклонивъ голову, тихими шагами пошла къ своей хижинѣ. — Съ сего часа дни ея были днями шоски и горесши, кошорую надлежало скрывать опъ нѣжной машери: шѣмъ болѣе спрадало сердце ея! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь въ густошу лѣса, могла свободно проливать слезы и шенать о разлукѣ съ милымъ. Часшо печальная горлица соединяла жалобный голосъ свой съ ея шенаніемъ. Но иногда — хопя весьма рѣдко — зла-

шой лучъ надежды, лучъ утѣшенія, освѣщалъ мракъ ея скорби. Когда онъ возвратится ко мнѣ, какъ я буду счастлива! какъ все переменится! опъ сей мысли прояснялся взоръ ея, розы на щекахъ освѣжались, и Лиза улыбалась, какъ Майское утро послѣ бурной ночи. — Такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцовъ.

Въ одинъ день Лиза должна была ийти въ Москву, за шѣмъ, чшобы купить розовой воды, кошорою машь ея лечила глаза свои. На одной изъ большихъ улицъ встрѣшилась ей великолѣпная кареша, и въ сей карешѣ увидѣла она — Эраспа. *Ахъ!* закричала Лиза, и бросилась къ нему; но кареша проѣхала мимо и поворошила на дворъ. Эраспъ вышелъ, и хотѣлъ уже ийти на крыльцо огромнаго дому, какъ вдругъ почувствовалъ себя въ Лизиныхъ объятіяхъ. Онъ поблѣднѣлъ — пошомъ, не опвѣчая ни слова на ея восклицанія, взялъ ее за руку, привелъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь, и сказалъ ей: *Лиза! обстоятельства переменились; я помолвилъ жениться; ты должна оставить меня въ покоѣ, и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я любилъ тебя, и теперь люблю, то есть, желаю тебѣ всякаго добра. Вотъ сто рублей — возьми ихъ (онъ положилъ ей деньги въ карманъ) — позволь мнѣ поцѣловать тебя въ послѣдній разъ — и поди домой.* — Прежде нежели Лиза могла опомниться, онъ вывелъ ее изъ кабинета, и сказалъ слугѣ: *проводи эту дѣвушку со двора.*

Сердце мое обливается кровію въ сію мину-

шу. Я забываю человека въ Эрасмъ — гошовъ проклиная его — но языкъ мой не движется — смошрю на небо, и слеза капнется — по лицу моему. Ахъ! для чего пишу не романъ, а печальную быль?

И такъ Эрасмъ обманулъ Лизу, сказавъ ей, что онъ ѣдетъ въ армію? — Нѣтъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ арміи; но вмѣстѣ того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе. Скоро заключили миръ, и Эрасмъ возвратился въ Москву опятченнѣе долгами. Ему оставался одинъ способъ поправить свои обстоятельствова — женился на пожилой, богатой вдовѣ, которая давно была влюблена въ него. Онъ рѣшился на то, и переехалъ жить къ ней въ домъ, посвятивъ искренній вздохъ Лизѣ своей. Но все сіе можешь ли оправдать его?

Лиза очутилась на улицѣ, и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можешь. *Онъ, онъ выгналъ меня? Онъ любитъ другую? я погибла!* вошъ ея мысли, ея чувства! Жестокой обморокъ перервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, остановилась надъ Лизою, лежавшею на землѣ, и старалась привести ее въ память. Несчастная открыла глаза — вспала съ помощію сей доброй женщины, — благодарила ее, и пошла, сама не зная, куда. «Мнѣ не лѣзя жить (думала Лиза) не лѣзя!.... О, если бы упало

на меня небо! Есѣли бы земля поглотила бѣдную!.... Нѣтъ! небо не падаетъ; земля не колеблется! Горе мнѣ!» — Она вышла изъ города, и вдругъ увидѣла себя на берегу глубокаго пруда, подъ тѣнію древнихъ дубовъ, которые за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея воспорговъ. Сіе воспоминаніе потрясло ея душу; страшнѣйшее сердечное мученіе изобразилось на лицѣ ея. Но черезъ нѣсколько минутъ погрузилась она въ нѣкошорую задумчивость—осмотрѣла вокругъ себя, увидѣла дочь своего сосѣда (пятнадцатилѣтнюю дѣвушку) идущую по дорогѣ — кликнула ее, вынула изъ кармана десятокъ имперіаловъ, и, подавая ей, сказала: «Любезная «Анюша, любезная подружка! опнеси эши день-«ги къ мапушкѣ — они не краденныя—скажи «ей, что Лиза прошивъ нее виновата; что я «шайла онѣ нее любовь свою къ одному же-«спокому человѣку,—къ Э.... Начшо знать его «имя? — Скажи, что онѣ измѣнилъ мнѣ — по-«проси, чшобы она меня проспила — Богъ бу-«детъ ея помощникомъ—поцѣлуй у нее руку, «шакъ, какъ я теперѣ швою цѣлую — скажи, «что бѣдная Лиза велѣла поцѣловать ее—ска-«жи что я...» Тутъ она бросилась въ воду. Анюша закричала, заплакала, но не могла спасти ее; побѣжала въ деревню — собрались люди, и вышпшили Лизу; но она была уже мерпвая.

Такимъ образомъ скончала жизнь свою прекрасная душею и шѣломъ. Когда мы тамъ, въ новой жизни увидимся, я узнаю шебя, нѣжная Лиза!

Ее погребли близъ пруда, подъ мрачнымъ дубомъ, и поставили деревянный крестъ на ея могилѣ. Тутъ часто сижу въ задумчивости, опершись на вмѣспилище Лизина праха; въ глазахъ моихъ спруишся прудъ; надо мною шумяшъ лисшья.

Лизина машъ услышала о спрашной смерти дочери своей, и кровь ея опъ ужаса охладѣла — глаза на вѣкъ закрылись. — Хижина опустѣла. Въ ней воешъ вѣшеръ, и суевѣрные поселяне, слыша по ночамъ сей шумъ, говоряшъ: *тамъ стонетъ мертвецъ; тамъ стонетъ бѣдная Лиза!*

Эрасшъ былъ до конца жизни своей нещасливъ. Узнавъ о судьбѣ Лизиной, онъ не могъ ушѣшишся, и почипалъ себя убійцею. Я познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онъ самъ разсказалъ мнѣ сію исторію и привелъ меня къ Лизиной могилѣ. — Теперь, можешъ бышъ, они уже примирились!

г. 1792.

ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВНА

и

ЩАСТЛИВОЙ КАРЛА.

СТАРИННАЯ СКАЗКА, ИЛИ НОВАЯ КАРРИКАТУРА.

=

О вы, некрасивые сыны человечества, безобразныя творенія шупливой Напуры! вы, которые ни въ чемъ не можете служить образцомъ художнику, когда онъ хочетъ представить изящность человѣческой формы! вы, которые жалуешесь на Природу, и говорите, что она не дала вамъ способовъ нравиться, и заградила для васъ источникъ сладчайшаго удовольствія въ жизни — источникъ любви! не опчаявайшесь, друзья мои, и вѣрьте, что вы еще можете быть любезными и любимыми; что услужливые Зефиры нынѣ или завтра могутъ принести къ вамъ какую нибудь прелестную Псишу, которая съ воспоргомъ бросится въ объятія ваши, и скажетъ, что нѣтъ ничего милѣе васъ на свѣтѣ. — Выслушайте слѣдующую повѣсть.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ *Царь* доброй чело^{вѣ}къ, отецъ единыя дочери, Царевны прекрасной,

*

милой сердцу родителя, любезной всякому чувствительному сердцу, рѣдкой, несравненной. Когда *Царь доброй челоѣкъ*, одѣянный богатою багряницею, увѣнчанный вѣнцемъ сафирорубинымъ, сидѣлъ на высокомъ тронѣ среди народнаго множества, и держа въ правой рукѣ златой скипетръ, судилъ съ правдою своихъ подданныхъ; когда, воздыхая изъ глубины сердца, изрекалъ приговоръ должнаго наказанія: тогда являлась прекрасная *Царевна*, смотрѣла прямо въ глаза родителю, подымала бѣлую руку свою, проспирала ее къ судящему — и пасмурное лице правосудія вдругъ озарялось солнцемъ милости — виновный, спасенный ею, клялся въ душѣ своей быть съ того времени добрымъ подданнымъ Царя добраго. Бѣдный ли приближался къ Царевнѣ? она помогала ему — печальный ли проливалъ слезы? она утѣшала его. Всѣ сироты въ пространной области Царя добраго челоѣка называли ее матерью: и даже тѣ, которыхъ сама Натура угнетала — несчастные, лишенные здравія, облегчались ея цѣлительною рукою: ибо Царевна совершенно знала науку врачеванія, тайныя силы травъ и минераловъ, росъ небесныхъ и ключей подземныхъ. Такова была душа Царевнина. Тѣлесную красоту ея описывали всѣ стихотворцы тогдашнихъ временъ какъ лучшее произведение искусной Природы — а стихотворцы были тогда не такіе льстецы, какъ нынѣ; не называли они чернаго бѣлымъ, карлы великаномъ, и безобразія примѣромъ стройности. Въ

древнемъ книгохранилищѣ удалось мнѣ найти одно изъ сихъ описаній — вотъ вѣрный переводъ его:

«Не такъ пріятна полная луна, восходящая
«на небѣ между безчисленными звѣздами, какъ
«пріятна наша милая Царевна, гуляющая по
«зеленымъ лугамъ съ подругами своими; не
«такъ прекрасно сіяютъ лучи свѣтлаго мѣся-
«ца, посребряя волнистые края сѣдыхъ обла-
«ковъ ночи, какъ сіяютъ златые власы на пле-
«чахъ ея; ходитъ она какъ гордой лебедь, какъ
«любимая дочь Неба; лазурь эфирная, на ко-
«шорой блискаетъ звѣзда любви, звѣзда ве-
«черняя, есть образъ несравненныхъ глазъ ея;
«шонкія брови какъ радуги изгибаются надъ
«ними; щеки ея подобны бѣлымъ лилеямъ, ко-
«гда утренняя заря краситъ ихъ алымъ цвѣ-
«томъ своимъ; когда же опверзаются нѣжныя
«уста прекрасной Царевны, два ряда чистѣй-
«шихъ жемчужинъ прельщаютъ зрѣніе; два
«холмика, вѣчнымъ шуманомъ покрытые... Но
«кто опишетъ всѣ красоты ея?»

Крылатая богиня, называемая Славою, была и въ тѣ времена такъ же словоохотна, какъ нынѣ. Лепая по всей подсолнечной, она рассказывала чудеса о прекрасной Царевнѣ, и не могла объ ней наговориться. Изъ-за придевя-ти земель пріѣзжали Царевичи видѣть красоту ея — разбивали высокіе шатры передъ каменнымъ дворцомъ Царя добраго челоука, и приходили къ нему съ поклономъ. Онъ зналъ причину ихъ посѣщенія, и радовался сердечно,

желая достойнаго супруга милой своей дочери. Они видѣли прекрасную Царевну, и воспламенялись любовію. Каждый изъ нихъ говорилъ Царю доброму человѣку: «Царь доброй человѣкъ! Я «пріѣхалъ изъ-за придевяти земель, придеся-
«шаго царства; опецъ мой владѣетъ народомъ
«безчисленнымъ, землею прекрасною; высоки
«шерема наши: въ нихъ сіяетъ серебро и зо-
«лото, опливающъ разноцвѣтные бархаты—
«Царь! опдай за меня дочь свою!» — *Ищи*
любви ея! опвѣчалъ онъ, и всѣ Царевичи опша-
вались во дворецъ его; пили и пѣли за споломъ
дубовымъ, за скапершью браною, вмѣстѣ съ Ца-
ремъ и съ Царевною. Каждый изъ нихъ смо-
трѣлъ умильными глазами на прекрасную, и
взорами своими говорилъ весьма ясно: *Царевна!*
полюби меня! Надобно знать, что любовники
были въ спарину робки и спыдливы какъ крас-
ныя дѣвушки, и не смѣли словесно изъясняшъ-
ся съ владычицами сердецъ своихъ. Въ наши
времена они гораздо смѣлѣе; но за то красно-
рѣчіе взоровъ потеряло нынѣ почти всю силу.
Обожашели прекрасной Царевны употребляли
еще другой способъ къ изъявленію своей спра-
спы — способъ, кошорый также вышелъ у
насъ изъ моды. А именно, всякую ночь ходи-
ли они подъ окно Царевнина шерема; игра-
ли на бандурахъ и пѣли тихимъ голосомъ
жалобныя пѣсни, сочиненныя стихопворцами
ихъ земель; каждый куплетъ заключался глубо-
кими вздохами, кошорые и каменное сердце
могли бы пронушъ и размягчишъ до слезъ. Когда

пять, шесть, десять, двадцать любовниковъ сходились шамъ въ одно время, тогда они бросали жеребей, кому пѣшь прежде, и всякой въ свою очередь начиналъ воспѣвать сердечную муку; другіе же, поджавъ руки, ходили взадъ и впередъ, и посматривали на окно Царевнино, которое однакожь ни для кого изъ нихъ не опворялось. Потомъ всѣ они возвращались въ свои шапры, и въ глубокомъ снѣ забывали любовное горе.

Такимъ образомъ проходили дни, недѣли и мѣсяцы. Прекрасная Царевна взглядывала на шого и на другаго, на прешьяго и на чешвершаго — но въ глазахъ ея не видно было ничего, кромѣ холоднаго равнодушія къ женихамъ ея, Царевичамъ и Королевичамъ. Наконецъ всѣ они присупили къ Царю доброму челоѣку, и шребовали единодушно, чшобы прекрасная дочь его объявила шоржесшвенно, кшо изъ нихъ нравенъ сердцу ея. «Довольно прожили мы въ каменномъ дворцѣ швоемъ, говорили они: поѣли хлѣба-соли швоей, и меду сладкаго не одну бочку опорожнили; время возвращишья намъ во свои сшраны, къ ошцамъ, машерямъ и роднымъ сесшрамъ. Царь добрый челоѣкъ! мы хошимъ вѣдашь, кшо изъ насъ будешъ зяшемъ швоимъ.» Царь ошвѣчалъ имъ сими словами: «Любезные госшн! есшъли бы вы и нѣ-«сколько лѣтъ прожили во дворцѣ моемъ, то «конечно бы не наскучили хозяину; но не хо-«чу удерживашъ васъ прошивъ воли вашей, и «пойду шенерь же къ Царевнѣ. Не могу ни въ

«чемъ принуждашь ее; но кого она выберешъ,
«шопъ получишь за нею въ приданое все цар-
«ство мое, и будешь моимъ сыномъ и наслѣд-
«никомъ.» — Царь пошелъ въ шеремъ къ до-
чери своей. Она сидѣла за пяльцами и шила
золошомъ; но увидѣвъ родишеля, всшала и по-
цѣловала руку его. Онъ сѣлъ подлѣ нее, и ска-
залъ ей словами ласковыми: «Милая, разумная
«дочь моя, прекрасная Царевна! ты знаешь, что
«у меня нѣтъ дѣшей, кромѣ тебя, свѣша очей
«моихъ; родъ нашъ долженъ царствовать и
«въ будущіе вѣки: пора тебѣ о женихѣ ду-
«машъ. Давно живутъ у насъ Царевичи и прель-
«щающія красою пвоею: выбери изъ нихъ
«супруга, дочь моя, и уиѣшь опца своего!» —
Царевна долго сидѣла въ молчаніи, пошупивъ
въ землю голубые глаза свои; наконецъ под-
няла ихъ и усшремила на родишеля — шупъ
двѣ блестящія слезы скапились съ алыхъ щекъ
ея, подобно двумъ дождевымъ каплямъ, свѣва-
емымъ съ розы дуновеніемъ зефира. «Любезной
«родишель мой!» сказала она нѣжнымъ голо-
сомъ: «будешь мнѣ время горевашъ за мужемъ.
«Ахъ! и пшички любяшъ волю, а замужняя
«женщина не имѣешъ ее. Теперь я живу и ра-
«дуюсь; нѣтъ у меня ни заботъ, ни печали;
«думаю шолько о шомъ, чтобы угождашь мо-
«ему родишелю. Не могу ни чѣмъ опорочишь
«Царевичей; но позволь, позволь мнѣ ошашься
«въ дѣвическомъ моемъ шеремѣ!» — Царь до-
брой человѣкъ прослезился. «Я нѣжной опецъ,
«а не ширанъ швой, ошвѣчалъ онъ Царевнѣ:

«благоразумные родишели могушъ *управлять*
«склонносшями дѣшей своихъ, но не могушъ
«ни возбуждашъ, ни перемѣняшъ оныхъ—шакъ
«искусный кормчій *управляетъ* кораблемъ, но
«не можешъ сказать *пишинъ: превратися въ*
«*вѣтеръ!* или *воспочному вѣпру: будь запад-*
«*нымъ!*» — Царь добрый *человѣкъ* обнялъ дочь
свою, вышелъ къ Принцамъ, и сказалъ имъ съ
печальнымъ видомъ и со всевозможною учпи-
воспїю, чшо *прекрасная Царевна* ни для кого
изъ нихъ не хочешъ *оспавишъ дѣвическаго*
своего перема. Всѣ Царевичи *прїуныли*, *приза-*
думались и *повѣсили* свои головы: ибо всякой
изъ нихъ *надѣялся бышъ супругомъ прекрасной*
Царевны. Одинъ *уширался бѣлымъ плашкомъ*,
другой *глядѣлъ въ землю*, шрешій *закрывалъ*
глаза рукою, чешвершый *щипалъ на себѣ*
плашье, пяшый *стоялъ прислонясь къ печкѣ*
и *смошрѣлъ себѣ на носъ*, подобно *Индѣйско-*
му Брамину, *размышляющему о еспесствѣ ду-*
ши человѣческой; шешой — Но чшо въ сію
минушу *дѣлалъ шешой, седьмой и прочіе*, о
шомъ *молчашъ лѣпописи*. Наконецъ всѣ они
вздохнули (шакъ сильно, чшо едва не *запря-*
слись каменныя спѣны), и *шомнымъ голосомъ*
принесли хозяину благодарность за угощеніе.
Въ одно мгновеніе *бѣлые шапры* *передъ двор-*
цомъ исчезли — Царевичи *сѣли на коней* и съ
группи помчались во весь духъ, каждый *своею*
дорогою; *пыль поднялась сполбомъ*, и *опяшъ*
легла на свое мѣсто.

Въ Царскомъ дворцѣ *сшало все шихо и смир-*

но, и Царь доброй челоуѣкъ принялся за обыкновенное дѣло свое, которое состояло въ томъ, чтобы править подданными какъ отецъ править дѣтьми, и распространять благодѣйствіе въ подвласной ему странѣ—дѣло трудное, но святое и пріятное! Однакожь у хлѣбосола рѣдко бываетъ безъ госней — и скоро по опѣздѣ Принцовъ пріѣхалъ къ Царю странствующій Астрологъ, Гимнософистъ, Магъ, Халдей, въ высокой шапкѣ, на которой изображены были луна и звѣзды — прожилъ у него нѣсколько недѣль — водилъ за споль прекрасную Царевну, какъ должно учтивому Кавалеру — пилъ и ѣлъ по-философски, по ешь, за пашерыхъ, и безпрестанно говорилъ объ умеренности и воздержаніи. Царь обходился съ нимъ ласково; спрашивалъ его о происшествіяхъ свѣта, о звѣздахъ небесныхъ, о рудахъ подземныхъ, о пищахъ воздушныхъ, и находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ его. Къ чести сего странствующаго рыцаря должно сказать, что онъ имѣлъ многія историческія, физическія и философическія свѣдѣнія, и сердце челоуѣческое было для него не совсѣмъ *та-рабарскою грамотою*—по ешь, онъ зналъ людей, и часто угадывалъ по глазамъ самыя сокровеннѣйшія ихъ чувства и мысли. Въ нынѣшнее время назвали бы его—не знаю, чѣмъ; но въ тогдашнее называли мудрецомъ. Правда, что всякой новой вѣкѣ приноситъ съ собою новое понятіе о семъ словѣ. — Сей мудрецъ, собравшись наконецъ ѣхать отъ Царя добраго

человѣка, сказалъ ему сіи слова: «Въ благодар-
носѣ за твою ласку» — (и за твой хорошій
столъ, могъ бы онъ примолвить) — «открою
«тебѣ важную тайну, важную для твоего
«сердца, Царь добрый человѣкъ! Ничто не со-
«крыто отъ моей мудрости; не сокрыта отъ
«нее и душа твоей дочери, прекрасной Царев-
«ны. Знай, что она любитъ, и хочетъ скры-
«вать любовь свою. Распѣніе, цвѣтущее во
«мракѣ, позябаетъ и лишается красоты сво-
«ей; любовь есть цвѣтъ души. Я не могу
«сказать болѣе. Прости!» — Онъ пожалъ у
Царя руку, вышелъ, сѣлъ на осла и поѣхалъ
въ иную землю.

Царь доброй человѣкъ споялъ въ изумленіи,
и не зналъ, что думать о словахъ мудрецо-
выхъ: вѣришь ли имъ, или не вѣришь, — какъ
вдругъ явилась Царевна, поздравила отца сво-
его съ добрымъ упрямъ, и спросила, покойно
ли спалъ онъ въ прошедшую ночь? «Очень безпо-
«койно, любезная дочь моя! (отвѣчалъ Царь до-
«брой человѣкъ.) Душу мою тревожили разные
«непріятные сны, изъ которыхъ одинъ оспал-
«ся въ моей памяти. Мнѣ казалось, что я вмѣ-
«стѣ со многими людьми пришелъ къ дикой
«пещерѣ, въ которой смертные узнавали бу-
«дущее. Всякой изъ насъ желалъ о чемъ ни-
«будь спросить Судьбу; всякой по очереди вхо-
«дилъ въ сумрачной гротъ, освѣщенный одною
«лампадою, и писалъ на стѣнѣ вопросъ — че-
«резъ минушу, на томъ же мѣстѣ, огненными
«буквами изображался отвѣтъ. Я хотѣлъ

«знашь, скоро ли будушь у меня милыя вну-
«чапа? и къ ужасу моему увидѣлъ сіи слова:
«можетъ быть никогда. Рука моя дрожала; но
«я написалъ еще другіе вопросы: Развѣ у до-
«чери моей каменное сердце? развѣ она никогда
«любить не будетъ? Послѣдовалъ другой оп-
«вѣтъ: Она уже любитъ, но не хочетъ от-
«крыть любви своей, и крушится втайнѣ. Тупъ
«слезы покапились изъ глазъ моихъ; прону-
«тое мое сердце излилось въ нѣжныхъ жало-
«бахъ на тебя, прекрасная Царевна! Чѣмъ я за-
«служилъ такую неискренность, такую недовѣ-
«ренность? Будетъ ли отецъ врагомъ любезной
«своей дочери? Могу ли противиться сердечному
«твоему выбору, милая Царевна? Не всегда ли
«желанія твои были мнѣ закономъ? Не бросался
«ли я на старости лѣтъ моихъ за твою бабоч-
«кою, которую ты хвалила? Не собственною
«ли рукою поливалъ я тѣ цвѣточки, которые
«тебѣ нравились?» — Тупъ Царевна запла-
кала, схватила руку опца своего, поцѣловала
ее съ жаромъ — сказала: батюшка! батюшка!
—взглянула ему въ глаза, и ушла въ свой пе-
ремъ.

«И такъ мудрецъ сказалъ мнѣ правду (раз-
«мышлялъ Царь доброй человѣкъ): она не могла
«скрыть своего внутренняго движенія. Же-
«спокая! думалъ ли я.... И для чего таишь?
«Для чего было не сказать, копорый изъ Ца-
«ревичей плѣнилъ ея сердце? Можешь быть
«онъ не такъ богатъ, не такъ знаменъ, какъ
«другіе; но развѣ мнѣ надобны богатство и

«знашность? Развѣ мало у меня серебра и золота? Развѣ онъ не будетъ славенъ по женьбѣ своей? Надобно все узнать.» — Онъ тогда же минушу рѣшился ийти къ прекрасной Царевнѣ; подошелъ къ дверямъ ея перема, и услышалъ голосъ мущины, который говорилъ: «Нѣтъ, прекрасная Царевна! никогда отецъ твой не согласишся признашь меня зятемъ своимъ!» Сердце родителя сильно запрепешало. Онъ расшворилъ дверь.... Но какое перо опишетъ теперь его чувства? Что предшавилось глазамъ его? Безобразной придворный карла, съ горбомъ напереди, съ горбомъ назади, обнималъ Царевну, которая, проливая слезы, осыпала его спрасными поцѣлуями! — Царь окаменѣлъ. Прекрасная Царевна бросилась передъ нимъ на колѣни и сказала швердымъ голосомъ: «Родитель мой! умерши меня, или ошдай за любезнаго, милаго, безцѣннаго карлу! Никогда не буду супругою другаго. Душа моя живетъ его душею, сердце мое его сердцемъ. Въ жизни и въ смерти мы неразлучны.» — Между шѣмъ карла споялъ покойно, и смотрѣлъ на Царя съ почпеніемъ, но безъ робости. Царь долго былъ неподвиженъ и безгласенъ. Наконецъ воскликнувъ: что я вижу? что слышу? упалъ на кресла. Царевна обнимала его колѣни. Онъ взглянулъ на нее, шакъ, что прекрасная не могла снести сего взора, и опушила глаза въ землю. Ты, ты.... Голосъ его перервался. Онъ посмотрѣлъ

на карлу — вскочилъ — хлопнулъ дверью и ушелъ.

«Какъ, какъ могла прекрасная Царевна полюбить горбашаго карлу?» спросишь, или — не спросишь чашатель. Великой Шекспиръ говоришь, что причина любви бываетъ безъ причины: хорошо сказано для Поэта! но Психологъ шѣмъ не удовольствуется, и захочешъ, чшобы мы показали ему, какимъ образомъ родилась сія склонность, по видимому невѣроятная. Древнія лѣтописи, въ изъясненіе такого нравственнаго феномена, говорятъ слѣдующее:

Придворной карла былъ человекъ ошмѣнно умной. Видя, что своя нравная Напура произвела его на свѣтъ маленькимъ уродцемъ, рѣшился онъ замѣнить плѣсные недоспашки душевными красками — спалъ учишь съ величайшею прилѣжностію, читалъ древнихъ и новыхъ Авторовъ, и, подобно Аѳинскому Ритору Демосѳену, ходилъ на берегъ моря говорить волнамъ пышныя рѣчи, имъ сочиняемыя. Такимъ образомъ скоро приобрѣлъ онъ сіе великое, сіе драгоцѣнное искусство, которое покоряетъ сердца людей, и самаго нечувствительнаго человека заставляетъ плакать и смѣяться — по дарованіе и по искусство, которымъ Тракійской Орфей плѣнялъ и звѣрей и птицъ, и лѣса и камни, и рѣки и вѣтры — краснорѣчіе! Сверхъ того онъ имѣлъ пріятной голосъ, игралъ хорошо на арфѣ и гитарѣ, пѣлъ прогашельныя пѣсни своего сочиненія,

и могъ прекраснымъ образомъ оживляшь по-
лошно и бумагу, изображая на нихъ или Геро-
евъ древности, или совершенство красоты
женской, или кристальные ручейки, осыпае-
мые высокими ивами, и призывающіе къ слад-
кой дремотѣ утомленнаго пасуха съ паспуш-
кою. Скоро слухъ о достоинствахъ и шалан-
тахъ чуднаго карлы разнесся по всему городу
и всему государству. Всѣ искали его знаком-
ства: и старые и молодые, и мужчины и жен-
щины — однимъ словомъ, умной карла вошелъ
въ превеликую моду. Важная услуга, оказанная
имъ опечеству... Но о семъ будешь говорено
въ другомъ мѣстѣ.

Когда прекрасной Царевнѣ было еще не болѣе
десяти или двѣнадцати лѣтъ отъ роду, ум-
ной карла ходилъ къ ней въ теремъ сказывать
сказки о благодѣтельныхъ Феяхъ и злыхъ вол-
шебникахъ — подъ именами первыхъ описывалъ
онъ святыя добродѣтели, которыя дѣлаютъ
человѣка щастливымъ; подъ именами послѣд-
нихъ гибельные пороки, которые ядовитымъ
дыханіемъ своимъ превращаютъ цвѣтущую
долину жизни въ юдоль мрака и смерти. Ца-
ревна часто проливала слезы, слушая горе-
шныя похождения любезныхъ Принцовъ и
Принцессъ; но радость сіяла на прекрасномъ
лицѣ ея, когда они, преодолевъ наконецъ мно-
гочисленные искушенія рока, въ обѣщаніяхъ
любви наслаждались всею полною земнаго
блаженства. Любя повѣсти краснорѣчиваго
карлы, непримѣнно полюбила она и повѣство-

вашеля, и проницательные глаза ея открыли въ немъ самомъ тѣ прогашельныя черпы милой чувствительности, которыя украшали романическихъ его Героевъ. Сердце ея сдѣлало, шакъ сказать, нѣжную привычку къ его сердцу, у котораго научилось оно чувствовать. Самая наружность карлы стала ей пріятна, ибо сія наружность была въ глазахъ ея образомъ прекрасной души; и скоро показалось Царевнѣ, что шопъ не можетъ быть красавцемъ, кшо ростомъ выше двадцати пяти вершковъ, и у кого нѣтъ напередѣ и назади горба. — Что принадлежишь до нашего Героя, то онъ, не имѣя слѣпаго самолюбія, никакъ не думалъ, чшобы Царевна могла имъ плѣниться; а пошому и самъ былъ почти равнодушенъ къ ея прелесшамъ: ибо любовь не раждается безъ надежды. Но когда въ минушю живѣйшей симпатіи прекрасная сказала ему: *я люблю тебя!* когда вдругъ открылось ему поле такого блаженства, о которомъ онъ прежде и мечталъ не осмѣливаясь: тогда въ душѣ его мгновенно вспыхнули глубокошаившія искры. Въ восторгъ бросился онъ на колѣни передъ Царевною, и воскликнулъ въ сладостномъ упоеніи сердца: *ты моя!* Правда, что онъ скоро образумился; вспомнилъ высокой родъ ея, вспомнилъ себя, и закрылъ руками лице свое — но Царевна поцѣловала его и сказала: *я твоя или ничья!* — Дѣвическая робость не позволяла ей открыться родителю въ своей сшрасти.

«Сія любовь прекрасной Царевны хопя и къ умному, но безобразному карлѣ (говоришъ одинъ изъ насмѣшниковъ погдашняго времени) приводишъ на мысль того Царя древности, который смертельно влюбился въ лягушечьи глаза, и созвавъ мудрецовъ своего государсшва, спросилъ у нихъ: что всего любезнѣе? *Цвѣтущая юность*, отвѣчалъ одинъ по долгомъ размышленіи—*красота*, отвѣчалъ другой—*науки*, отвѣчалъ прешій — *Царская милость*, отвѣчалъ четтвертый съ низкимъ поклономъ, и шакъ далѣе. Царь вздохнулъ, залился слезами, и сказалъ: *Нѣтъ, нѣтъ! всего любезнѣе — лягушечьи глаза!*»

Теперь обратимся къ нашей повѣспи. Мы сказали, что *Царь доброй челоуткѣ* хлопнулъ дверью и ушелъ изъ Царевнина шерема, но не сказали, куда? И шакъ да будешъ извѣспно чишашелямъ, что онъ ушелъ въ свою горницу, заперся шамъ одинъ, думалъ, думалъ, и наконецъ призывалъ къ себѣ карлу — попомъ прекрасную *Царевну* — говорилъ съ ними долго, и съ жаромъ; но какъ, и что, о шомъ молчишъ *Испорія*.

На другой день было объявлено во всемъ городѣ, что *Царь доброй челоуткѣ* желаетъ говоришъ съ народомъ — и народъ со всѣхъ споронъ окружилъ дворецъ, такъ что не гдѣ было пасшъ яблоку. Царь вышелъ на балконъ, и когда восклицанія: да здравствуетъ нашъ доброй *Государь!* умслки, спросилъ у своихъ подданныхъ: *друзья! любите ли вы Царевну?* Тыся-

чи голосовъ опивѣчали: мы обожаемъ прекрасную!

Царь. Желаете ли, чшобы она избрала себѣ супруга?

Тысячи голосовъ. Ахъ! желаемъ сердечно! Онъ долженъ бытъ своимъ наслѣдникомъ, Царь доброй челоувѣкъ! Мы спанемъ любить его, какъ себя и дочь свою любимъ.

Царь. Но довольны ли будете вы ея выборомъ?

Тысячи голосовъ. Кто милъ Царевнѣ, тотъ милъ и своимъ подданнымъ!

Въ сію минуу поднялся на балконъ занавѣсъ — явилась прекрасная Царевна въ снѣгоцвѣтной одеждѣ, съ распущенными волосами, копорые какъ записный лентъ развѣвались на плечахъ ея—взглянула какъ солнце на шолпы народныя, и миллионы дикихъ людей покорились бы сему взору. Карла стоялъ подлѣ нее; спокойно и величаво смотрѣлъ на волнующійся народъ, пѣжно и спрашно на Царевну. Тысячи восклицали: да здравствуетъ прекрасная!

Царь, указывая на карлу, сказалъ: «вошъ онъ—шопъ, кого Царевна вѣчно любить кланешся, и съ кѣмъ хочетъ она соединиться навѣки!»

Всѣ изумились — потомъ начали жужжать какъ шмели, и говорили другъ другу: Можно ли, можно ли.... То ли намъ слышалось? Какъ этому быть? она прекрасна; она Царская дочь—а онъ карла, горбатъ, не Царской сынъ!

Я люблю его, сказала Царевна—и послѣ сихъ словъ карла показался народу почти красавцемъ.

«Вы удивляешесь (продолжалъ *Царь доброй челоувѣкъ*)—но шакъ Судьбѣ угодно. Я долго думалъ, и наконецъ даю мое благословеніе. Впрочемъ вамъ извѣстно, что онъ имѣетъ доспосишва; не забыли вы, можетъ быть, и важной услуги, оказанной имъ опечесшву. Когда варвары, подѣ начальствомъ гиганшскаго Царя своего, какъ грозная буря приблизились къ нашему государству; когда серпъ выпалъ изъ рукъ устращеннаго поселянина, и блѣдный паспухъ въ ужасѣ бѣжалъ отъ спада своего: тогда юный карла, одинъ и безоруженъ, съ масличною вѣшвию явился въ спанѣ непріятельскомъ, и запѣлъ сладосшную пѣснь мира—умиленіе изобразилось на лицахъ варварскихъ—Царь ихъ бросилъ мечъ изъ руки своей, обнялъ пѣснопѣвца, взялъ вѣшвь его и сказалъ: мы друзья! Пошомъ сей грозной Гиганшъ былъ мирнымъ госшемъ моимъ—и шысячи его удалились отъ спраны нашей. Чѣмъ наградишь шебя? спросилъ я тогда у юнаго карлы. *Твоею милосштію*, опвѣчалъ онъ съ улыбкою. Теперь»—

Тутъ весь народъ въ одинъ голосъ воскликнулъ: да будетъ онъ супругомъ прекрасной Царевны! да царствуетъ надъ нами!

Торжесшвенная музыка загремѣла — загремѣли хоры и гимны—Царь доброй челоувѣкъ сложилъ руки любовниковъ — и бракосочешаніе совершилось со всѣми пышными обрядами.

Карла жилъ долго и шасшливо съ прекрасною своею супругою. Когда Царь доброй челоувѣкъ, послѣ дѣяшельной жизни, скончался бла-

женною смертію, то ешь, заснулъ, какъ ушом
ленный спранникъ при шумъ ручейка на зеле-
номъ лугу засыпаетъ: тогда зяшь его въ вѣн-
цѣ сафиро-рубинномъ и съ злашымъ скипшромъ
возсѣлъ на високомъ шронѣ и обѣщалъ народу
царшвовашь съ правдою. Онъ исполнилъ обѣщъ
свой, и безприспращная Испорія назвала его
однимъ изъ лучшихъ владыкъ земныхъ. Дѣши
его были прекрасны подобно мапери, и разум-
ны подобно родишелю.

г. 1792.

Ю Л І Я.

=

Женщины жалуются на мужчинъ, мужчины на женщинъ: кто правъ? кто виноватъ? — Кому рѣшишь тяжбу? — Есѣли мнѣ, то я, ничего не слушая и не разбирая, оправдаю... любезнѣйшихъ — слѣдственно женщинъ?.... Безъ сомнѣнія. Но мужчины будутъ недовольны моимъ рѣшеніемъ; докажутъ мое приспращіе; объявятъ, что я подкупленъ.... милымъ взоромъ какойнибудь Лидіи, пріятною улыбкою какойнибудь Арефы; перенесутъ дѣло въ вышній судъ, и приговоръ мой останется — увы! — безъ всякаго дѣйствія.

Вотъ маленькое предисловіе къ слѣдующей повѣсти.

Юлія была украшеніемъ нашей столицы; являлась — и мужчины только на нее смотрѣли, только ею занимались, только ее слушали. А женщины?... женщины шихонько говорили между собою, и съ лукавою усмѣшкою взглядывали на Юлію, стараясь замѣшкать въ ней какойнибудь недоспашокъ, копорый хотя нѣсколько могъ бы успокоить ихъ самолюбіе. Тщешное стараніе! Юлія сіяла какъ солнце; зависть искала въ немъ черныхъ пятенъ, не находила, и съ болію въ глазахъ, съ опчаяніемъ въ сердцѣ, должна была... ийти прочь!

Нужно ли сказывать, что все молодые люди обожали Юлию, и почиали за славу обожать ее? Одинъ вздыхалъ, другой плакалъ, прешій игралъ ролю томнаго меланхолика; и обо всякомъ, кто задумывался, говорили: «онъ влюбленъ въ Юлію!»

Что же Юлія? Любила болѣе всего — самое себя; съ гордою улыбкою смѣрѣла на право, на лѣво, и думала: «кто мнѣ подобенъ? кто меня достоинъ?» Думала, прощу замѣшишь; а не *показывала*. Удивляясь красотѣ и разуму ея, всякой удивлялся между прочимъ и скромности ея взоровъ: искусство, одиѣмъ милымъ женщинамъ свойственное!

Но мало по малу, приближаясь къ концу вшораго десятилѣтія жизни своей, Юлія стала чувствовать, что еиміамъ суетности есть — дымъ; хотя весьма пріятной, но все дымъ, который худо питаетъ душу. Какъ ни обожай себя; какъ ни любуйся своими достоинствами — не довольно! Надобно любить что нибудь кромѣ магической буквы Я — и Юлія начала съ большимъ вниманіемъ разсматривать многочисленную толпу своихъ искашелей. Иногда взоръ ея опадалъ преимущественно молодому Легкоуму, который въ разсужденіи красоты могъ бы поспорить съ самимъ Купидономъ, и не занимался ничѣмъ, кромѣ Юліи и — зеркала; иногда счастному Храбру, лаврами увѣнчанному воину, которому не доснавало только Греческаго плаща, чтобы быть совершеннымъ Марсомъ; иногда забавному Пу-

спослову, кошорый, не смолря на важность судейскаго званія своего, вершѣлся на одной ногѣ какъ Весприсъ, сочинялъ всякой день по десяти Французскихъ каланбуровъ, и зналъ наизустъ лексиконъ анекдотовъ. Все не на долго — черезъ минушу Легкоумъ казался ей безразсуднымъ, самолюбивымъ мальчишкою, Храбронъ — виднымъ драгуномъ, и болѣе ничего — забавный Пустословъ скучною обезьяною. Наконецъ глаза ея остановились на любезномъ Арисъ, кошорый въ самомъ дѣлѣ былъ любезенъ; вѣсы склонились на его сторону, и сердце съ разумомъ на сей разъ согласились.

Кто былъ Арисъ? — Молодой человекъ, воспитанный въ чужихъ краяхъ подъ смолрѣніемъ не наемнаго Гофмейстера, но благоразумнаго и нѣжнаго отца своего. Полезныя и пріятныя знанія украшали его душу, добродѣтельные правила сердце. Не будучи красавцемъ, онъ нравился своею миловидностію и крошкими, любезными взорами, одушевленными огнемъ внутренняго чувства. Онъ краснѣлся, какъ невинная дѣвушка, отъ всякаго нескромнаго слова, сказаннаго въ его присушствіи; говорилъ не много, но всегда осозательно и пріятно; не старался блистать ни умомъ, ни знаніями, и слушалъ cadaго — по крайней мѣрѣ съ терпѣніемъ. Чувствуютъ ли въ свѣтѣ цѣну такихъ людей? Рѣдко. Тамъ сусальное золото предпочищается иногда истинному; скромность, подруга достоинствъ,

оспаешся въ шѣни своей, а дерзость заслужи-
ваешь вънокъ и рукоплесканіе.

Арисъ любилъ Юлію—какъ не любишь того,
что прекрасно и любезно? — но безчисленное
множество ея обожателей успрашало его. Онъ
смопрѣлъ на нее издали, не вздыхалъ, не клалъ
руки на сердце съ томнымъ видомъ; однимъ
словомъ, не думалъ предсавлять каршиннаго
любовника: но Юлія знала, что онъ любилъ
ее спрашно. Дивись, естли угодно, про-
ницанію красавицъ! Скорѣе не примѣшашъ онъ
солнца на ясномъ небѣ въ полдень, нежели
дѣйсвія своихъ прелестей въ глазахъ нѣжна-
го мущины, какъ бы ни хотѣлъ онъ скры-
вать чувства свои. Юлія опличала Ариса опъ
другихъ искапелей, ободрила его заспѣнчи-
вость пріятнымъ взглядомъ, пріятною улыб-
кою; начала съ нимъ говорить, ласкаетъ его,
показываетъ уваженіе къ его достоинствамъ,
вниманіе къ его словамъ, желаніе видѣть его
чаще. «Завтра вы будете въ концершѣ, въ
«саду; завтра вы будете къ намъ обѣдать,
«ужинашь; вчера было у насъ скучно: вы не
«хотѣли къ намъ пріѣхать!»—Арисъ не былъ
изъ числа шѣхъ людей, копорые малѣйшую
ласку со стороны женщинъ принимаютъ за
доказательство любви, и почитаютъ себя
щасливыми Адонисами тогда, когда объ нихъ
и не думаютъ; однакожь, не смопрѣ на скром-
ность свою, онъ позволилъ себѣ надѣяться; а
надежда для спраши есть то же, что ши-
хой Апрельской дождь для молодой зелени,

что въперѣ для искры. Онъ готовъ былъ броситься на колѣни и сказать Юліи: «будь моя навѣки!».... чего Юлія ожидала, чего она хотѣла, и конечно не для того, чтобы опвѣчать: *нѣтъ!* какъ вдругъ на горизонтѣ большаго свѣта явился новый феноменъ, который обратилъ на себя общее вниманіе: молодой Князь N*, любимецъ Природы и щасія, который осыпали его всѣми блестящими дарами своими; знашой, богашой, прекрасной собою. Во всѣхъ обществахъ говорили о молодомъ Князѣ; всѣ хвалили его, а болѣе всѣхъ женщины, особливо тѣ, на которыхъ онъ взглядывалъ ласковѣе, нежели на другихъ—которымъ онъ сказалъ пять или шесть пріятныхъ словъ. Не могли надивиться уму его — даже и тогда, когда онъ говорилъ о погодѣ. Не мудрено —разгоряченное воображеніе есть микроскопъ, который все увеличиваетъ въ тысячу, въ миллионъ разъ — и люди съ такимъ же упрямствомъ могутъ искажать остроумія тамъ, гдѣ нѣтъ его, съ какимъ иногда не хотѣвъ чувствоваться, гдѣ оно есть.

Между тѣмъ носился по городу слухъ, что Князь нечувствителенъ къ женскимъ прелестямъ; что Амуровы стрѣлы не берутъ его сердца; что оно, посредствомъ тайной эластической силы, сжимается и остается невредимо; что бѣдной Венеринъ сынъ, желая ранишь его, опустошилъ колчанъ свой, и все по напрасну. Какой вызовъ для самолюбія женщинъ, какая слава для побѣдишельницы! И

всякой изъ нихъ казалось, что Купидонъ, огорченный, заплаканный, подходитъ къ ней, беретъ ее за руку, и съ умильнымъ взоромъ говоритъ: опмспи, опмспи за меня, или я умру съ горя! «Умереть Купидону! Боже мой! какой ужасъ! за чѣмъ будешь жить въ свѣтѣ безъ прелестнаго малюшки? Надобно за него вступиться; надобно помочь ему, надобно опмспить, и — чего бы то ни стоило — пронуть, побѣдишь, плѣнишь новаго Алькида — и всѣ маспера золошыхъ дѣлъ въ нашей столицѣ занялись одною работою: кованіемъ цѣпей, по заказу красавицъ *. Спрашисъ, въпреной Князь! Но Князь улыбался, расхаживалъ какъ гордой лебедь, и — въ одномъ публичномъ собраніи — вспрѣтился съ Юліею. За нимъ всѣ красавицы, за нею всѣ молодые люди — какая вспрѣча! Они посмопрѣли другъ на друга: какой взоръ! Юлія зашмѣвала женщинъ, Князь N* мужчинъ. «Онъ долженъ любить ее!» думали первыя: «Она должна любить его!» думали послѣдніе. Тѣ и другія пошупили глаза въ землю, проспились съ надеждою, и разошлись въ разныя спороны. — Одинъ Арисъ осмался подлѣ Юліи. Онъ началъ говорить: ему опвѣчали сухо, корошко — казалось, что она была въ разсѣянніи.

На другой день Арисъ прѣхалъ къ Юліи; но головная боль не позволила ей вышши изъ

* Вотъ опъ чего вошли въ моду золошья цѣпи, копорья, за нѣсколько времени передъ симъ, гремѣли и сіли на всѣхъ нашихъ молодыхъ женщинахъ.

своей комнашы. На шрешій онъ увидѣлъ ее на балѣ: Князь сидѣлъ подлѣ нее—Князь танцовалъ съ нею — Князь занималъ ее пріятнымъ своимъ разговоромъ. Арису поклонились учтиво—*учтиво*—болѣе ничего. Спросили, здоровъ ли онъ? и не дожидались отвѣта. Арисъ подошелъ съ другой стороны: его не примѣтили — и какъ примѣтитъ? онъ подошелъ не опшуда, гдѣ сидѣлъ Князь.—Бѣдной Арисъ! догадайся. Ты могъ бытъ щасливъ; но минута прошла! Чшо дѣлашь? Удалишься. — Онъ шо и сдѣлалъ; не нужно сказывать, съ какимъ чувствомъ. — Оспавимъ его. — Пусть онъ поплачетъ въ уединеніи, и, ешлы можно, забудешъ милую въпреницу.

Между шѣмъ Юлія восхищалась Княземъ. Молча, онъ казался ей Анпиномъ *; когда говорилъ, Цицерономъ; когда говорилъ: *Юлія, я обожаю тебя!* полубогомъ. Онъ не обманывалъ, и въ самомъ дѣлѣ плѣнился ея красошою, шакъ, чшо не хотѣлъ бытъ ни въ одномъ концершѣ, гдѣ не пѣла Юлія; ни на одномъ балѣ, гдѣ не танцовала Юлія; ни на одномъ гульбищѣ, гдѣ не гуляла Юлія. Онъ любилъ прежде играшь въ каршы: для Юліи оспавилъ ихъ. Любилъ часа по шри въ день проводишь съ Англійскими лошадьми своими: для Юліи забылъ ихъ. Любилъ спать до двухъ часовъ за полдень: для Юліи перемѣнилъ образъ жизни,

* Славной красавецъ, кошорому Императоръ Адріан посвятилъ храмъ.

и рѣдко не просыпался въ полдень, чшобы на крыльяхъ Зефира — или, по крайней мѣрѣ, въ великолѣпной Англійской каретѣ—лестѣшъ къ Юліи.—Такая любовь не шутка. Вы скажете, что въ рыцарскія времена любили иначе — государи мои! всякой вѣкъ имѣетъ свои обычаи: мы живемъ въ осьмомъ-надесять! Красавицы наши снисходительны и жалосптивы; ни кошорая изъ нихъ, сидя въ ложѣ, не броситъ перчатки на гриву разъяреннаго льва, и не пошлетъ за нею своего Рыцаря *, для того что рыцарь — не поидетъ за нею!

Юлія думала, что Князь не могъ жить безъ нее: только ей казалось чудно, что онъ, говоря безпрестанно о сердцѣ, никогда не упоминалъ о рукѣ. Многія изъ пріятельницъ шихонько поздравляли ее съ такимъ завиднымъ женихомъ; но женихъ молчалъ. — Наконецъ она дала ему почувствовать свое удивленіе: нѣжной Князь оскорбился. «Юлія сомнѣвается въ силѣ прелестей своихъ!» сказалъ онъ съ жаромъ: «Юлія хочешь промѣнять огненнаго Амура на холоднаго Гименея! милую улыбку перваго на вѣчную угрюмость послѣдняго! гирланду розовую на цѣпь желѣзную! О Юлія! любовь не шерпишъ принужденія; одно слово, и все

* Это случилось во Франціи, при Королѣ Францискѣ I, въ то время, какъ звѣриныя сраженія были любимой забавой Двора. Одна молодая дама, сидя въ амфитеатрѣ, нарочно уронила перчатку свою на то мѣсто, гдѣ сражались львы, и сказала рыцарю Делоржу: *подними ее — или ты меня не любишь!*

блаженство исчезнешь! Могъ ли бы Пешрарка въ узахъ брака любить свою Лауру такъ пламенно? Ахъ, нѣтъ! воображеніе его не произвело бы ни одного изъ тѣхъ нѣжныхъ Сонетовъ, копорыми я восхищаюсь. Такъ любить должно, и такой любви достойна Юлія!» Между тѣмъ Юлія поблѣднѣла. Князь увидѣлъ, что его философія ей не нравится; надобно было перемѣнить языкъ, чтобы успокоить красавицу. — «По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, продлимъ, сколько можно, время любви нашей: оно уже никогда, никогда не возвратится, прелестная Юлія!» — Тутъ онъ вздохнулъ. Юлія не могла съ нимъ согласиться; она требовала вѣрнаго слова. Князь далъ его — и въ награжденіе за то хотѣлъ, чтобы она позволила ему нѣкоторыя вольности въ обхожденіи. Всякой день присвоивалъ онъ себѣ новое право... два жаркія сердца бились такъ сильно, такъ близко другъ ко другу... Но скромность есть нужная добродѣтель и для самаго сказочника. Къ тому же — не знаю, отъ чего — собственное сердце мое бьется такъ сильно, когда я воображаю себѣ подобные случаи... Можесть быть какія нибудь темныя воспоминанія... Оставимъ —

Оставимъ всѣ подробности, и скажемъ просто, что бывали минуты, въ копорыя одна богиня невинности могла спасти Юліину невинность. Она почувствовала опасность, и Князь принужденъ былъ назначить день для

поржесшвенной помолвки. Въ ожиданіи сего дня онъ испошилъ всѣ возможныя хитроссти, чшобы побѣдитъ ея швердосшь — но тщешно! Въ самое то время, когда ей, по всѣмъ чешловѣческимъ вѣрояшносшямъ, надлежало забышься, она спрогимъ взоромъ опсылала его опшь себя — по крайней мѣрѣ шага на два, шакъ чшо онъ лишился всей надежды бышь щасшливо-дерзкимъ безъ имени супруга.

Однажды поушру, когда Юлія опкрыла глаза, и съ первою мыслію представила себѣ любезнаго свсего Князя, вручили ей письмоцо слѣдующаго содержанія:

«Вы любезны; но чшо любезнѣе вольносши?
«Мнѣ горесшно разсташься съ вами; но мысль
«о вѣчной обязанности еще горесшнѣе. Сердце
«не знаешъ законовъ, и переспаешъ любишь,
«когда захочешъ: чшожь будешъ супружесшво?
«несносное бремя. Вы не хошѣли любишь по
«моему, любишь шолько для удовольсшвія люб-
«ви, — любишь пока любишь: и шакъ — про-
«сшшите! Называйте меня вѣроломнымъ, есшь-
«ли угодно; но давно говоряшь въ свѣшѣ, чшо
«кляшва любовниковъ пишешся въ песокъ, и
«чшо самой легкой вѣшперокъ завѣваетъ ее.
«Впрочемъ съ такими милыми свойсшвами, съ
«такими прелесшями, вамъ не шрудно найши
«достойнаго супруга,... можешъ бышь вѣрна-
«го, постояннаго! Родяшся Фениксы — но я,
«въ семъ смыслѣ, не Фениксъ; и пошому оспа-
«вляю васъ въ покоѣ. Меня уже нѣшъ въ Мо-
«сквѣ. Просшшите! —»

«Князь N*.»

Юлія запрекешала, и, слѣдуя обыкновенію новыхъ Дидонъ, упала въ обморокъ. Черезъ нѣсколько минушъ опомнилась, для того, чптобы опяшъ забышъся. Наконецъ собравъ силы свои, она нашла для себя нѣкоторое облегченіе въ томъ, чптобы проклиная мушину. «Они всѣ изверги, злодѣи, вѣроломные; шипища воспишала ихъ молокомъ своимъ; подъ языкомъ носяшъ они змѣиной ядъ, а въ сердцѣ ихъ шипишъ ехидна. Слезы ихъ слезы крокодиловы; повѣрь имъ, и гибель неизбѣжна!» — Такими нѣжными красками писала порпрешъ нашъ опчаянная Юлія. Извинишельно; но справедливо ли? Въ одну ли форму оплиши сердца мушину? Могутъ ли всѣ опвѣчать за одного?... Но человекъ въ спраши еспъ худой Логикъ: одинъ кажется ему встми, и вст однимъ.

Не позже какъ на другой день узнали въ городѣ о разрывѣ нашихъ любовниковъ. «Князь N* оспавиль Юлію!» говорили мушину, пожимая плечами. «Князь N* оспавиль Юлію,» говорили женщины съ коварною улыбкою — и всякая изъ нихъ думала: «меня бы онъ не оспавиль!» — Какъ показашъ въ свѣшъ? Юлія возненавидѣла его, и нѣсколько времени не выходила изъ своего кабинета.

Недѣли черезъ двѣ послѣ сей исторіи прѣхалъ къ ней Арисъ. Она подумала... и велѣла его пуспишъ. — Бѣдной Арисъ! онъ долженъ былъ спрадашъ вмѣспъ со всѣми мушинами опъ спрѣлъ Юліина краснорѣчія, и слушашъ,

съ видомъ кающагося преслупника, когда бра-
нили непостоянство и вѣроломныхъ! Другой
на его мѣстѣ взглянулъ бы на Юлію такими
глазами, что она конечно бы покраснѣлась и
замолчала; но доброй Арисъ любилъ, не могъ
преодолевъ спраши своей, и прѣхалъ не для
того, чтобы мстить огорченной красавицѣ.

Юлія довольна была его посѣщеніемъ; жела-
ла видѣть его въ другой, въ третій разъ —
и черезъ нѣсколько времени сердце ея пере-
спало кипѣнь гнѣвомъ на мужчинъ. Арисова
нѣжность, крошечность, сердечныя достоинства,
кошорыхъ въ свѣтскомъ шумѣ не могла она
такъ сильно и живо чувствовать, пронули
ея душу въ искреннихъ разговорахъ тихаго
кабинета. «Для чего, сказала Юлія сквозь сле-
зы, для чего другіе мужчины не подобны вамъ!
Тогда нѣжнѣйшая склонность нашего сердца
не была бы для насъ источникомъ боли и
горести.»... Арисъ воспользовался сею мину-
тою, и Юлія не могла отказать отъ руки
его, съ тѣмъ условіемъ, чтобы оставивъ на-
всегда коварной свѣтъ — какъ она говорила,
стараясь загладить въ мысляхъ своихъ по-
слѣднія черты легкомысленнаго Князя N* —
«коварной свѣтъ, недостойный бытъ свидѣ-
«телемъ нашего благополучія, любезной Арисъ!
«Презримъ суешность его — онъ мнѣ несно-
«сенъ — и удалимся въ деревню!» — «Всѣ дни
мои, освѣчалъ онъ съ радостными слезами,
будущъ посвященъ твоему удовольствію, не-
сравненная Юлія! я радъ жить съ тобою на

краю міра; никогда, никогда не оскорблю тебя ни взоромъ, ни упрекомъ, ни жалобою. — Воля твоя мой законъ; ты дѣлаешь меня счастливымъ: угадываешь твои желанія, исполняешь ихъ, зависѣшь отъ тебя совершенно, есть священный долгъ моей благодарности!» — Арисъ не обманешь Юлію; а Юлія — увидимъ!

Первыя шесть или семь недѣль прошекли для нихъ въ деревнѣ, какъ шесть или семь веселыхъ дней. Добродѣтельный супругъ восхищался прелестною супругою всякой часъ, всякую минушу. Юлія была чувствительна къ его нѣжности — и сердца ихъ сливались въ тихихъ восторгахъ. Казалось, что сама Природа брала участіе въ ихъ радостяхъ: она цвѣла тогда во всемъ пространствѣ садовъ своихъ. Вездѣ благоухали ямины и ландыши; вездѣ пѣли соловьи и малиновки; вездѣ курился оиміамъ любви, и все питало удовольствіями любовь нашихъ супруговъ.

«Боже мой! (говорила Юлія) какъ могутъ люди жить въ городѣ! Какъ могутъ они выѣзжать изъ деревни! Тамъ шумъ и безпокойство; здѣсь чистое, невинное удовольствіе. Тамъ вѣчное принужденіе; здѣсь покой и свобода. Ахъ другъ мой!... (съ умильнымъ взоромъ брала она Арисову руку, и прижимала ее къ своей груди).... ахъ, другъ мой! только въ одной сельской тишинѣ, въ однихъ объятіяхъ Напурь, чувствительная душа можетъ наслаждаться всею полною любовью и нѣжностью!»

Въ концѣ лѣта Юлія все еще хвалила сельскую жизнь, хошя и не съ такимъ уже краснорѣчіемъ, не съ такимъ жаромъ. Но—за краснымъ лѣтомъ слѣдуетъ мрачная осень. Цвѣты и въ полѣ и въ саду увяли; зелень поблекла; листья слезли съ деревьевъ; пшички... Богъ знаетъ, куда дѣвались—и все спало такъ печально, такъ уныло, что Юлія потеряла всю охоту хвалить деревенское уединеніе. Арисъ примѣтилъ, что она, смотря въ окно, часто закрывала бѣлымъ плашкомъ алой свой рошикъ, и что бѣлый плашокъ, какъ будто бы опъ вѣянiя Зефира, поднимался на немъ и опускался — то есть, сказать просто, Юлія зѣвала! Арисъ вздохнулъ—взялъ томъ Новой Элоизы, развернулъ и прочиталъ нѣсколько страницъ... о блаженствѣ взаимной любви. Юлія перестала зѣвать, слушала, и наконецъ сказала: «Прекрасно! только знаешь ли, мой другъ? Мнѣ кажется, что Руссо писалъ болѣе по воображенію, нежели по сердцу. Хорошо, если бы такъ было; но такъ ли бываетъ въ самомъ дѣлѣ? Удовольствіе щастливой любви есть конечно первое въ жизни; но можешь ли оно быть всегда равно живо, всегда наполняя душу? можешь ли замѣнить всѣ другія удовольствія? можешь ли населить для насъ пустыню? Ахъ! сердце человѣческое ненасыσιμο; оно хочетъ безпрестанно чего нибудь новаго, новыхъ идей, новыхъ впечатлѣній, которыя, подобно упренней росѣ, освѣжаютъ внутреннія чувства его, и даютъ имъ новую

силу. На примѣръ, я думаю, что самая пылкая любовь можетъ проспышь въ совершенномъ уединеніи; она имѣетъ нужду въ сравненіяхъ, чтобы шѣмъ болѣе чувствовашъ цѣну предмета своего.» — Арисъ вздохнулъ и сказалъ: «я не такъ думалъ; но... мы завтра ѣдемъ въ городъ!»

Юлія снова явилась въ свѣшъ, и съ новымъ блескомъ красоты своей, съ богатствомъ, съ пышностію: довольно — свѣшъ принялъ ее съ рукоплесканіемъ, и розы со всѣхъ сторонъ посыпались на Юлію. Веселье за весельемъ, удовольствіе за удовольствіемъ — такъ какъ и прежде — съ тою разницею, что замужняя женщина имѣетъ еще болѣе удобства наслаждаться всѣми пріятностями свѣшской жизни.

Героиня наша хотѣла жить открытымъ домомъ, и по крайней мѣрѣ четыре раза въ недѣлю ужинало у нее 30 или 40 человекъ. Арисъ молчалъ; дѣлалъ все, что ей угодно было. Юлія чувствовала сію нѣжность, и, оставаясь съ нимъ наединѣ, награждала его за то восхищительными своими ласками. «Не правда ли, другъ мой—говорила она съ прелестною улыбкою—что городскія забавы и разнообразіе предметовъ еще болѣе оживляютъ любовь нашу? Сердце мое, упомянутое свѣшскимъ шумомъ, наслаждается покоемъ въ швоихъ объятіяхъ.» — Арисъ вздыхалъ, — такъ тихо, что Юлія не слыхала того.

Но однажды ввечеру Арисъ измѣнился въ

лицѣ:—между гостями, пріѣхавшими къ Юліи, увидѣлъ онъ Князя N*. Сердце его запрепещало; однакожь, черезъ нѣсколько минушъ, сіе невольное движеніе укротилось. Разумъ сказалъ сердцу: *молчи!* и Арисъ подошелъ къ Князю съ учтивымъ привѣтствіемъ. Только во весь шопъ вечеръ боялся онъ приспально смотрѣшь на Юлію, чшобы не привести ее въ замѣшательство; чшобы она не перешолковала его взоровъ въ худую сторону, и не нашла въ нихъ какого нибудь подозрѣнія, безпокойства, неудовольствія.

Послѣ ужина, когда всѣ разѣхались, Юлія сѣла на софу, взяла Ариса за руку, и сказала ему съ улыбкою: «Ты видѣлъ, мой другъ, съ какою учтивостію обходилась я съ Княземъ N*. Не принявъ его, откажашъ ему ошъ дому было бы съ моей стороны неблагоразумно. Пусть видишъ эшопъ легкомысленный Нарцисъ, чшо онъ мнѣ ничего; чшо прошедшее заблужденіе не оставило въ душѣ моей никакихъ слѣдовъ; чшо я не имѣю причины бояшья сердца своего, и чшо онъ не можетъ привести меня въ краску.» — Арисъ, Арисъ поцѣловалъ ея руку, и ошдалъ справедливостъ благоразумію супруги своей!

Черезъ два дни опять ужинъ, и Князь опять явился вмѣстѣ съ прочими гостями; былъ веселъ, забавенъ; говорилъ съ хозяйкою болѣе нежели съ кѣмъ нибудь; о хозяйкѣ не думалъ; взглядывалъ на него почти съ презрѣніемъ, и велъ себя какъ должно модному человѣку. —

Корошко сказаць, онъ не пропускалъ случая быць у Юліи. «Какъ весело въ ея домъ!» говорили мущины и женщины. «Хозяйка любезна какъ Ангелъ,» говорили первые. «Милой Князь N* разливаєшь вокругъ себя удовольствіе,» говорили послѣднія.—Между тѣмъ начались шолки. Одни съ усмѣшкою смотрѣли на Ариса; другіе пожимали плечами. «Чему удивишься?» шептали другъ другу на ухо: «старая дружба! Теперь же и менѣе опасносши. Мужъ тихъ, скромень — и все съ концомъ!»

Арисъ не перемѣнялся въ разсужденіи Юліи; но скоро увидѣлъ въ ней перемѣну. Иногда она задумывалась, блѣднѣла, хотѣла быць одна; черезъ часъ лице ея покрывалось нѣжнѣйшимъ румянцемъ: она бросалась въ объятія супруга своего, цѣловала его съ жаромъ, хотѣла что-то сказаць, и не говорила ни слова. Скромной Арисъ также молчалъ; иногда слезы капились изъ глазъ его—но кто былъ ихъ свидѣтелемъ? тихое уединеніе; самая густая аллея въ саду его, копорая, послѣ Юліи, сдѣлалась ему всего милѣе. Арису казалось, что хладныя тѣни ея съ чувствомъ прикасались къ его сердцу, и согрѣвались его шеплошою.

Въ одинъ день, передъ вечеромъ, онъ пріѣхалъ домой, и спѣшилъ въ любимую свою аллею; входилъ — и видитъ Князя N*, сидящаго на дерновомъ канапѣ подлѣ Юліи, копорая, опустивъ голову на плечо къ нему, смотрѣла въ землю. Онъ цѣловалъ ея руку и говорилъ: «Ты меня любишь, и я долженъ

умереть въ своихъ обѣщаніяхъ! Юлія! тебѣ ли имѣть предразсужденія? Слѣдуй влеченію своего сердца; слѣдуй».... Но Юлія услышала шорохъ, взглянула — и зашрепешала... Пусть всякой вообразитъ себя на мѣстѣ бѣднаго Ариса!.... Что дѣлать? Закололъ ихъ однимъ кинжаломъ; утолилъ кровію жажду справедливаго мщенія; а потомъ... умертвилъ и самого себя... Нѣтъ! Арисъ сражался съ собою — не долѣе минуты; она была ужасна — но онъ усмирилъ кипящее сердце, и скрылся! — Человѣкъ, который видѣлъ его выходящаго изъ аллеи, сказывалъ мнѣ, что лице его было блѣдно какъ полотно; что ноги его примѣтно дрожали; что изъ сердца его, какъ будто бы насильно, вырывался какой-то глухой стонъ; что онъ, взглянувъ на небо и вздохнувъ нѣсколько разъ сряду, вдругъ пошелъ скорыми шагами.

Въ тотъ же вечеръ принесли къ Юліи слѣдующее письмо:

«Я не нарушилъ даннаго слова; не оскорбилъ тебя ни жалобою, ни укоризною; надѣялся на силу нежности и любви моей, обманулся и долженъ терпѣть! — После того, что я видѣлъ и слышалъ... намъ не лѣзя жить вмѣстѣ. Не хочу обременять тебя моимъ существованіемъ. Права супружества нестерпимы, когда любовь не освящаетъ ихъ. Юлія — прости!... Вы свободны! забудьте, что у васъ былъ супругъ; долго — или никогда объ немъ не услышите! Океанъ раздѣлитъ насъ. Не

«будешъ у меня ни опечесхва, ни друзей; будешъ одно чувсво, для горести и меланхо-
ліи! — Въ приложенномъ пакетѣ найдете бумагу, по которой можете располагать мо-
имъ имѣніемъ; найдете еще поршреть—быв-
шей супруги моей... Нѣтъ, я возьму его съ собою; буду говорить съ нимъ какъ съ тѣнію умершаго друга; какъ съ единственнымъ и послѣднимъ милымъ предметомъ умирающаго сердца!»

Надобно знать, что Юлія, увидѣвъ Ариса въ аллеѣ, нѣсколько минутъ сидѣла безмолвно; потомъ бросилась въ слѣдъ за нимъ, назвала его два раза именемъ... голосъ ея перервался, ноги подогнулись — она должна была опереться на плечо Князю, и едва могла дойти до дому. Тамъ, не видя Ариса, упала на софу, закрыла лице руками, и не говорила ни слова. Тщешно приступалъ къ ней услужливой Князь, щешно старался успокоить ее: —она молчала.

Дрожащею рукою схватила Юлія письмо Арисово — прочитала его — и слезы въ при-
ручья покашились изъ глазъ ея. Князь хотѣлъ взять письмо... «Поспой!» сказала она твердымъ голосомъ: «ты не можешь его читать: оно писано добродѣтельнымъ!... Туманъ разсѣялся — и я презираю себя!... О женщины! вы жалуетесь на коварство мужчинъ: ваше легкомысліе, ваше непоспоянство служишь имъ оправданіемъ. Вы не чувствуете цѣны нѣжнаго, добродѣтельнаго сердца; хошите

нравишься всему свѣшу, гоняешься за блестящими побѣдами, и бываешь жертвою суешности своей *. — Государь мой! вы видите меня въ послѣдній разъ. Обманывайте другихъ женщинъ, смѣйтесь надъ слабыми; только прошу забыть, оставивъ меня навсегда. Я не обвиняю никого кромѣ собственной безразсудности моей. Въ свѣтъ не будетъ вамъ недоспашка въ удовольствіяхъ; но я гнушаюсь вами и всѣми подобными вамъ. Клянусь самой себѣ, что оппный дерзкой порокъ не осмѣлился взглянуть мнѣ прямо въ глаза. Дивитесь скорой переменѣ; вѣрьте ей или не вѣрьте: для меня все одно.» — Сказала, и какъ молнія исчезла.

Князь стоялъ подобно неподвижной спашу; наконецъ опомнился, засмѣялся—искренно или пришворно, оставимъ безъ рѣшенія — сълъ въ карешу и поѣхалъ въ спектакль.

Юлія—узнавъ, что Арисъ уѣхалъ изъ Москвы, неизвѣстно куда, и только съ однимъ камердинеромъ — сама немедленно оставила городъ и удалилась въ деревню. «Здѣсь пропекутъ дни мои въ безмолвномъ уединеніи,» сказала она со вздохомъ: «сельской домикъ! я могла, но не умѣла быть щаслива въ пихихъ спѣнахъ швоихъ; я вышла изъ себя съ досшойнѣйшимъ, нѣжнѣйшимъ супругомъ: возвраща-

* „У мѣста ли такая выходка?“ скажетъ кришникъ: „можешь ли женщина въ такомъ случаѣ проповѣдывать добродѣтель?“ *Можетъ*, оппвѣчаю ему: можешь, можешь! а дока-зательство... объявлю послѣ.

юсь одна, бѣдною вдовою, но съ сердцемъ любящимъ добродѣтель. Она будетъ моимъ утѣшеніемъ, моимъ товарищемъ, моею подругою; я буду разсмапривать, буду цѣловать образъ ся въ чертахъ незабвеннаго Ариса!» — Въ сію минушу слезы ея капали на поршрешъ его, копорой она въ рукахъ держала.

Надобно опдашь справедливосшь вамъ, любезныя женщины: когда вы на что нибудь рѣшишесь, не въ минушу легкомыслія, не словомъ, но душею, и съ глубокимъ чувспвомъ истины: швердосшь ваша бываетъ тогда удивительна — и славнѣйшіе Герои посшоянспва, копорыхъ до небесъ возносишь Испорія, должны раздѣлишь съ вами лавры свои.

Юлія — копорая на шоненькой волосокъ была опъ того, чшобы сдѣлаться новою Аспазіею, новою Лайсою — Юлія сдѣлалась вдругъ Ангеломъ непорочности. Всѣ суешныя желанія замерли въ ея сердцѣ; она посвятила жизнь свою памяши любезнаго супруга; воображала его стоящаго передъ собою; изливала передъ нимъ свои чувспва; говорила: «Ты меня оставилъ; ты имѣлъ право оставишь меня; не смѣю желать швоего возвращенія — желаю только спокойствія любезной души швоей; желаю, чшобы ты забылъ супругу свою, еспъли образъ ея мучишь швое сердце. Будь щасшливъ, гдѣ бы ты ни былъ! Со мною милая шѣнь швоя; со мною воспоминаніе любви швоей: я не умру съ горести! Хочу жишь, чшобы ты имѣлъ въ свѣшѣ нѣжнаго друга. Мо-

жешь бышь, посредствомъ тайной симпатіи, сердце швое, не взирая на разлуку, на пространство, которое насъ раздѣляетъ, согреешься, оживишься моею любовію, можешь бышь, погруженному въ тихой сонъ, вѣющій Зефиръ скажетъ тебѣ: *Арисъ не одинъ въ міръ* — откроешь милые глаза свои, и вдали, въ шуманъ, увидишь горестную Юлію, которая слѣдуетъ за тобою своимъ духомъ, своимъ сердцемъ; можешь бышь... ахъ! я прошивъ воли своей желаю... Нѣшь, нѣшь! хочу обожать его безъ всякой надежды!»

Въ душѣ ея царствовало тихое уныніе, болѣе пріятное, нежели мучительное. Добродѣтельные чувства несовмѣстны съ тоскою: самыя горькія слезы раскаянія имѣютъ въ себѣ нѣчто сладкое. Прекрасна и заря добродѣтели; а что иное есть раскаяніе?

Скоро Юлія узнала, что она беременна: новое, сильное чувство, которое потрясло душу ея!... радостное или печальное?... Юлія нѣсколько времени сама не могла разобрать идей своихъ. — «Я буду матерью?... Но кто возьметъ на руки младенца съ нѣжною улыбкою? Кто обольетъ его слезами любви и радости? Кому скажу я: *вотъ сынъ нашъ! вотъ дочь наша!* Несчастной младенецъ! ты родишься сиротою, и образъ горести будешь первымъ предметомъ открывающихся глазъ твоихъ!... Но... такъ угодно Провидѣнію! Новая обязанность живи и перенеси безъ ропсання! — Родись, милой младенецъ! Сердце мое будешь

«тебѣ опцомъ и матерью. Я утѣшусь для
«тебя и побою; не оскорблю нѣжной души
«твоей ни горестными вздохами, ни мрачнымъ
«видомъ! Одна любовь ожидаетъ тебя въ мо-
«ихъ объятіяхъ, и часъ твоего рожденія об-
«новитъ жизнь мою!»

Юлія хотѣла приготовить себя къ священ-
ному званію матери. Эмиль — книга един-
ственная въ своемъ родѣ — не выходилъ изъ
рукъ ея. — «Я не умѣла быть добродѣтель-
«ною супругою (говорила она со вздохомъ) по-
«крайней мѣрѣ буду хорошею матерью, и не-
«бреженіе одного долга заглажу вѣрнымъ испол-
«неніемъ другаго!»

Она считала дни и минуты; приспраси-
лась заранѣе къ милому младенцу, еще неви-
димому; заранѣе цѣловала его въ мысляхъ сво-
ихъ, называла всѣми нѣжными именами — и
всякое его движеніе было для нее движеніемъ
радости.

Онъ родился — сынъ — прекраснѣйшій мла-
денецъ, соединенный образъ отца и матери.
Юлія не чувствовала боли, не чувствовала
слабости: имъ, имъ только занималась, имъ
дышала; плакала — улыбалась, чтобы заспа-
вить его улыбнуться — и сердце ея, вкусивъ
сладкія чувства матери, открыло въ себѣ но-
вый источникъ радостей, чистѣйшихъ, свя-
тыхъ, неописанныхъ радостей. Не усаждали
глаза ея, смотря на младенца; не усаждали
языкъ ея, называя его тысячу разъ любезнымъ,
милымъ сыномъ! Огнемъ любви своей согревала

она юную душу его; наблюдала ея начальныя дѣйствія, отъ первой слезы до первой его усмѣшки, и вливала въ него, нѣжными взорами, собственную свою чувствительность. — Нужно ли сказывать, что она сама была кормилицею своего сына?

Юліи казалось, что всѣ предметы вокругъ нее перемѣнились и сдѣлались ласковѣе. Прежде она не выходила почти изъ комнаты своей; открытое небо, пространство, необозримыя равнины, питали въ ея душѣ горестную идею одиночества. *Что я въ неизмѣримой области творенія?* спрашивала она у самой себя, и погружалась въ задумчивость. Шумъ рѣки и лѣса увеличивалъ ея меланхолію; веселье лепшающихся пшечекъ было чуждо ея сердцу. Теперь Юлія спѣшила показывать маленькаго любимца своего всей Нашурѣ. Ей кажется, что солнце свѣтитъ на него свѣплѣе; что каждое дерево наклоняется обнять его; что ручеекъ ласкаетъ его своимъ журчаніемъ; что пшечки и бабочки для его забавы порхаютъ и рѣзвятся. *Я мать*, думаетъ она, и смѣлыми шагами идешь по лугу.

Удовольствія, копорыхъ Юлія искала нѣкогда въ свѣтѣ, казались ей теперь ничтожнымъ, обманчивымъ призракомъ въ сравненіи съ существоннымъ, питательнымъ наслажденіемъ материи. Ахъ! она была бы совершенно счастлива, если бы мысль о горестномъ Арисѣ не тревожила ея сердца. «Я проливаю радостныя слезы — говорила она самой себѣ—я наслаж-

даюсь въ то время, когда онъ въ горестномъ уединеніи скидается по свѣшу, упрекая себя любовію къ недоспойной супругѣ! Какой Ангелъ извѣстилъ его о перемѣнѣ моего сердца? Юлія могла бы... такъ, въ присушствіи самого Неба, осмѣлюсь сказать, что Юлія могла бы теперь загладишь передъ нимъ вину свою!.. Но онъ не знаетъ; онъ воображаетъ меня въ объятіяхъ — порока; воображаетъ меня мерзвою для всѣхъ чувствъ добродѣтели!.. Пусть онъ возвратится хотя на минушу; хотя для того, чтобы видѣть нашего сына! Пусть онъ — сказавъ: *ты не достойна имъ веселиться* — возмешь его у меня! Я рада лишиться всѣхъ утѣшеній, чтобы утѣшить оскорбленнаго супруга моего.... рада бышь несчастлива для его благополучія! А онъ будетъ щастливъ; съ Ангеломъ красоты и невинности забудетъ всѣ печали!»

Между тѣмъ маленькой Эрасъ * расцвѣталъ какъ розанъ; онъ могъ уже бѣгать по лугу; могъ говорить Юліи: *люблю тебя, маменька!* могъ ласкать ее съ чувствомъ, и нежными рученками опиравъ пріятныя слезы, копорыя часто кашились изъ глазъ ея.

Однажды весною — время, копорое всегда напоминало Юліи первую весну замужства ея — она пошла гулять съ маленькимъ своимъ Эрасомъ, съла не цвѣшущемъ пригоркѣ близъ дороги и — между тѣмъ, какъ младенецъ рѣз-

* Имя сына ея.

вился и прыгалъ вокругъ ее — сняла съ груди своей поршрешъ Арисовъ и разсмапривала его съ умиленіемъ. — «Таковъ ли онъ шеперь? «думала Юлія: Ахъ, нѣтъ! чершы его конечно «перемѣнились. Когда живописецъ изображалъ «ихъ, онъ сидѣлъ прошивъ меня, смошрѣлъ на «меня съ любовію, былъ веселъ и шасшливъ! «А шеперь... шеперь»... Взоръ Юліинъ помрачился. Она задумалась, и легкой сонъ закрылъ на минушу глаза ея.

Безпокойная душа видишь и мечшы безпокойныя *: Юліи представилось во снѣ необозримое море, кошорое шумѣло и пѣнилось подъ черными шучами; излучисшыя молніи сверкали во мракъ, спрашныя громы гремѣли, и ужасъ носился всюду на крыльяхъ бури. Вдругъ показывается корабль, игралище, жершва волнъ разъяренныхъ—исчезаетъ въ пронассяхъ кипящей влаги, и снова являешся, чшобы навсегда погрузишся въ безднѣ... Злополучныя мореплаващели!... Юлія, сидя на кремнистой скалѣ, видишь гибель ихъ, и спрадаешъ въ чувспвишельномъ сердцѣ своемъ. Сильной валъ несешся къ берегу, выбрасываешъ на песокъ человекъ, и удаляешся. Юлія спѣшишь къ несчастному — хочешъ оживишь его, и узнаешъ въ немъ Ариса... хладнаго, мершваго. Она шрепещешъ, пробуждаешся.... и видишь Ариса на яву: онъ въ ея объяшїяхъ, и навѣки!

* *Ужасный сонъ быастъ передъ шасшливыми событіемъ, говоришь Гишпанская пословица; я воспользовался ею для окончанїя моей повѣсти.*

Я знаю слабость пера своего, и для того не скажу болѣе ни слова о семъ рѣдкомъ явленіи; ни слова о первыхъ восклицаніяхъ, непосредственно вылетѣвшихъ изъ глубины сердца; ни слова о краснорѣчивомъ безмолвіи первыхъ минушъ; ни слова о слезахъ радости и блаженства!... Чѣобы живѣе представилъ себѣ картину, читатель вообразилъ еще маленькаго Эрасма, котораго Юлія взяла на руки и подала Арису. Младенецъ наученный Природою, ласкалъ отца своего и сморъль съ улыбкою на Юлію *.

Уже при года живутъ они въ деревнѣ, живутъ какъ нѣжнѣйшіе любовники, и свѣтъ для нихъ не существуетъ. Арисъ не перемѣнился; онъ всегда былъ дѣятельнымъ мудрецомъ. Но Юлія примѣромъ своимъ доказала, что легкомысліе молодой женщины можетъ быть иногда покрываломъ или завѣсою величайшихъ добродѣтелей.

Нѣжность Арисова такъ далеко простирается, что онъ не позволяетъ Юліи описывать черными красками прежняго ея въпреднаго характера. — «Ты рождена была добродѣтельною, говоришь Арисъ: нескромное желаніе нравишься, плодъ безразсуднаго воспи-

* Откуда взялся Арисъ? спросятъ любопытные. Онъ нѣсколько лѣтъ странствовалъ по чужимъ землямъ. Вѣрный другъ, оспавленный имъ въ Москвѣ, уведомлялъ его о Юліи. Наконецъ, увѣрившись въ ея добродѣтели, лѣтъ онъ къ обожжаемой супругѣ, сказалъ ей: я не переставалъ обожать тебя!

«шанія и худыхъ примѣровъ, произвело минуш-
«яныя твои заблужденія. Тебѣ надлежало
«только одинъ разъ почувствовать цѣну истин-
«ной любви, цѣну добродѣтели, чтобы испра-
«виться и возненавидѣть порокъ. Ты удивля-
«ешься, другъ мой, для чего я молчалъ и не
«хотѣлъ говорить тебѣ о слѣдствіяхъ въ-
«тренности твоей: я былъ увѣренъ, что уко-
«ризы могутъ скорѣе ожесточить сердце,
«нежели пронуть его чувствительность.
«Нужное терпѣніе со стороны мужа есть въ
«такомъ случаѣ самое дѣйствительнѣйшее
«средство. Выговоры, упреки, заставили бы
«тебя думать, что я ревнивъ; ты почла бы
«себя оскорбленною — и сердца наши могли
«бы навсегда удалиться другъ отъ друга.
«Слѣдствіе доказало справедливость моей си-
«семы. Разлука казалась мнѣ послѣднимъ спо-
«собомъ, который должно было употребить
«для твоего исправленія. Я оставилъ тебя на
«судъ собственнаго твоего сердца — призна-
«юсь, не хладнокровно, не безъ мучительной
«горести — но лучъ надежды пыталъ и не
«обманулъ меня! ты моя, совершенно и на-
«вѣки!»

Иногда Юлія вооружается противъ жен-
щинъ: Арисъ ихъ защитникъ. «Повѣрь мнѣ,
другъ мой, (говоритъ онъ) повѣрь, что по-
рочныя женщины бываютъ отъ порочныхъ
мущинъ; первыя для того дурны, что послѣд-
ніе не стоятъ лучшихъ.»

Арисъ и Юлія могутъ не соглашаться въ

разныхъ мнѣнiяхъ; но въ томъ они согласны,
что удовольствiе щасливыхъ супруговъ и
родителей есть первое изъ всѣхъ земныхъ
удовольствiй.

г. 1794.

ПАМУТАЛИ.

ДРЕМУЧІЙ ЛѢСЪ.

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

*Сочиненная въ одинъ день на слѣдующія задан-
ныя слова:*

Балконъ, лѣсъ, шаръ, лошадь, хижина,
лугъ, малиновой кустъ, дубъ, Оссіанъ,
источникъ, гробъ, музыка *.

=

Бѣшъ восемь часовъ. Время пить чай,
друзья мои. Любезная хозяйка ожидаетъ насъ
на балконъ.

Вечеръ сумраченъ. Грозныя облака мчатся
по синему небу. Тамъ, на западъ, образуется
черная туча. Въперъ воешь среди развалинъ
нашей древней церкви. Все уныло, все печаль-
но!

Вы на меня смотрите, любезныя малютки!..
Понимаю. Вы хотите, чтобы я, подъ шу-
момъ вѣтра, подъ тѣнію сизыхъ облаковъ,
разсказалъ вамъ какуюнибудь старинную быль,
жалкую или ужасную, и минувшее превра-

* То есть, всѣ сіи слова надлежало помѣстить въ піесѣ одно
за другимъ, въ томъ порядкѣ, въ которомъ они были за-
даны.

шилъ для васъ въ настоящее. Не правда ли?—
Хорошо слушайте.

Взгляните на древній, густой, мрачной лѣсъ, копорой возвышается передъ глазами нашими: какъ спрашенъ видъ его! какія черныя шѣни лежатъ на его кудрявой вершинѣ! Вы слышите глухой шумъ деревъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, — и чувствуете хладъ ужаса въ сердцахъ своихъ. Знайте же, что въ старину, вѣковъ за десять передъ нашимъ вѣкомъ, эшопъ лѣсъ былъ въ десять разъ обширнѣе, темнѣе, ужаснѣе. Никто не прокладывалъ въ немъ ни дорожки, ни пропинки; дикіе звѣри жили въ его мрачныхъ пустыняхъ, и помный спранникъ въ самый жаркій полдень не смѣлъ искать прохлады въ густой сѣни его.

Молва, копорая носилась по окрестнымъ деревнямъ, еще болѣе пугала робкихъ людей. Говорили, что въ эшомъ дремучемъ лѣсу — (надобно знать, что ему не было другаго имени) — издавна жилъ и царствовалъ одинъ злой волшебникъ или чародѣй, кумъ и другъ адскаго Велзевула. Часно, въ глубокую полночь, вымешали опшуда пламенные шары, носились по мрачному воздуху и вдругъ съ прескомъ исчезали. Часно при свѣтѣ луны, когда поселяне издали смотрѣли на лѣсъ, расхаживало между деревьями какое-то чудовище, на ровнѣ съ высокими соснами, и огненными глазами своими освѣщало все вокругъ себя сажень на спю. Сверхъ того случалось нѣсколько тысячъ разъ, что молодыя лошади, копорыя,

будучи смѣлѣе людей, заходили иногда въ чашу бора, возвращались домой всѣ въ ранахъ, всѣ въ крови, и деревенскіе жишели по естественной Логикѣ заключали, что одинъ злой чародѣй, кумъ Велзевуловъ, могъ искушать ихъ такимъ немилосерднымъ образомъ. — Вы согласись, друзья мои, что это было въ самомъ дѣлѣ очень, очень спрашно.

Не знаю, какъ называлась наша деревня въ то время, о кошоромъ говорю я; но знаю, что въ ней жили тогда, подъ кровлею смиренной *хижины*, добрый спарикъ и добрая спарушка (мужъ и жена) въ мирѣ и согласіи, по закону Небесному, закону чистой совѣсти; жили щастливо какъ Филемонъ и Бавкида, съшою розницею, что Фригійскіе супруги не имѣли дѣшей, а у нашихъ былъ сынъ, Ангелъ красошою, голубъ смиреніемъ, и — въ двадцать лѣтъ — спарикъ разумомъ. Зависшь находила въ немъ только одинъ порокъ; а именно шось, что онъ не любилъ женщинъ, и не думалъ искашь себѣ невѣсшы, къ великому огорченію всѣхъ деревенскихъ красавицъ, кошорыя, имѣя чувствительныя сердца, не могли смотрѣшь равнодушно на блѣдо-румяное лице, черные глаза, величавую осанку и прямой спанъ любезнаго юноши. Тщешно прислунали къ нему отецъ и мать; шщешно говорили ему: «обрадуй насъ въ глубокой спаросши, сынъ безцѣнный, обрадуй насъ своею женидьбою. Ахъ! уже ли никогда милья внучаша не будушь играшь на колѣняхъ нашихъ?» — «Лю-

безные родишели!» отвѣчалъ онъ сквозь слезы: «не мучьте вашего бѣднаго сына; ради Бога не мучьте его! Я готовъ умереть за васъ; но только не могу жениться безъ сердечной склонности. Что мнѣ дѣлать? Наши красавицы не прельщаютъ меня. Будемъ ждать суженой невѣсты, любезные родишели, и молись Богу!» — Что дѣлать? Добрые старики вздыхали и молились Богу.

Теперь — слушайте со вниманіемъ!... Въ одну ночь, когда добрый старикъ, добрая старушка и добрый сынъ ихъ наслаждались тихимъ и покойнымъ сномъ, раздался въ хижинѣ гремѣщій голосъ, и сказалъ — родишелямъ: *пошлите сына въ дремучій лѣсъ; тамъ найдетъ онъ свое и ваше благополучіе* — а сыну: *поди въ дремучій лѣсъ; тамъ найдешь свое и родителей твоихъ благополучіе*. Старики проснулись съ шрепешомъ; но молодой человѣкъ открылъ глаза съ улыбкою, и сказалъ отцу и матери: «Вы слышали Небесный голосъ, голосъ моего Ангела хранишеля; надобно ему повиноваться; надобно идти въ дремучій лѣсъ.» — «Иди въ дремучій лѣсъ!» воскликнули съ ужасомъ добрые старики: любезный сынъ! что говоришь ты? Тамъ вѣрная смерть ожидаетъ тебя. Нѣтъ, не Ангелъ хранишеля твой, а какой нибудь злой, адской духъ, желающій гибели нашей, произнесъ такіа ужасныя слова.» Молодой человѣкъ не хотѣлъ перемѣнить своихъ мыслей, и наконецъ положено было ждать дальнѣйшихъ происшествій. — Что же? другая ночь

наступила, и шопъ же голосъ раздался въ хижинѣ; слова были шѣ же: *поди въ дремучій лѣсъ!* Опять запрепешали родители, и молодой человѣкъ съ прежнею улыбкою сказалъ имъ: «видише!»—Третья ночь наступила: шопъ же голосъ, шѣ же слова, съ прибавленіемъ: *горе неимуцимъ въры!*—Тогда отецъ и мать, не смотря на ужасъ свой, не смотря на боязливую любовь къ милому сыну, ощутили необходимость повиноваться Небу. Воля Его была явна и несомнительна: какой злой, адской духъ могъ говорить о свяшой вѣрѣ? Молодой человѣкъ увѣщевалъ ихъ имѣвъ полную довѣренность къ темнымъ путямъ вышней Премудрости; старался успокоить ихъ веселымъ видомъ своимъ, и доказывалъ, что *дремучій лѣсъ* можетъ быть спрашенъ для другихъ, а не для него.

Наконецъ родители, заплакавъ горько, согласились расстаться съ любимцемъ души своей. Нѣжная мать опустила съ нимъ все нужное для дороги, и надѣла ему на шею маленькой образъ, копорымъ благословила ее покойная бабушка, и копорой хранилъ ихъ смиренное жилище не хуже того, какъ спашуя Минервина хранила нѣкогда великолѣпную Трою. Доброй спарикъ положилъ обѣ руки на голову юношѣ, взглянулъ на небо, и сказалъ: *Ты будь щитомъ его!* — Они расстались... на разсвѣтѣ дня, самаго прекраснаго изъ весеннихъ. Родители стояли неподвижно и глядѣли на

своего милаго, копорый, съ посохомъ въ рукѣ, шелъ прямо къ дремучему лѣсу, не зная шочно, за какимъ дѣломъ. Уже онъ скрылся опъ глазъ ихъ... но они все смопрѣли; смопрѣли на мрачной боръ, копорый казался имъ мрачнѣе и грознѣе, нежели когда нибудь.

Но намъ, друзья мои, не должно оспавляшь юнаго Героя. Будучи добръ и невиненъ въ сердцѣ своемъ, безъ всякаго ужаса приближался онъ къ лѣсу — вспустилъ въ него — и (слѣдомъ за бѣленькимъ кроликомъ, копорый передъ нимъ рѣзвился и прыгалъ) вышелъ сквозь густопу деревъ на зеленый лугъ, гдѣ цвѣшы благоухали, свѣшлые ручейки журчали и бѣлыя козы щипали мураву вокругъ прекраснаго сельскаго домика, обсаженнаго малиновыми и смородинными кустами. Но молодой человекъ забылъ и цвѣшы и ручьи, и бѣлыхъ козъ и сельской домикъ, когда увидѣлъ вдругъ передъ своими глазами... «Какое нибудь чудовище?» думаете вы — «какого нибудь дракона, змѣя, крокодила, или злаго волшебника, въ высокой шапкѣ, верьхомъ на лепучей мыши?»... Нѣшъ, друзья мои! совсѣмъ иное, совсѣмъ другое. Онъ увидѣлъ — юную, прекрасную женщину (въ легкомъ бѣломъ плашьѣ, съ золопымъ поясомъ), копорая похожа была не на Венеру, но на Ангела непорочнаго. Она приближилась къ юношѣ, взглянула на него большими, свѣшлыми голубыми глазами, въ коихъ изображалась вмѣстѣ и крошосъ сердечная и прогашельная горесъ, — поклонилась ему, взяла съ нѣж-

ностію за руку, и, не говоря ни слова, повела его къ сельскому домику. Могъ ли онъ нейти съ нею? Могъ ли чего нибудь спрашиться, видя ея прелести и любезность, печать Небеснаго благоволенія, зеркало красотъ душевныхъ? Уже сердце его нѣжно влеклося къ ея сердцу; уже горестъ ея прогала его душу; уже хошѣлъ онъ спросить о причинѣ слезъ, блиставшихъ на ея рѣсницахъ... но шупъ другое явленіе представилось глазамъ его. Подъ тѣнію древняго дуба, омрачавшаго домикъ своими густыми вѣтвями, сидѣлъ бѣловласый почтенный спарецъ, въ длинной шканой одеждѣ, какую горные Шотландскіе вѣпры развѣвали нѣкогда на священныхъ Друидахъ и Бардахъ, современникахъ *Оссіановыхъ*. Онъ возрѣлъ на юношу очами помными... но въ нихъ сіяли еще искры небеснаго огня, пламеняющаго въ сердцѣ мужей великихъ... возрѣлъ, и простирая къ нему свои объятія, сказалъ тихимъ, но внятнымъ голосомъ: «Небо посылаетъ тебя, о добродѣтельный юноша! въ сію уединенную пустыню, да будешь свидѣтелемъ моей смерти и обладаешь сокровищемъ, которое достойно первѣйшаго изъ царей земныхъ, но котораго не всѣ цари земные достойны. Приблизься къ моему сердцу, да обниму тебя вмѣстѣ съ сею любезною дщерію, любимцею души моей, копорую благое Провидѣніе назначило тебѣ въ супруги. Она будетъ любить тебя, ты будешь любить ее, и мирное щастіе увѣнчаетъ дни ваши.

«Знай, сынъ мой — ибо мнѣ дано уже священ-
«ное право называть себя симъ именемъ —
«знай, что я былъ однимъ изъ шѣхъ смерш-
«ныхъ, копорымъ Божество благоволишъ оп-
«крывать вѣчную премудрость Свою и пайны
«чудесной Природы, да поклоняюпся они Его
«величію въ воспоргѣ душъ своихъ. Здѣсь,
«удаленный опъ суешы мірской, удаленный
«опъ злыхъ и развращенныхъ людей, въ без-
«молвной тишинѣ уединенія, я вникалъ духомъ
«въ законы Небесные, правящіе вселенною. Но
«и земныя радости веселили душу мою. Я на-
«слаждался нѣжнымъ, сердечнымъ союзомъ,
«безъ коего нѣшъ для смершныхъ истиннаго
«благополучія; наслаждался любовію милой,
«добродѣтельной супруги, копорую видишь
«шы въ цвѣтущемъ образѣ ея дочери. Но давно
«уже преселилась она въ обители небесныя:
«я спѣшу тамъ соединиться съ нею новымъ
«союзомъ. Пришелъ часъ мой — чувствую
«хладную руку смерти — оспрая коса ея свер-
«каетъ предъ очами моими. Всѣ живущіе подъ
«солнцемъ должны рано или поздно въ прахъ
«обратиться. Я предвидѣлъ конецъ свой, и
«только объ участи милой дочери моей сокру-
«шался: невинность оставалась сиротою въ
«мірѣ. Я молился — излилъ душу свою предъ
«вѣчною Благостию — и Милосердый услы-
«шалъ моленіе чистаго сердца: Онъ обѣщалъ
«послать добродѣтельнаго супруга моей лю-
«безной — гласъ Неба возвѣспилъ мнѣ время,
«въ копорое надлежало тебѣ явиться въ на-

«шей пустынь. Сіе мирное уединеніе должно
«быть вѣки твоимъ обиталищемъ; здѣсь
«будешь имѣть все нужное для умѣренной,
«покойной жизни. Приведи сюда родителей
«твоихъ: пусть нѣкогда и они лежатъ въ зем-
«лѣ подлѣ супруги моей, вмѣстѣ со мною, на
«берегу свѣтлаго источника, въ тѣни сего
«древняго дуба, гдѣ я шакъ часто углублялся
«въ священныя размышленія!... Провидѣнію не
«угодно включишь себя въ число мудрецовъ
«земныхъ; но Оно включаетъ тебя въ число
«добрыхъ—сего довольно—не жалуйся на судь-
«бу свою. Ты не почувствуешь никогда тѣхъ
«неизъяснимыхъ горестей и внутреннихъ тер-
«заній, копорья, по закону Всевышняго, бы-
«ваютъ здѣсь долею многовѣдѣнія... Грядущее
«опровергается предъ моимъ взоромъ... Зрю
«времена ужаса и страха, зрю вѣки гибели и
«клятвы, среди просвѣщенія и величайшихъ
«успѣховъ разума человѣческаго. Еще далеки
«времена сіи; но они придутъ. Блѣдная злоба,
«вооруженная смертоноснымъ кинжаломъ, бу-
«детъ свирѣпствовать на земномъ шарѣ и
«разитъ слабыхъ; рѣки пошекутъ кровію, и
«стенанія несчастныхъ заглушатъ бурю. До-
«брые и праведные осыплютъ пепломъ главы
«свои, закроютъ лица, и облиются горькими
«слезами.... Но и тогда найдутся еще пихія
«убѣжища для миролюбивой добродѣтели. Та-
«кимъ образомъ одно чувствительное семейство,
«общество нѣжныхъ друзей, удалась отъ
«шумнаго міра, поселится нѣкогда близъ сего

«дремучаго лѣса *», котораго ночь озарится со
«временемъ лучами свѣта; здѣсь, не взирая на
«всемирный мятежъ, насладится оно любовію и
«святою дружбою... Глаза мои шемнѣють; сло-
«ва замирають на устахъ моихъ... Простите.
«Богъ не оставитъ васъ, милыя дѣти. Об-
«нимице меня.... хладѣющее сердце мое чув-
«ствуетъ еще теплоху вашего... Простите...
«умираю.» — И свящій мужъ скончался, по-
добно какъ тихій свѣтъ зари вечерней уми-
раетъ подъ маніею ночи.

Не буду говорить вамъ о слезахъ нѣжной
дочери, копорья вмѣстѣ со слезами добраго
юноши лились на хладное шѣло спарца; но
души не было въ семъ шѣлѣ, и земля пребо-
вала его въ нѣдра свои. Смертные останки
безсмертнаго мужа, сообразно съ его волею,
погреблись на берегу свѣтлаго источника, въ
шѣни древняго дуба, подлѣ гроба его супруги.
Преданіе говоритъ, что въ самую ту мину-
ту раздалась въ лѣсу небесная музыка, и что
ея гармоническіе звуки тихо исчезли въ выш-
нихъ пространствахъ воздуха.

Трогательныя и поржесшвенныя слова уми-
рающаго отца; его нѣжные взоры, обраща-
емые то на милую дочь, то на добраго юно-
шу; имя любезныхъ дѣтей, копорымъ онъ на-
зывалъ ихъ вмѣстѣ, съ любовію прижимая
другъ ко другу въ своихъ хладѣющихъ объ-
ятіяхъ; наконецъ послѣдній взоръ его, кошо-

* Тамъ жилъ Авторъ съ семействомъ друзей своихъ.

рый, такъ сказать, между ими дѣлился, и горесный священный обрядъ погребенія, сливавшій въ одно ихъ чувства — все пишало, все умножало взаимную спраснь двухъ юныхъ сердець, одно для другаго сошворенныхъ.

Уже сѣнисшый вечеръ гоповъ былъ спустился на землю, когда Герой нашъ, ведя за руку любезную свою, явился глазамъ добрыхъ спариковъ *; расшавшись съ нимъ, они не хошѣли войши въ хижину, спояли у ворошъ, и ждали безпрестанно его возвращенія. «Любезные родители! вошъ мое, вошъ ваше благополучіе! вошъ оно!»... Онъ разсказалъ имъ все.

Вы легко можете предсшавишь себѣ ихъ удивленіе, ихъ радосшь. Плакали, обнимались, говорили, и не слыхали словъ своихъ. — Но — подивишесь странной привязанности людей къ наслѣдственному крову, даже къ самому низкому и бѣдному! — имъ не хошѣлось промѣняшь хижину своей на прекрасный домикъ дремучаго лѣса. Одно чудо могло ихъ къ тому принудишь: вдругъ ошкуда ни взялся въперъ, сорвалъ хижину и унесъ изъ виду, такъ что ни малѣйшаго слѣда ея на землѣ не ошпалось. Дѣлашь было не чего; спарики вздохнули, выронили капли двѣ слезъ, и пошли, куда Небесная воля призывала ихъ, и гдѣ они лучше могли наслаждашьсѣ ошпашкомъ дней своихъ.

* Надобно думашъ, что бѣлой кроликъ былъ опять его птеводикелемъ.

Что принадлежишь до юныхъ любовниковъ, то блаженство ихъ было совершенно; оно скончалось только вмѣстѣ съ ихъ жизнью, и еще сіяло въ мірѣ какъ заря вечерняя—сіяло въ благополучіи многочисленнаго ихъ потомства.

=

Здѣсь заключаеися исторія дремучаго лѣса.

«А злой волшебникъ, а пламенные шары, кошорые вылетали изъ лѣсу; а страшное чудовище, кошорое расхаживало наравнѣ съ со снами; а огненные глаза его, кошорые саженой на сто все вокругъ освѣщали; а молодые лошади, кошорыя возвращались домой всѣ въ ранахъ, всѣ въ крови?»—вы пребудете изъясненія, друзья мои! Знайте же, что слухъ о зломъ волшебникѣ принадлежалъ къ числу нелѣпыхъ басенъ, до кошорыхъ люди издавна охошники; что пламенные шары соспавлялись изъ обыкновенныхъ воздушныхъ огней; что ужасное чудовище существовало только въ воображеніи робкихъ поселянъ, а свѣшлые глаза его были не что иное, какъ маленькіе червячки, кошорые въ лѣшнія ночи блестящъ на травѣ и на деревьяхъ; что молодыхъ лошадей кусалъ въ бору не кумъ Велзевуловъ, а сильный оводъ.

г. 1794.

НАТАЛЬЯ, БОЯРСКАЯ ДОЧЬ.

=

Кто изъ насъ не любитъ шѣхъ временъ, когда Русскіе были Русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, то есть говорили, какъ думали? По крайней мѣрѣ я люблю сіи времена; люблю на быспрыхъ крыльяхъ воображенія лешать въ ихъ опда-ленную мрачность, подъ сѣнію давно-исплѣвшихъ вязовъ искаать брадашыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа Русскаго, и съ нѣжностію цѣловать ручки у моихъ прабабушекъ, которыя не могутъ насмотрѣться на своего почтительнаго правнука, не могутъ наговориться со мною, надивиться моему разуму, попому что я, рассуждая съ ними о старыхъ и новыхъ модахъ, всегда опдаю преимущество ихъ подкапкамъ и шубейкамъ передъ нынѣшними bonnets à la.... и всѣми Галло-Албіонскими нарядами, блистающими на Московскихъ красавицахъ въ концѣ осьмагонадесять вѣка. Такимъ образомъ (конечно понятнымъ для всѣхъ чисташелей) старая Русь

извѣсна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ согражданъ; и есѣли угрюмая Парка еще нѣсколько лѣтъ не перерѣжетъ жизненной моей нити, то наконецъ не найду я и мѣста въ головѣ своей для всѣхъ анекдотовъ и повѣстей разсказываемыхъ мнѣ жителями прошедшихъ столѣтій. Чѣобы облегчить не много грузъ моей памяти, намѣренъ я сообщить любезнымъ читателямъ одну быль или исторію, слышанную мною въ области швей, въ царствѣ воображенія, отъ бабушки моего дѣдушки, кошорая въ свое время почиталась весьма краснорѣчивою, и почти всякой вечеръ сказывала сказки Царицѣ Н. Н. Только спрашусь обезобразить повѣсть ея; боюсь, чѣобы старушка не примчалась на облакъ съ того свѣта и не наказала меня клюкою своею за худое риторство... Ахъ, нѣтъ! прости безразсудность мою, великодушная шень — ты неудобна къ такому дѣлу! Въ самой земной жизни своей была ты смирна и незлобна какъ юная овечка; рука твоя не умертвила здѣсь ни комара, ни мушки, и бабочка всегда покойно отдыкала на носу твоемъ: и такъ возможно ли, чѣобы теперь, когда ты плаваешь въ морѣ неописаннаго блаженства, и дышишь чистѣйшимъ эфиромъ неба — возможно ли, чѣобы рука твоя поднялась на твоего покорнаго праправнука? Нѣтъ! ты согласишь ему безпрепятственно упражняться въ похвальномъ ремеслѣ мараши бумагу, взводить небылицы на живыхъ и мертвыхъ, испытывать терпѣніе

своихъ чашпашелей, и наконецъ, подобно вѣчно-зѣвающему богу Морфею, низвергаешь ихъ — на мягкіе диваны и погружаешь въ глубокой сонъ... Ахъ! въ самую сію минушу вижу необыкновенный свѣтъ въ шемномъ моемъ корридорѣ; вижу огненные круги, копорые вертящся съ блескомъ и съ прескомъ, и наконецъ — о чудо! являютъ мнѣ швой образъ, образъ неописанной красоты, неописаннаго величешва! Очи швои сіяють какъ солнца; уста швои алѣютъ какъ заря упренняя, какъ вершины снѣжныхъ горъ при восходѣ дневнаго свѣшила — ты улыбаешься, какъ юное швореніе въ первый день бышя своего улыбалось, и въ воспоргъ слышу я сладко-гремящія слова швои: «продолжай, любезный мой праправнукъ!» Такъ, я буду продолжашь, буду; и вооружась перомъ, мужешвенно начерпаю испорію *Наталы, Боярской дочери*.—Но прежде должно мнѣ ошдохнуть; воспоргъ, въ копорый привело меня явленіе пра-прабабушки, упомиль душевныя мои силы. На нѣсколько минушь кладу перо—и сіи написанныя спроки да будутъ всшупленіемъ или предисловіемъ!

Въ пресшольномъ градъ славнаго Русскаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ Бояринъ Машвѣй Андреевъ, человекъ богашый, умный, вѣрный слуга Царской, и, по обычаю Русскихъ, великой хлѣбосоль. Онъ владѣлъ многими помѣстьями, и былъ не обидчикомъ, а покровителемъ и заступникомъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей, — чему въ наши просвѣщенные времена, можетъ быть, не всякой повѣришь, но что въ старину совсѣмъ не почиалось рѣдкостью. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правой глазъ никогда Царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирати важную тяжбу, онъ призывалъ себѣ въ помощь Боярина Машвѣя, и Бояринъ Машвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: *сей правъ* (не по такому-то указу, состоявшемуся въ такомъ-то году, но) *по моей совѣсти; сей виноватъ по моей совѣсти* — и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и съ совѣстью Царскою. Дѣло рѣшилось безъ замедленія: правый подымалъ на небо слезящее око благодарности, указывая рукою на добраго Государя и добраго Боярина; а виноватый бѣжалъ въ густыя лѣса, сокрывъ стыдъ свой отъ человекъ.

Еще не можемъ мы умолчать объ одномъ похвальномъ обыкновеніи Боярина Машвѣя, обыкновеніи, которое достойно подражанія во всякомъ вѣкѣ и во всякомъ царствѣ; а именно, въ каждый дванадесятый праздникъ поспавлялись длинные сполы въ его горницахъ, чи-

спыми скапершми накрышые, и Бояринъ, сидя на лавкѣ подлѣ высокихъ ворошъ своихъ, звалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ мимоходящихъ бѣдныхъ * людей, сколько ихъ могло помѣститься въ жилищѣ боярскомъ; потомъ, собравъ полное число, возвращаясь въ домъ, и указавъ мѣсто каждому гостю, садился самъ между ими. Тутъ въ одну минушу являлись на столахъ чаши и блюда, и ароматической паръ горячаго кушанья, какъ бѣлое тонкое облако, вился надъ головами обѣдающихъ. Между шѣмъ хозяинъ ласково бесѣдовалъ съ гостями, узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги, и наконецъ веселился съ ними какъ съ друзьями. Такъ въ древнія Патриархальныя времена, когда въкъ человеческой былъ не столь крашокъ, почтенными сѣдинами украшенный спарецъ насыщался земными благами со многочисленнымъ своимъ семействомъ — смотрѣлъ вокругъ себя, и видя на всякомъ лицѣ, во всякомъ взорѣ живое изображеніе любви и радости, восхищался въ душѣ своей. — Послѣ обѣда всѣ неимущіе братья, наполнивъ виномъ свои чарки, восклицали въ одинъ голосъ: *Доброй, доброй Бояринъ и отецъ нашъ! мы пьемъ за твое здоровье! Сколько капель въ нашихъ чаркахъ, столько лѣтъ живи благополучно!* Они пили, и благодарныя слезы ихъ капали на бѣлую скапершъ.

Таковъ былъ Бояринъ Машвѣй, вѣрной слуга

* Въ пѣснѣхъ сего увѣрялъ меня не одинъ старейшій человекъ.

Царской, вѣрной другъ человѣчества. Уже минуло ему шестидесятъ лѣтъ; уже кровь медленнѣе обращалась въ жилахъ его; уже тихое шрепешаніе сердца возвѣщало наступленіе жизненнаго вечера и приближеніе ночи — но доброду ли бояться сего густаго, непроницаемаго мрака, въ копоромъ теряются дни человѣческіе? Ему ли спрашиваться сего шѣниспаго пуши, когда съ нимъ доброе сердце его, когда съ нимъ добрыя дѣла его? Онъ идетъ впередъ безшрепешно, наслаждается послѣдними лучами заходящаго свѣшила, обращаетъ покойной взоръ на прошедшее, и съ радостнымъ—хотя шемнымъ, но не менѣе шего радостнымъ предчувствіемъ заноситъ ногу въ оную неизвѣстность. — Любовь народная, милость Царская были наградою добродѣтелей стараго Боярина; но вънцемъ его шасшія и радостей была любезная Нашалья, единственная дочь его. Уже давно оплакалъ онъ мать ея, копорая заснула вѣчнымъ сномъ въ его объятіяхъ; но кипарисы супружеской любви покрылись цвѣтами любви родишельской — въ юной Нашальѣ увидѣлъ онъ новой образъ умершей, и, вмѣсто горькихъ слезъ печали, возсіяли въ глазахъ его сладкія слезы нѣжности. Много цвѣшовъ въ полѣ, въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ; но нѣтъ подобно розѣ; роза всѣхъ прекраснѣе: много было красавицъ въ Москвѣ бѣлокаменной, ибо царство Русское искони почиталось жилищемъ красоты и пріятностей; но никакая красавица не могла сравняться съ

Нашальею — Нашалья была всѣхъ прелестнѣе. Пусть чипашель вообразишь себѣ бѣлизну Италіянскаго мрамора и Кавказскаго снѣга: онъ все еще не вообразишь бѣлизны лица ся — и предспавя себѣ цвѣтъ Зефировой любовницы, все еще не будешь имѣть совершеннаго понятія объ алоспи щекъ Нашальиныхъ. Я боюсь продолжашъ сравненіе, чшобы не наскучишь чипашелю повпореніемъ извѣснаго; ибо въ наше роскошное время весьма испощился магазинъ піишическихъ уподобленій красоты, и не одинъ писашель съ досады кусаетъ перо свое, ища и не находя новыхъ. Довольно знашь и того, чшо самые богомольные старики, видя Боярскую дочь у обѣдни, забывали класшь земные поклоны, и самыя приспрасшныя машери опдавали ей преимущество передъ своими дочерями. Сократъ говорилъ, чшо красота шѣлесная бываешъ всегда изображеніемъ душевной. Намъ должно повѣришь Сокрашу, ибо онъ былъ вопервыхъ искуснымъ ваяшелемъ, (слѣдстввенно зналъ принадлежнoshi красoshi шѣлесной) а во впорыхъ мудрецомъ или любишелемъ мудрости (слѣдстввенно зналъ хорошо красoshу душевную.) По крайней мѣрѣ наша прелестная Нашалья имѣла прелестную душу, была нѣжна какъ горлица, невинна какъ агнецъ, мила какъ Май мѣсяцъ; однимъ словомъ, имѣла всѣ свойства благовоспишанной дѣвушки, хотя Русскіе не чипали тогда ни Локка о воспитаніи, ни Руссова Эмиля — вопервыхъ для того, чшо сихъ Авшо-

ровъ еще и на свѣтъ не было, а во вѣторахъ и пошому, что худо знали грамотъ — не чишали и воспитывали дѣтей своихъ, какъ Напура воспитываетъ правки и цвѣточки, по ешь, поили и кормили ихъ, оспавляя все прочее на произволь Судьбы; но сія Судьба была къ нимъ милоспива, и за довѣренность, копорую имѣли они къ ея всемогуществу, награждала ихъ почти всегда добрыми дѣтьми, утѣшеніемъ и подпорою ихъ старыхъ дней.

Одинъ великой Психологъ, котораго имени я право не упомяну, сказалъ, что описаніе дневныхъ упражненій человека ешь вѣрнѣйшее изображеніе его сердца. По крайней мѣрѣ я такъ думаю, и съ дозволенія моихъ любезныхъ чисташелей опишу, какъ Напалья, Боярская дочь, проводила время свое отъ восхода до заката краснаго солнца. Лишь только первые лучи сего великолѣпнаго свѣтила показывались изъ-за утренняго облака, изливая на шихую землю жидкое, неосязаемое золото: красавица наша пробуждалась, открывала черные глаза свои, и перекрестившись бѣлою ашласною, до нѣжнаго локтя обнаженною рукою, вспавала, надѣвала на себя тонкое шелковое плашье, камчатную шѣлогрѣю, и съ распущенными темнорусыми волосами подходила къ круглому окну высокаго своего терема, чтобы взглянуть на прекрасную картину оживляемой Напуры — взглянуть на златоглавую Москву, съ копорой лучезарный день снималъ шуманный покровъ ночи, и копорая, подобно какой нибудь

огромной пшицѣ, пробужденной гласомъ ушра, въ вѣяніи вѣтерка спряхивала съ себя блестящую росу—взглянушь на Московскія окрестности, на мрачную, густую, необозримую Марьину рощу, которая какъ сизый, кудрявый дымъ перялась опъ глазъ въ неизмѣримомъ отдаленіи, и гдѣ жили тогда всѣ дикіе звѣри съвера; гдѣ страшной ревъ ихъ заглушала мелодіи пшицъ поющихъ. Съ другой стороны являлись Нашальину взору сверкающіе изгибы Москвы рѣки, цвѣшущія поля и дымящіяся деревни, откуда съ веселыми пѣснями выѣзжали трудолюбивые поселяне на работы свои — поселяне, которые и по сіе время ни въ чемъ не перемѣнились, такъ же одѣваясь, такъ живутъ и работающъ, какъ прежде жили и работали, и среди всѣхъ измѣненій и личинъ представляющъ намъ еще истинную Русскую физіогномію. Нашалья смотрѣла, опершись на окно, и чувствовала въ сердцѣ своемъ тихую радость; не умѣла краснорѣчиво хвалишь Напурѣ, но умѣла ею наслаждаться; молчала и думала: *какъ хороша Москва бѣлокаменная! какъ хороши ея окрестности!* Но того не думала Нашалья, что сама она въ ушреннемъ своемъ нарядѣ была всего прекраснѣе. Юная кровь, разгоряченная ночными сновидѣніями, красила нѣжныя щеки ея алѣйшимъ румянцемъ; солнечные лучи играли на бѣломъ ея лицѣ, и проницая сквозь черныя, пушистыя ресницы, сіяли въ глазахъ ея свѣплѣе, нежели на золошѣ. Волосы, какъ темно-

кофейной бархашъ, лежали на плечахъ и на бѣлой, полу-открытой груди; но скоро прелестная скромность, спыдаясь самаго солнца, самаго въшерка, самыхъ нѣмыхъ спѣнъ, закрывала ее полошномъ понкимъ. Пошомъ будила свою няню, вѣрную служанку ея покойной машери. *Вставай, мама!* говорила Нашалья: *скоро заблаговѣстятъ къ обѣднѣ.* Мама вспавала, одѣвалась, называла свою барышню раннею пшичкою, умывала ее ключевою водою, чесала ея длинныя волосы бѣлымъ коспянымъ гребнемъ, заплетала ихъ въ косу, и украшала голову нашей прелестницы жемчужною повязкою. Такимъ образомъ снарядившись, дожидались онѣ благовѣсша, и заперевъ замкомъ свѣшлицу свою, (чшобы въ ошсущствіе ихъ не закрался въ нее какой нибудь не доброй человекъ) ошправлялись къ обѣднѣ. «Всякой день?» спросишъ чипашель. Конечно — шакъ былъ въ сшарину обычай — и развѣ зимою одна жестпокая выюга, а лѣшомъ проливной дождь съ грозою могли шогда удержашъ красную дѣвицу ошъ исполненія сей набожной должности. Сшановясь всегда въ уголокъ шрапезы, Нашалья молилась Богу съ усердіемъ, и между шѣмъ изъ подлѣбья посмашривала на право и на лѣво. Въ сшарину не было ни клобовъ, ни маскарадовъ, куда нынѣ ѣздяшъ себя казашъ и другихъ смолрѣшъ: и шакъ гдѣ же, какъ не въ церкви могла шогда любопышная дѣвушка поглядѣшъ на людей? Послѣ обѣдни Нашалья раздавала всегда нѣсколько копѣекъ

бѣднымъ людямъ, и приходила къ своему родителю, съ нѣжною любовію цѣловать его руку. Спарецъ плакалъ отъ радости, видя, что дочь его день ото дня становилась лучше и милѣе, и не зналъ, какъ благодарить Бога за такой неоцѣненный даръ, за такое сокровище. Нашалья садилась подлѣ него, или шила въ пальцахъ, или плела кружево, или сучила шелкъ, или нила ожерелье. Нѣжный родитель хотѣлъ смотрѣть на работницу, но вмѣсто того смотрѣлъ на нее самое, и наслаждался безмолвнымъ умиленіемъ. Читатель, знаешь ли ты по собственному опыту родительскія чувства? Если нѣтъ, то вспомни по крайней мѣрѣ, какъ любовались глаза твои пестрою гвоздичкою или бѣленькимъ ясминомъ, тобою посаженнымъ; съ какимъ удовольствіемъ разсматривалъ ты ихъ краски и шпиги, и сколько радовался мыслию: *это мой цвѣтокъ; я посадилъ его и вырастилъ!* вспомни, и знай, что отцу еще веселѣе смотрѣть на милую дочь, и веселѣе думать: *она моя!* — Послѣ Русскаго сыснаго обѣда Бояринъ Машвѣй ложился отдохнуть, а дочь свою съ ея мамою отпускалъ гулять или въ садъ, или на большой зеленый лугъ, гдѣ нынѣ возвышаются *Красныя ворота* съ шрубящею славою. Нашалья рвала цвѣты, любовалась летающими бабочками, пишалась благоуханіемъ травъ, возвращалась домой весела и покойна, и принималась шить за рукодѣлье. Насупалъ вечеръ — новое гулянье, новое удовольствіе; иногда же

юныя подружки приходили дѣлишь съ нею часы прохлады, и разговаривашь о всякой всячинѣ. Самъ доброй Бояринъ Машвѣй бывалъ ихъ собесѣдникомъ, естѣли государственныя или нужныя домашнія дѣла не занимали его времени. Съдая борода его не пугала молодыхъ красавицъ; онъ умѣлъ забавляшъ ихъ пріятнымъ образомъ, и рассказывалъ имъ приключенія благочеспиваго Князя Владиміра и могучихъ богатырей Россійскихъ.

Зимою, когда не лѣзя было гулять ни въ саду, ни въ полѣ, Нашалья кашалась въ санихъ по городу, и ѣздила по вечеринкамъ, на копорыя собирались однѣ дѣвушки, шѣшишъся и веселишъся и невиннымъ образомъ сокращашъ время. Тамъ мамы и няни выдумывали для своихъ барышенъ разныя забавы; играли въ жмурки, пряшались, хоронили золошо, пѣли пѣсни, рѣзвились не нарушая благопристойности, и смѣялись безъ насмѣшекъ, пакъ что скромная и цѣломудренная Дріада могла бы всегда присушсѣвовашъ на сихъ вечеринкахъ. Глубокая полночь разлучала дѣвушекъ, и прелестная Нашалья въ обѣяшіяхъ мрака наслаждалась покойнымъ сномъ, копорымъ всегда юная невинность наслаждается.

Такъ жила Боярская дочь, и семнадцатая весна жизни ея наснушила; правка зазеленѣлась, цвѣты расцвѣли въ полѣ, жаворонки запѣли—и Нашалья, сидя поушру въ свѣшлицѣ своей подъ окномъ, смопрѣла въ садъ, гдѣ съ кусточка на кусточекъ порхали пшички, и нѣжно лобы-

заясь своими маленькими носиками, прятались въ густюшу листьевъ. Красавица въ первый разъ замѣшила, что они лезали парами — сидѣли парами, и скрывались парами. Сердце ея какъ будто бы вздрогнуло — какъ будто бы какой нибудь чародѣй допронулся до него волшебнымъ жезломъ своимъ! Она вздохнула — вздохнула въ другой и въ третій разъ — пошмрѣла вокругъ себя — увидѣла, что съ нею никого не было, никого, кромѣ старой няни (которая дремала въ углу горницы на красномъ весеннемъ солнышкѣ) — опять вздохнула, и вдругъ брилліаншовая слеза сверкнула въ правомъ глазѣ ея, — потомъ и въ лѣвомъ — и обѣ выкатились — одна капнула на грудь, а другая остановилась на румяной щекѣ, въ маленькой нѣжной ямкѣ, которая у милыхъ дѣвушекъ бываетъ знакомъ того, что Купидонъ цѣловалъ ихъ при рожденіи. Напалья подгорюнилась — чувствовала нѣкоторую грусть, нѣкоторую томность въ душѣ своей; все казалось ей не такъ, все не ловко; она вспала и опять съла — наконецъ, разбудивъ свою маму, сказала ей, что сердце у нее поскуешъ. Старушка начала крестить милую свою барышню, и съ нѣкоторыми набожными оговорками * бранишь того человѣка, копорой взглянулъ на прекрасную Напалью не чистымъ глазомъ, или похвалилъ ея прелести не чистымъ языкомъ, не отъ чистаго сердца, не

* На прим. *прости Господи*, и прочее тому подобное, что можно еще слышать и отъ пыщущихъ нянюшекъ.

въ доброй часъ: ибо старушка была увѣрена, что ее сглазили, и что внушрешняя шоска ея происходишь не опъ чего другаго. Ахъ добрая старушка! хопя ты и долго жила на свѣтѣ, однакожь многова не знала; не знала, что и какъ въ нѣкоторыя лѣта начинается у нѣжныхъ дочерей Боярскихъ; не знала... Но можешъ бышь и чипашели (есъли до сей минушы они все еще держашъ въ рукахъ книгу и не засыпашъ) — можешъ бышь и чипашели не знающъ, что за бѣда случилась вдругъ съ нашею Героинею; чего она искала глазами въ горницѣ, опъ чего вздыхала, плакала, грустила. Извѣстно, что до сего времени веселилась она какъ вольная пшашка; что жизнь ея шекла, какъ прозрачной ручеекъ спремилъ по бѣленькимъ камешкамъ между злчныхъ, цвѣшущихъ бережковъ: чтожь сдѣлалось съ нею? Скромная Муза, повѣдай! — Съ небеснаго лазореваго свода, а можешъ бышь опкуда нибудь и повыше, слешѣла какъ маленькая ппичка Колибри, порхала, порхала по чистому весеннему воздуху, и влешѣла въ Нашальино нѣжное сердце — *потребность любить, любить, любить!!!* Вошъ вся загадка; вошъ причина красавицыной грусти — и есъли она покажешся кому нибудь изъ чипашелей не совсѣмъ поняшною, то пусть пребуешъ онъ подробнѣйшаго изъясненія опъ любезнѣйшей ему осьмнадцатилѣтней дѣвушки.

Съ сего времени Нашалья во многомъ перемѣнилась — спала не такъ жива, не такъ

рѣзва — иногда задумывалась, — и хощя по
прежнему гуляла въ саду и въ полѣ, хощя по
прежнему проводила вечера съ подругами, но
не находила ни въ чемъ прежняго удовольствія.
Такъ человекъ, вышедшій изъ лѣтъ дѣтства,
видишь игрушки, кошорыя составляли забаву
его младенчества, — берешся за нихъ, хочешь
играть; но чувствуя, что онъ уже не весе-
ляшь его, оставляешь ихъ со вздохомъ. —
Красавица наша не умѣла самой себѣ дать от-
чета въ своихъ новыхъ, смѣшенныхъ, темныхъ
чувствахъ. Воображеніе представляло ей чуде-
са. На примѣръ, часто казалось ей, (не только
во снѣ, но даже и наяву) что передъ нею, въ
мерцаніи отдаленной зари, носится какой-то
образъ, прелестной, милой призракъ, копо-
рой манишь ее къ себѣ Ангельскою улыбкою,
и потомъ исчезаетъ въ воздухъ. *Ахъ!* воскли-
цала Нашалья, и проспертыя руки ея медлен-
но опускались къ землѣ. Иногда же воспали-
нымъ мыслямъ ея представлялся огромный
храмъ, въ которой тысячи людей, мужчинъ и
женщинъ, спѣшили съ радостными лицами,
держа другъ друга за руку. Нашалья хощѣла
также войти въ него; но невидимая рука
удерживала ее за одежду, и неизвѣстный го-
лосъ говорилъ ей: *стой въ притворѣ храма;
никто безъ милаго друга не входитъ въ его вну-
тренность.* — Она не понимала сердечныхъ
своихъ движеній; не знала, какъ толковать
сны свои; не разумѣла, чего желала; но живо
чувствовала какой-то недоспашокъ въ душѣ

своей, и помилась. — Такъ, красавицы! ваша жизнь съ нѣкошорыхъ лѣтъ не можеть бытъ щасплива, естли печешъ она какъ уединенная рѣка въ пусшынѣ; а безъ милаго паспушка цѣлой свѣтъ для васъ пусшыня, и веселые голоса подругъ, веселые голоса пшичекъ кажущся вамъ печальными опзывами уединенной скуки. Напрасно, обманывая самихъ себя, хопише вы пуспошу души своей наполнишь чувствами дѣвической дружбы; напрасно избираете лучшую изъ подругъ своихъ въ предметъ нѣжныхъ побужденій вашего сердца! Нѣтъ, красавицы, нѣтъ! сердце ваше желаетъ чего-то другаго: оно хочешъ шакого сердца, кошорое не приближалось бы къ нему безъ сильного препеня; кошорое вмѣстѣ съ нимъ составляло бы одно чувство, нѣжное, спрасшное, пламенное—а гдѣ найши его, гдѣ? Конечно не въ Дафнѣ, конечно не въ Хлоѣ, кошорыя вмѣстѣ съ вами могутъ только горевашъ, шайно или явно—горевашъ и крушиться, желая и не находя шого, чего вы сами ищете и не находите въ хладной дружбѣ, но что найдете—или въ прошивномъ случаѣ вся жизнь ваша будешъ безпокойнымъ, тяжелымъ сномъ—найдете въ шѣни миршовой бесѣдки, гдѣ сидишь шеперь въ уныніи, въ шоскѣ милой юноша съ свѣшлоголубыми или черными глазами, и въ печальныхъ пѣсняхъ жалуется на вашу наружную жестокость. — Любезной чипатель! прости мнѣ сіе опшупленіе! Не одинъ Спернъ былъ рабомъ пера своего. — Обращимся снова къ нашей повѣсти.

Бояринъ Машвѣй скоро примѣтилъ, что Наталья стала пасмурнѣе: родительское сердце его попревожилось. Онъ спрашивалъ ее съ нѣжною заботливостію о причинѣ такой перемѣны, и наконецъ заключивъ, что дочь его неможешъ, отправилъ нарочнаго гонца къ спольшней пешкѣ своей, копорая жила въ шемношѣ Муромскихъ лѣсовъ, собирала травы и коренья, обходилась болѣе съ волками и медвѣдями, нежели съ людьми Русскими, и прослыла естли не чародѣйкою, то по крайней мѣрѣ велемудрою спарушкою, искусною въ леченіи всѣхъ недуговъ человѣческихъ. Бояринъ Машвѣй описалъ ей всѣ признаки Натальиной болѣзни, и просилъ, чѣобы она посредствомъ своего искусства возвратила внуку здравіе, а ему спарику радость и спокойствіе.—Усиѣхъ сего посольства оспаешся въ неизвѣспности; впрочемъ нѣшъ большой нужды и знашъ его. Теперь должны мы приступишъ къ описанію важнѣйшихъ приключеній.

Время и въ спарину такъ же скоро лешѣло, какъ нынѣ, и между тѣмъ, какъ наша красавица вздыхала и помилась, годъ перевернулся на оси своей: зеленые ковры весны и лѣша покрылись пушистымъ снѣгомъ; грозная царица хлада возсѣла на ледяной пресполѣ свой, и дохнула вьюгами на Русское царство; то естъ, зима наступила, и Наталья по своему обыкновенію пошла однажды къ обѣднѣ. Помолившись съ усердіемъ, она ненарочно обратила глаза свои къ лѣвому крылосу — и что же увидѣла?

Прекрасной, молодой человекъ, въ голубомъ кафшанъ съ золошыми пуговицами, стоялъ тамъ какъ царь среди всѣхъ прочихъ людей, и блестящій, проницательный взоръ его встрѣтился съ ея взоромъ. Нашалья въ одну секунду вся покраснѣлась, и сердце ея, задрепетавъ сильно, сказало ей: *вотъ онъ!*... Она попупила глаза свои, но не надолго; снова взглянула на красавца, снова запылала въ лицѣ своемъ, и снова задрепетала въ своемъ сердцѣ. Ей казалось, что любезной призракъ, копорой ночью и днемъ прельщалъ ея воображеніе, былъ не что иное, какъ образъ сего молодого человека — и пошому она смопрѣла на него какъ на своего милаго знаконца. Новой свѣшъ возсіалъ въ душѣ ея, какъ будшо бы пробужденной явленіемъ солнца, но еще не пришедшей въ себя послѣ многихъ несвязныхъ и замѣшенныхъ сновидѣній, волновавшихъ ее въ теченіе долгой ночи. «И такъ — думала Нашалья — и такъ подлинно естъ на свѣшъ такой милой красавецъ, такой человекъ, — такой прелестной юноша?... Какой росшъ! какая осанка! какое бѣлое, румяное лице! А глаза, глаза *у* него какъ молнія; я, робкая, боюсь глядѣшь на нихъ. Онъ на меня смопришъ, смопришъ очень присшально — даже и шогда, когда молишся. Конечно и я знакома ему; можешъ бышъ и онъ, подобно мнѣ, грусшилъ, вздыхалъ, думалъ, думалъ и видѣлъ меня, — хошя шемно, однакожъ видѣлъ, такъ какъ я видѣла его въ душѣ моей.»

Читапелъ долженъ знать, что мысли красивыхъ дѣвушекъ бывають очень быспры, когда въ сердцѣ у нихъ начинаеть ворошиться то, чего онѣ долго не называють именемъ, и что Напалья въ сіи минуны чувствововала. Обѣдня показалась ей очень корошка. Няня десяти разъ дергала ее за камчатную шѣлогрѣю, и десяти разъ говорила ей: *пойдемъ, барышня; все кончилось*. Но барышня все еще не проглась съ мѣста, для того что и прекрасной незнакомецъ стоялъ какъ вкопаной подлѣ лѣваго крылоса; они посмапривали другъ на друга, и шихонько вздыхали. Старая мама, по слабости зрѣнія своего, ничего не видала, и думала, что Напалья читають про себя молитвы и для того неидеть изъ церкви. Наконецъ дѣвчекъ загремѣлъ ключами: шупъ красавица опомнилась, и видя, что церковь хотяшь запирашь, пошла къ дверямъ; а за нею и молодой человекъ — она влѣво, онѣ направо. Напалья раза два обступилась; раза два роняла плапокъ, и должна была ворочашься назадъ; незнакомецъ оправлялъ кушакъ свой, стоялъ на одномъ мѣстѣ, смопрѣлъ — на красавицу, и все еще не надѣвалъ бобровой шапки своей, хотя на дворѣ было холодно.

Напалья пришла домой, и ни о чемъ больше не думала, какъ о молодомъ человекѣ въ голубомъ кафшанѣ съ золотыми пуговицами. Она была не печальна, однакожь и не очень весела, подобно такому человекѣ, который наконецъ узналъ, въ чемъ состоишь его блажен-

ство, но имѣетъ еще слабую надежду имъ насладиться. За обѣдомъ она не ѣла, по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ — ибо для чего не сказать намъ прямо и просто, что Нашалья влюбилась въ незнакомца? «Въ одну минуточку?» (скажетъ чисташель:) «увидѣвъ въ первой разъ, «и не слыхавъ ошъ него ни слова?» Милоспивые государи! я рассказываю, какъ происходило самое дѣло: не сомнѣвайшесь въ истинѣ; не сомнѣвайшесь въ силѣ того взаимнаго влеченія, которое чувствуюшъ два сердца, другъ для друга сотворенныя! А кто не вѣришъ симпатіи, шомъ поди ошъ насъ прочь, и не чишай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру!

Когда Болринъ Машвѣй послѣ обѣда заснулъ — (не на Вольперовскихъ креслахъ, такъ какъ нынѣ спяшъ Болре, а на широкой дубовой лавкѣ) — Нашалья пошла съ нянею въ свѣшлицу свою, сѣла подъ любимымъ окномъ, вынула изъ кармана бѣлой плашокъ, хотѣла что-то сказать, но раздумала—взглянула на окончины, расписанныя морозомъ—оправила жемчужную повязку на головѣ своей, и пошомъ, смотря себѣ на колѣни, шихимъ и немного дрожащимъ голосомъ спросила у няни, каковъ показался ей молодой человекъ, бывшій у обѣдни? Старушка не понимала, о комъ говоришъ она. Надлежало изъяснишся; но легко ли это для спыдливой дѣвушки? Я говорю о томъ, продолжала Нашалья — о томъ, которой —

которой былъ всѣхъ лучше. Няня все еще не понимала, и красавица принуждена была сказать, что онъ споялъ подлѣ лѣваго крылоса, и вышелъ изъ церкви за ними. «Я не примѣтила его» — холодно отвѣчала старушка, и Нашалья тихонько пожала прекрасными своими плечиками, удивляясь, какъ можно было его не примѣтить!

На другой день Нашалья пришла всѣхъ ранѣе къ обѣднѣ, и вышла всѣхъ позже изъ церкви; но красавца въ голубомъ кафтанѣ тамъ не было — на прешій день также не было, и чувствительная Боярская дочь не хопѣла ни пиши ни ѣсти, переспала спать и насилу ходиши могла; однакожь старалась шайши внутреннее свое мученіе какъ опѣ родишеля, такъ и опѣ няни. Только по ночамъ лились слезы ея на мягкое изголовье. «Жестокой (думала она) жестокой! за чѣмъ скрываешься опѣ глазъ моихъ, которые тебя всеминутно ищутъ? Развѣ ты хочешь безвременной смерти моей? Я умру, умру — и ты не вырониши ни слезки на гробъ злощасной!» — Ахъ! для чего самая нѣжнѣйшая, самая пламеннѣйшая изъ спрашей родится всегда съ горестію? ибо какой влюбленной не вздыхаетъ, какой влюбленной не тоскуетъ въ первые дни спраши своей, думая, что его не любяшъ взаимно!

На четвертой день Нашалья опять пошла къ обѣднѣ, не смотря ни на слабость свою, ни на жестокой морозъ, ни на то, что Бояринъ Машвѣй, примѣтивъ наканунѣ необык-

новенную блѣдность ея лица, просилъ ее беречь себя и не выходить со двора въ холодное время. Еще никого не было въ церкви. Красавица, стоя на своемъ мѣстѣ, смотрѣла на двери. Вошелъ первый человѣкъ — не онъ! вошелъ другой — не онъ! шестій, четвертой — все не онъ! вошелъ пятой, и всѣ жилки задрожали въ Натальѣ — это онъ, пошелъ красавецъ, котораго образъ на всегда въ душѣ ея впечатлѣлся! Отъ сильнаго внутренняго волненія она едва не упала, и должна была опереться на плечо няни своей. Незнакомецъ поклонился на всѣ четыре стороны, а ей особливо, и при томъ гораздо ниже и почтительнѣе, нежели прочимъ. Томная блѣдность изображалась на его лицѣ, но глаза его сіяли еще свѣтлѣе прежняго; онъ смотрѣлъ почти безпрестанно на прелестную Наталью (которая отъ нѣжныхъ чувствъ спала еще прелестнѣе), и вздыхалъ такъ неосторожно, что она примѣтила движеніе груди его, и не взирая на свою скромность, угадывала причину. Любовь, надеждою оживляемая, алкала въ сію минуту на щекахъ милой нашей красавицы; любовь сіяла въ ея взорахъ; любовь билась въ ея сердцѣ; любовь подымала руку ея, когда она крестилась. — Часъ обѣдни былъ для нее одною блаженною секундою. Всѣ спали выходить изъ церкви; она вышла послѣ всѣхъ, а съ нею и молодой человѣкъ. Въмѣсто того, чтобы идти опять въ другую сторону, онъ пошелъ уже слѣдомъ за Натальею, которая

поглядывала на него и черезъ правое и черезъ лѣвое плечо свое. Чудное дѣло! любовники никогда не могутъ насмотрѣться другъ на друга, подобно какъ алчной корысполюбецъ не можешь никогда насытиться золопомъ. — У воротъ Боярскаго дому Нашалья въ послѣдній разъ взглянула на красавца, и нѣжнымъ взоромъ сказала ему: *прости, милой незнакомецъ!* Калишка хлопнула, и Нашаль послышалось, что молодой человекъ вздохнулъ; по крайней мѣрѣ она сама вздохнула. — Старушка няня была на сей разъ примѣшливѣе и не дождавшись еще ни слова отъ Нашальи, начала говорить о незнакомомъ красавцѣ, которой провожалъ ихъ отъ церкви. Она хвалила его съ великимъ жаромъ; доказывала, что онъ похожъ на ея покойнаго сына; не сомнѣвалась въ знашномъ родѣ его, и желала барышнѣ своей такого супруга. Нашалья радовалась, краснѣлась, задумывалась, отвѣчала: *да! нѣтъ!* и сама не знала, что отвѣчала.

На другой, на третій день опять ходили къ обѣднѣ; видѣли, кого видѣшь желали—возвращались домой, и у воротъ говорили нѣжнымъ взоромъ: *прости!* Но сердце красной дѣвушки есть удивительная вещь: чѣмъ оно довольно нынѣ, тѣмъ не довольно завтра — все болѣе и болѣе, и желаніямъ конца нѣтъ. Такимъ образомъ и Нашаль показалось уже мало того, чтобы смотрѣть на прекраснаго незнакомца и видѣшь нѣжность въ глазахъ его; ей захотѣлось слышать его голосъ, взявъ его за

руку, бышь поближе къ его сердцу, и проч. Чшо дѣлашь? какъ бышь? Такія желанія искореняшь шрудно; а когда они не исполняются, красавицѣ бываетъ грушно.—Нашалья онятъ принялась за слезы. Судьба, Судьба! уже ли ты не сжалишься надъ нею? Уже ли захочешь, чшобы свѣшлые глаза ея опъ слезъ померкли? — Посмотримъ, чшо будешь.

Однажды передъ вечеромъ, когда Боярина Машвѣя не было дома, Нашалья увидѣла въ окно, чшо калишка ихъ расшворилась — вошелъ человекъ въ голубомъ кафшанѣ, и работа выпала изъ рукъ Нашальиныхъ — ибо сей человекъ былъ прекрасной незнакомецъ. Няня! сказала она слабымъ голосомъ: *кто это?* Няня посмотрѣла, улыбнулась и вышла вонъ.

«Онъ здѣсь! няня усмѣхнулась; пошла къ нему, вѣрно къ нему — ахъ, Боже мой! чшо будешь?» думала Нашалья, смотрѣла въ окно и видѣла, чшо молодой человекъ вошелъ уже въ сѣни. Сердце ея лепѣло къ нему на вспрѣчу; но робость говорила ей: *останься!* Красавица повиновалась сему послѣднему голосу, шолько съ мучительнымъ принужденіемъ, съ великою шоскою: ибо всего несноснѣе прошившись влеченію своего сердца. Она вставала, ходила, бралась за то и за другое, и четшвершъ часа показалась ей годомъ. Наконецъ дверь расшворилась, и скрышъ ея пошрясь Нашальину душу. Вошла няня — взглянула на барышню, улыбнулась, и — не сказала ни слова. Красавица шакже не начинала говорить, и шолько

однимъ робкимъ взоромъ спрашивала: что, няня? что? Сшарушка какъ будто бы веселилась ея смущеніемъ, ея неперпѣніемъ — долго молчала, и спустя уже нѣсколько минушъ, сказала ей: «знаешь ли, барышня, что эшотъ молодой человѣкъ боленъ?» — Боленъ? чѣмъ? спросила Напалья, и цвѣтъ въ лицѣ ея перемѣнился. — «Очень боленъ, продолжала няня: у него шакъ болишъ сердце, что бѣдной не можешъ ни пишъ ни ѣшъ, блѣденъ какъ полошнo, и насилу ходишъ. Ему сказали, что у меня есть лекарство на эшу болѣзнь, и для того онъ прибрелъ ко мнѣ, плачешъ горькими слезами, и просишъ, чшобы я помогла ему. Повѣришъ ли, барышня, что у меня слезы на глазахъ наверхулись? Такая жалосшъ!» — Чшо же, няня? дала ли ты ему лекарство! — «Нѣшъ; я велѣла подождать.» — Подождать? гдѣ? — «Въ нашихъ сѣняхъ.» — Можно ли? Тамъ превеликой холодъ; со всѣхъ споронъ несешъ, а онъ боленъ! — «Чшожъ мнѣ дѣлашъ? Внизу у насъ шакъ чадъ, чшо онъ можешъ угорѣшъ до смерти: кудажь его ввести, пока изгошю лекарство? Развѣ сюда? Развѣ прикажешъ ему войти въ теремъ? Эшо будетъ доброе дѣло, барышня; онъ человѣкъ честной — спашешъ за . тебя Богу молишся, и никогда не забудешъ швоей милости. Теперь же башюшки нѣшъ дома — сумерки, шемно — никшо не увидишъ, и бѣды никакой нѣшъ: вѣдь шолько въ сказкахъ мушины бываюшъ спрашны для красныхъ дѣвушекъ! Какъ думаешъ

сударыня?» Нашалья (не знаю, отъ чего) дрожала, и прерывающимся голосомъ отвѣчала ей: *я думаю... какъ хочешь... ты лучше моего знаешь.* Тупъ няня отворила дверь—и молодой человекъ бросился къ ногамъ Нашальинымъ. Красавица ахнула, и глаза ея на минушу закрылись; бѣлыя руки повисли, и голова приклонилась къ высокой груди. Незнакомецъ осмѣлился поцѣловать ея руку, въ другой, въ третій разъ, осмѣлился поцѣловать красавицу въ розовыя губы, въ другой, въ третій разъ, и съ такимъ жаромъ, что мама испугалась и закричала: *баринъ! баринъ! помни уговоръ!* Нашалья открыла черные глаза свои, которые прежде всего встрѣпились съ черными глазами незнакомца, ибо они въ сію минушу были къ нимъ всего ближе; и въ шѣхъ и въ другихъ изображались пламенные чувства, любовію кипящее сердце, Нашалья съ трудомъ могла приподнять голову, чтобы вздохомъ облегчить грудь свою. Тогда молодой человекъ началъ говорить — не языкомъ романовъ, но языкомъ истинной чувствительности; сказалъ простыми, нѣжными, спростными словами, что онъ увидѣлъ и полюбилъ ее, полюбилъ такъ, что не можешь быть щастливъ и не хочешь жить безъ взаимной ея любви. Красавица молчала; только сердце и взоры говорили — но недовѣрчивой незнакомецъ желалъ еще словеснаго подтвержденія, и стоя на коленяхъ, спросилъ у нее: «Нашалья, прекрасная Нашалья! любишь ли меня? Твой отвѣтъ рѣшитъ судьбу мою: я могу быть щастливъ—

шимъ человекомъ на свѣшъ, или шумящая Москва — рѣка будешь гробомъ моимъ. » — Ахъ барышня! сказала жалосптивная няня: опшвѣчай скорѣе, что онъ тебѣ нравенъ! ужели захочешь погубишь его душу? — Ты миль сердцу моему, произнесла Напалья нѣжнымъ голосомъ, положивъ руку на плечо его. Дай Богъ, примолвила она, поднявъ глаза на небо, и обративъ ихъ снова на восхищеннаго незнакомца — дай Богъ, чтобъ я была столько же мила тебѣ! Они обняли другъ друга; казалось, что дыханіе ихъ остановилось. Кто видалъ, какъ въ первой разъ цѣломудренныя любовники обнимаются; какъ въ первой разъ добродѣтельная дѣвушка цѣлуетъ милаго друга, забывая въ первой разъ дѣвическую стыдливость: пусть пошъ и вообразишь себѣ сію картину; я не смѣю описывать ее, — но она была прогашельна — самая старая няня, свидѣтельница такого явленія, вырзнила капли двѣ слезъ и забыла напомнишь любовнику объ уговорѣ; но богиня непорочности присуществовала невидимо въ Напальиномъ шеремѣ.

Послѣ первыхъ минутъ нѣмага восшорга молодой человекъ, смотря на красавицу, залился слезами. Ты плачешь? сказала Напалья нѣжнымъ голосомъ, приклонивъ голову свою къ его плечу. — «Ахъ! я долженъ опкрышь тебѣ мое сердце, прелесшная Напалья! * опшвѣ-

* Читатель догадается, что старинные любовники говорили не совсѣмъ такъ, какъ здѣсь говорятъ они; но тогдашняго языка мы не могли бы теперь и понимать. Надлежало только нѣкоторымъ образомъ поддѣлаться подъ древній колоритъ.

чалъ онъ: оно еще не совершенно увѣрено въ своемъ щасіи.» — *Чтожь ему надобно? спросила Напалья, и съ неперпѣніемъ ожидала отвѣта.* — «Объщай, что ты исполнишь мое требованіе.» — *Скажи, скажи, что такое? Исполню, все сдѣлаю, что велишь мнѣ!* — Въ нынѣшнюю ночь, когда зайдесть мѣсяцъ — въ то время, какъ поюшь первые пѣснѣи — я прѣйду въ саняхъ къ вашимъ ворошамъ; ты должна ко мнѣ выйши и ѣхать со мною: вошь чего ошь тебя требую!» — *Ѣхатъ? въ нынѣшнюю ночь? куда?* — «Сперва въ церковь, гдѣ мы обвиняемся; а потомъ шуда, гдѣ я живу.» — *Какъ? безъ вѣдома отца моего? безъ его благословенія?* — «Безъ его вѣдома, безъ его благословенія, или я погибъ!» — *Боже мой!... Сердце у меня замерло. Ужьхатъ тихонько изъ дому родительскаго! Что же будетъ съ батюшкою? Онъ умретъ съ горя, и на душь моей останется страшной грѣхъ. Милой другъ! для чего намъ не броситься къ ногамъ его? Онъ полюбитъ тебя; благословитъ, и самъ отпуститъ насъ въ церковь.* — Мы бросимся къ ногамъ его, но черезъ нѣкоторое время. Теперъ онъ не можетъ согласишься на бракъ нашъ. Самая жизнь моя будетъ въ опасности, когда меня узнаютъ.» — *Когда тебя узнаютъ? тебя, милаго душь моей?.... Боже мой! какъ люди злы, естли ты говоришь правду! Только я не могу повѣритъ. Скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ?* — «Алексѣемъ?» — *Алексѣемъ? Я всегда любила это имя. Чтожь бѣды, естли тебя узнаютъ?* — «Все бу-

дешъ тебѣ извѣстно, когда ты согласишься сдѣлать меня щаспливымъ. Прелестная, милая Нашалья! время проходишь; мнѣ не лѣзя бытъ долѣе съ тобою. Чтобы родителъ твой, котораго я самъ люблю и почиаю за добрыя дѣла его — чтобы родителъ твой не сокрушался и не почиалъ дочери своей погибшею, я напишу къ нему письмо, и увѣдомлю, что ты жива, и что онъ можетъ скоро увидѣть тебя. Скажи, скажи, чего ты хочешь: жизни моей или смерти?» — При сихъ словахъ, произнесенныхъ швердымъ голосомъ, онъ вспалъ, и сморѣлъ огненными, пламенными глазами на красавицу. «Ты меня спрашиваешь?» сказала она съ чувствительностію: «развѣ я не обѣщала тебѣ повиноваться? Съ самаго младенческа привыкла я любить моего родителя, пошому что и онъ любитъ меня, очень, очень любитъ — (пусть Нашалья обшерла плашкомъ слезы свои, которыя одна за другою капали изъ глазъ ея) — тебя знаю не давно, а люблю еще больше: какъ эшо случилось, не знаю.» — Алексѣй обнялъ ее съ новымъ восхищеніемъ, снялъ золошой перстень съ руки своей, надѣлъ его на руку Нашаль, сказалъ: *ты моя!* и скрылся какъ молнія. Спарушка няня проводила его со двора.

Вмѣстѣ съ Чипашелемъ мы искренно винимъ Нашалью, искренно порицаемъ ее за то, что она, видѣвъ только раза три молодаго чловѣка, и услышавъ ошъ него нѣсколько пріятныхъ словъ, вдругъ рѣшилась бѣжать съ нимъ

изъ родительскаго дому, не зная куда-поручить судьбу свою незнакомому человѣку, кошораго, по собственнымъ рѣчамъ его, можно было счесть подозрительнымъ—а что всего болѣе, оставилъ добраго, чувствительнаго, нѣжнаго отца.... Но такова ужасная любовь! Она можетъ сдѣлать преступникомъ самаго добродѣшнѣйшаго человѣка! И кто, любивъ пламенно въ жизни своей, не поступилъ ни въ чемъ противъ строгой нравственности: пошъ — щасливъ! щасливъ тѣмъ, что спросилъ его не была въ противоположности съ добродѣшю — иначе послѣдняя признала бы слабость свою, и слезы щепнаго раскаянiя полились бы рѣкою. Лѣшиси человѣческаго сердца увѣряющъ насъ въ сей печальной истинѣ.

Что принадлежить до няни, по молодой человѣкъ (послѣ того, какъ онъ увидѣлъ Напалью въ церкви) нашелъ способъ переговорить съ нею и склонилъ ее на свою сторону разными пышными обѣщанiями и подарками. Увы! люди, а особливо подъ спароснъ, бывающъ падки на серебро и золото. Спарушка забыла то, что она болѣе сорока лѣтъ служила безпорочно и вѣрно въ домѣ Боярина Машвѣя—забыла и продала себя незнакомцу. Однакожь, по остатку честности, взяла съ него слово женишься на прекрасной Напальѣ, и до того времени не употребляетъ во зло ея любви и невинности.

Напалья, по уходѣ своего любовника, стояла нѣсколько минутъ неподвижно; на лицѣ ея видны были знаки сильныхъ душевныхъ

движеній, но не сомнѣнія, не колеблемости— ибо она уже рѣшилась! и хопя тихой голосъ изъ глубины сердца, какъ будто бы изъ опдаленной пещеры, спрашивалъ ее: *что ты дѣлаешь, безразсудная?* но другой голосъ, гораздо сильнѣйшій, въ томъ же самомъ сердцѣ ошвѣчалъ за нее: *люблю!*

Няня возвращилась успокоить Напалю, говоря ей, что она будешь супругою молодаго красавца; и что жена, по самому закону, должна все оставить и все забыть для мужа своего. — «Забыть?» перервала Напалья, вслушавшись въ послѣднія слова: «нѣтъ! я буду помнить моего родителя, буду всякой день объ немъ молишься. Къ тому же онъ сказалъ, что мы скоро бросимся къ ногамъ бапюшкинымъ — не шакъ ли, няня?» — Конечно, барышня! ошвѣчала спарушка: *а что онъ сказалъ, то будетъ.* — «Вѣрно будешь!» сказала Напалья, и лице ея спало веселѣе.

Бояринъ Мапвѣй возвращился домой поздно, и думая, что дочь его уже спитъ, не зашелъ къ ней въ перемъ. Полночь приближалась — Напалья думала не обо снѣ, а объ миломъ другѣ, копорому навѣки опдала она сердце свое, и кошораго съ неперпѣніемъ ожидала къ себѣ. Еще мѣсяцъ сіялъ на небѣ—мѣсяцъ, кошорымъ прежде глаза ея всегда веселились: шеперь онъ спалъ ей непріятенъ; шеперь думала красавица: «Какъ медленно капишься ты по круглому небу? Зайди скорѣе, мѣсяцъ свѣшлый! Онъ, онъ пріѣдешь за мною, когда ты сокро-

ешься!«—Луна опустилась—уже часнь ея зашла за кругъ земной—мракъ въ воздухѣ сгустился—пѣшухи запѣли—мѣсяцъ исчезъ, и серебрянымъ кольцомъ брякнули въ Боярскія ворота. Напалья вздрогнула. *Ахъ, няня! бѣги, бѣги скорѣе; онъ пріѣхалъ!*—Черезъ минушу явился молодой человѣкъ, и Напалья бросилась въ его объятія. Вошъ письмо къ своему родителю,—сказалъ онъ, показавъ бумагу. — «Письмо къ моему родителю? Ахъ! прочти его! я хочу слышать, что ты написалъ.»—Молодой человѣкъ развернулъ бумагу, и прочиталъ слѣдующія строки: «Я люблю милую дочь твою болѣе всего на свѣтѣ—ты не согласишься бы отдать ее за меня—она ѣдетъ со мною—проси насъ! любовь всего сильнѣе—можешь быть со временемъ я буду достоинъ называться зятемъ твоимъ.»—Напалья взяла письмо, и хотя не умѣла читать, однакожь смотрѣла на него, и слезы лились изъ глазъ ея. «Напиши, сказала она, напиши еще, что я прошу его не плакать, не крушиться, и что эта бумага мокра отъ слезъ моихъ; напиши, что я не вольна сама въ себѣ, и чтобы онъ или забылъ или просилъ меня.»

Молодой человѣкъ вынулъ изъ кармана перо и чернилицу—написалъ, что говорила Напалья, и оставилъ письмо на столѣ. Потомъ красавица, надѣвъ лисью шубу свою, помолившись Богу, взявъ съ собою тотъ образъ, которымъ благословила ее покойная мать, и подавъ руку щастливому любовнику, вышла изъ пере-

ма, сошла съ высокаго крыльца, со двора, — взглянула на родительской домъ, обтерла послѣднія слезы, сѣла въ сани, прижалась къ милому, и сказала: *вези меня, куда хочешь!* Кучеръ ударилъ по лошадямъ, и лошади помчались; но вдругъ раздался жалобной голосъ: *меня покинули, меня бѣдную, несчастную!* Молодой человекъ оглянулся и увидѣлъ бѣгущую няню, которая оставалась на минушу въ свѣшлицѣ, чтобы прибрать нѣкоторые изъ драгоценныхъ Нашальиныхъ вещей, и которую наши любовники совсѣмъ было-забыли. Лошадей удержали, посадили снарушку, снова поскакали, и черезъ четверть часа выѣхали изъ Москвы. На правой сторонѣ дороги, вдали, свѣшился огонекъ: шуда поворошили, и Нашалья увидѣла деревянную, низенькую церковь, занесенную снѣгомъ. Алексѣй—(чипапель не забылъ имени молодого человека) — Алексѣй ввелъ любовницу свою во внутренность сего вѣшхаго храма, освѣщеннаго одною маленькою, слабогорящею лампадою. Тамъ встрѣшилъ ихъ старой священникъ, согбенный бременемъ лѣтъ, и дрожащимъ голосомъ сказалъ имъ: «я долго ждалъ васъ, любезныя дѣти! внукъ мой уже заснулъ.» Онъ разбудилъ мальчика, въ углу церкви спавшаго; поставилъ любовниковъ передъ налой и началъ ихъ вѣнчать. Мальчикъ чипалъ, пѣлъ, что надобно; съ удивленіемъ глядѣлъ на жениха и невесту, и дрожалъ при всякомъ порывѣ вѣтра, которой шумѣлъ въ худое окно церкви. Алексѣй и Нашалья молились усердно,

и произнося объѣхъ свой, смотрѣли другъ на друга съ умиленіемъ и сладкими слезами. По совершеніи обряда престарѣлый священникъ сказалъ новобрачнымъ: *Я не знаю и не спрашиваю, кто вы; но именемъ великаго Бога, Котораго намъ и мракъ ночи и шумъ бури проповѣдуетъ — (въ сіе мгновеніе спрашно зашумѣлъ въперъ) — именемъ Непостижимаго, ужаснаго для злыхъ, для добрыхъ милосердаго, обѣщаю вамъ благоденствіе въ жизни, естли вы будете всегда любить другъ друга: ибо любовь супружеская есть любовь святая, Божеству пріятная, и кто соблюдаетъ ее въ чистомъ сердцѣ — въ нечистомъ же она жить не можетъ — тотъ пріятенъ Всевышнему. Грядите съ миромъ, и помните слова мои!* Новобрачные приняли благословеніе опъ старца, поцѣловали руку его, поцѣловали другъ друга, вышли изъ церкви и поѣхали.

Въперъ заносилъ дорогу; но рѣзвые кони лѣшѣли какъ молнія — ноздри ихъ дымились, паръ вился столбомъ, и пушистой снѣгъ опъ копытъ ихъ подымался вверхъ облаками. Скоро путешественники наши въѣхали въ шемнопу лѣса, гдѣ совсѣмъ не было дороги. Спарушка няня дрожала опъ страха; но прекрасная Нашалья, чувствуя подлѣ себя милаго друга, ничего не боялась. Молодой супругъ опводилъ рукою всѣ въшви и сучья, копорые грозили уколотъ бѣлое лице супруги его. Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, когда сани опускались во глубину сугробовъ, и жаркими

поцѣлуями удалялъ холодъ опть нѣжныхъ розъ, копорья цвѣли на усахъ ея. Около чешырехъ часовъ ѣздили они по лѣсу, пробираясь сквозь ряды высокихъ деревъ. Уже лошади начинали утомляться, и съ трудомъ выпаскивали ноги свои изъ глубинъ снѣжныхъ; сани двигались медленно, и наконецъ Нашалья, пожавъ руку своего любезнаго, тихимъ голосомъ спросила у него: *скоро ли мы прїѣдемъ?* Алексѣй посмотрѣлъ вокругъ себя, на вершины деревъ, и сказалъ, что жилище его не далеко. Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ выѣхали они на узкую равнину, гдѣ стоялъ маленькой домикъ, обнесенной высокимъ заборомъ. На встрѣчу къ нимъ вышли пять или шесть человекъ съ пиками зажженной лучины и вооруженные длинными ножами, копорые висѣли у нихъ на кушакахъ. Спарушка няня, видя сіе дикое, уединенное жилище, посреди непроходимаго лѣса; видя сихъ вооруженныхъ людей и примѣтивъ на лицахъ ихъ нѣчто суровое и свирѣпое, пришла въ ужасъ, сплеснула руками и закричала: *ахти! мы погибли! мы въ рукахъ — у разбойниковъ!*

Теперь могъ бы я представить страшную картину глазамъ чисташелей — прельщенную невинность, обманутую любовь, несчастную красавицу во власти варваровъ, убійць—женою атамана разбойниковъ, свидѣтельницаю ужасныхъ злодѣйствъ, и наконецъ, послѣ мучительной жизни, издыхающую на эшафотъ подъ съкирою правосудія, въ глазахъ несчаст-

наго родителю; могъ бы представилъ все сіе вѣрояшнымъ, естественнымъ, и чувствительной человѣкъ пролилъ бы слезы горести и скорби — но въ такомъ случаѣ я удался бы отъ исторической истины, на которой основано мое повѣствованіе. Нѣтъ, любезной чисташель, нѣтъ! на сей разъ побереги слезы свои — успокойся — спарушка няня ошиблась — Нашалья не у разбойниковъ!

Нашалья не у разбойниковъ!..... Но кто же сей таинственный молодой человѣкъ, или, говоря языкомъ Оссіанскимъ, *сынъ опасности и мрака*, живущій во глубинѣ лѣсовъ? — Прошу чисташель далѣе.

Нашалья потревожилась восклицаніемъ няни, схватила Алексѣя за руку, и смотря ему въ глаза съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, но съ полною довѣренностію къ любимцу души своей, спросила: *гдѣ мы?* Молодой человѣкъ взглянулъ со гнѣвомъ на спарушку; потомъ, устремивъ нѣжный взоръ на милую Нашалью, ошвѣчалъ ей съ улыбкою: *ты у добрыхъ людей—не бойся*. Нашалья успокоилась: ибо тотъ, кого она любила, велѣлъ ей успокоиться!

Вошли въ домикъ, раздѣленной на двѣ половины. «Здѣсь живутъ люди мои (сказалъ Алексѣй, указывая на право) а здѣсь я.» Въ первой горницѣ висѣли мечи и бердыши, шишаки и панцыри, а въ другой стояла высокая кровать, и передъ иконою Богоматери горѣла лампада. Нашалья тутъ же поставила и свой образъ; помолилась, и взглянувъ умильно на Алексѣя,

низехонько поклонилась ему какъ хозяину въ домъ. Молодой супругъ снялъ съ красавицы лисью шубу, дыханіемъ своимъ отопгрѣлъ ея руки, посадилъ ее на дубовую лавку, смотрѣлъ на прелестную, и плакалъ отъ радости. Милая Нашалья вмѣстѣ съ нимъ плакала: ибо нѣжность и щастіе имѣютъ также слезы свои....

Красавица забыла любопытство, или, лучше сказать, она совсѣмъ не имѣла его, зная то, что милый душѣ ея не можетъ быть злымъ человекомъ. Ахъ! если бы всѣ люди, сколько ихъ было тогда въ Русскомъ царствѣ, въ одинъ голосъ сказали Нашаль: *Алексѣй злодѣй!* она бы съ тихою улыбкою отвѣчала имъ: *нѣтъ!... сердце мое знаетъ его лучше, нежели вы; сердце мое говоритъ, что онъ вѣкъ любезнѣе, вѣкъ добрѣе. Я васъ не слушаю.*

Но Алексѣй самъ говорить началъ. «Любезная Нашалья! сказалъ онъ: пайна жизни моей должна тебѣ открыться. Воля Всевышняго соединила насъ навѣки; ничто уже не можешь разрывать союза нашего. Супругъ не долженъ ничего скрывать отъ супруги своей. И такъ знай, что я сынъ несчастнаго Боярина Любославскаго» — Любославскаго? Возможно ли? Батюшка сказывалъ мнѣ, что онъ пропалъ безъ вѣсти. — «Его уже нѣтъ на свѣтѣ! Выслушай. — Ты не помнишь, но конечно слыхала о тѣхъ волненіяхъ и бунтахъ, которые лѣтъ за тринадцать передъ симъ возмущали спокойствіе нашего царства. Нѣкошо-

рые изъ знатнѣйшихъ честолубивыхъ Бояръ возстали противъ законной власти юнаго Государя; но скоро гнѣвъ Божеской наказалъ мяшежниковъ — разсѣялись какъ прахъ многочисленные ихъ сообщники, и кровь главныхъ бунтовщиковъ пролилась на лобномъ мѣстѣ. Родитель мой по нѣкоторому подозрѣнію, но совершенно ложному, взятъ былъ подъ стражу. Онъ имѣлъ непріятелей, злыхъ и коварныхъ; представили доказательства мнимой его измѣны и согласія съ мяшежниками; отецъ мой клялся въ своей невинности, но обстоятельства осуждали его, и рука вышняго судіи готова была подписать ему смерть.... надежда исчезала въ душѣ невиннаго — одинъ Всевышній могъ спасти его — и спасъ. Вѣрный другъ отворилъ ему дверь темницы — и родитель мой скрылся, взявъ съ собою самыхъ усерднѣйшихъ слугъ и меня, двѣнадцатилѣтняго сына своего. Въ предѣлахъ Россіи не было для насъ безопасности: мы удалились въ ту страну, гдѣ рѣка Свѣлга вливается въ величественную Волгу, и гдѣ многочисленные народы поклоняются лжепророку Магомету — народы суевѣрные, но страннoлюбивые. Они приняли насъ дружески, и мы около десяти лѣтъ жили съ ними; не имѣли ни въ чемъ недостатка, но безпрестанно горевали о своемъ опечесствѣ; сидѣли на высокомъ берегу Волги, и смоля на ея волны, несущіяся отъ странъ Россійскихъ, проливали жаркія слезы; всякая пища, ле-

шѣвшая съ запада *, казалась намъ милѣе; всякую пшицу, на западъ лешѣвшую, провожали мы глазами и—вздохами.—Между шѣмъ опецъ мой ежегодно посылалъ въ Москву шайнаго гонца, и получалъ письма опъ своего друга, кошорыя всегда подавали ему надежду, чшо невинность наша рано или поздно опкроется, и чшо мы съ честію можемъ возвратиться въ опечество. Но скорбъ изсушила сердце моего родишеля; силы его исчезали, и глаза покрывались густымъ мракомъ. Безъ ужаса чувствовалъ онъ приближеніе конца своего — благословилъ меня — и сказавъ: *Богъ и другъ нашъ не оставятъ тебя, умеръ въ моихъ обѣщаніяхъ. Не буду говорить тебѣ о горести бѣднаго сироты; нѣсколько мѣсяцевъ глаза мои не просыхали.* — Я увѣдомилъ друга нашего о моемъ несчастіи: въ опвѣстѣ своемъ, изъявляя душевную скорбъ о кончинѣ невиннаго спрадалца, умершаго въ спранѣ иноплеменныхъ, и погребеннаго въ землѣ не Хрисіанской, сей благодѣтельный другъ звалъ меня въ Россію. «Версхъ въ 40 опъ Москвы (писалъ онъ) въ дремучемъ, непроходимомъ лѣсу, построилъ я уединенный домикъ, неизвѣстный никому, кромѣ меня и надежныхъ людей моихъ. Тамъ будешь ты жишь до времени въ совершенной безопасности. Посланный знаетъ сіе мѣсто.» — Я изъявилъ благодарность мою гостепріимнымъ жишелямъ Волжскихъ береговъ;

* То есть, опъ Россіи.

простился съ зеленою могилою родителя моего; поцѣловалъ и оросилъ слезою каждый цвѣточикъ, каждую травку, на ней распускающую; возвратился съ вѣрными слугами въ предѣлы Россіи, облобызалъ опечисливенную землю — и въ густотѣ темнаго лѣса, на узкой равнинѣ, нашелъ сей пустынный домикъ, гдѣ ты теперь со мною, любезная Нашалья. Здѣсь встрѣшилъ меня съдой старецъ и сказалъ дрожащимъ голосомъ: Ты сынъ Боярина Любославскаго! Господишъ мой, вѣрный другъ его—тотъ, кто хотѣлъ быть вторымъ отцомъ твоимъ, и строилъ для тебя сіе жилище—скончался! Но онъ помнилъ о сиротѣ при кончинѣ своей. Здѣсь найдешь все нужное для жизни; найдешь сокровища: они твои. — Я поднялъ глаза на небо; молчалъ — и слезы мои капились градомъ. «Кпо будешь моимъ помощникомъ? думалъ я: «моимъ наставникомъ? Я одинъ въ свѣтѣ!.... «Всевышній! Ты, Кому поручилъ меня родителемъ мой! не оставь бѣднаго!»

«Я поселился въ пустынь; видѣлъ у себя множество серебра и золота, но ни мало имъ не утѣшался. Черезъ нѣсколько дней захопѣлось мнѣ побывать въ царственномъ градѣ, гдѣ никто не могъ узнать меня. Старой служитель моего благодѣтеля указалъ мнѣ на деревьяхъ разныя мѣшкы, копорыя вели къ большой Московской дорогѣ, и копорыя никому кромѣ насъ не могли быть понятны. Я увидѣлъ блестящія главы церквей, народное множество, огромные дома, всѣ чудеса Великаго града, и

радосныя слезы сверкнули въ глазахъ моихъ. Злые дни младенчества, дни невинности и забавы, проведенныя мною въ Русской столицѣ, представились моимъ мыслямъ какъ веселое сновидѣніе. Я искалъ нашего бывшаго дому, и нашелъ однѣ пустыя стѣны, въ которыхъ порхали лепучія мыши — холодной ужасъ разлился по моей внутренности.

«Попомъ я часто бывалъ въ Москвѣ, останавливаясь въ одной тихой гостинницѣ и называя себя иногороднымъ купцомъ; часто видалъ Государя, отца народнаго; часто слыхалъ о благодѣяніяхъ родителя моего, когда Бояре, собираясь на площади прошивъ соборной церкви, рассказывали другъ другу всѣ добрыя и похвальныя дѣла, украшавшія столицу. Возвращаясь въ пустыню, я сражался съ дикими звѣрями, которыхъ мы должны были истреблять для собственной нашей безопасности; но часто, выпуская изъ рукъ добычу, упалъ на землю и проливалъ слезы. Вездѣ было мнѣ грустно — въ пустомъ лѣсу и среди народа. Съ горестію ходилъ я по улицамъ царственнаго града, и смотря на людей, которые встрѣчались со мною, думалъ: Они идутъ къ роднымъ и ближнимъ; ихъ дожидаются; имъ будутъ рады — мнѣ итти не къ кому; меня никто не дожидается; никто о сиротѣ не думаетъ! Иногда хотѣлось мнѣ броситься къ ногамъ Государя, увѣрить его въ невинности отца моего, въ моей вѣрности къ Царю благочестивому, и поручить его милосердію судъ-

бу мою; но какая-то могущественная невидимая рука не допускала меня исполнить сего намѣренія.

«Пришла мрачная осень, пришла скучная зима; лѣсное уединеніе сдѣлалось для меня еще несноснѣе. Я чаще прежняго спалъ въздѣвъ въ городъ и—увидѣлъ тебя, прекрасная Нашалья. Ты показалась мнѣ Ангеломъ Божиимъ — нѣтъ! говоряшь, что сіяніе Ангеловъ ослѣпляетъ глаза человѣческіе, и что на нихъ не лѣзя смотрѣть долго; а мнѣ хотѣлось безпрестанно глядѣть на тебя. Я видалъ прежде многихъ красавицъ, дивился ихъ прелестямъ, и часто думалъ: *Господь Богъ не сотворилъ ничего лучше красныхъ Московскихъ дѣвушекъ*; но глаза мои на нихъ смотрѣли, а сердце молчало и не прорѣчалось — онѣ казались мнѣ чужими. Ты же первымъ взглядомъ влила какой-то огонь въ мое сердце; первымъ взглядомъ привлекла къ себѣ душу мою, которая тотчасъ полюбила тебя какъ родную свою. Мнѣ хотѣлось броситься и прижать тебя къ моей груди, такъ крѣпко, чтобы ничто уже не могло разлучить насъ.—Ты ушла, и мнѣ показалось, что красное солнце закатилось, и ночь наступила. Я стоялъ на улицѣ, и не чувствовалъ снѣга, которой на меня сыпался; наконецъ я пришелъ въ себя—спалъ разспрашиваешь, и узнавъ, кто ты, возвратился въ свою гостиницу, и размышлялъ о милой дочери Боярина Машвѣя. Бапюшка часто говаривалъ мнѣ о любви, которую почувствовалъ онъ къ матери моей,

видѣвъ ее въ первый разъ, и которая не давала ему покоя до самаго того времени, какъ ихъ повели въ церковь. «Со мною по же дѣлаешься, думалъ я: и мнѣ не лѣзя быть ни покойнымъ, ни щасливымъ безъ милой Напальи. Но какъ надѣяшься? Любимой Царской Бояринъ захочешъ ли выдашь дочь свою за такого человѣка, котораго опецъ почиаетъ ся преступникомъ? Правда, есшлы бы она полюбила меня.... съ нею и пустыня лучше Москвы блокаменной. Можешъ бышь ошибаюсь — шолько мнѣ казалось, что она взглядывала на меня ласково.... но я вѣрно ошибаюсь. Какъ эшому бышь? Такое щасіе не вдругъ приходишь!» — Наступила ночь — и прошла, но глаза мои сномъ не смыкались. Ты безпрестанно была передо мною или въ душѣ моей — крестилась блою рукою своею, и прятала ее подъ соболью шубейку. — На другой день почувствовалъ я сильную боль въ головѣ и превеликую слабость, которая засшавила меня около двухъ сутокъ пролежашъ на посшелѣ. — *Такъ!* перервала Напалья: *такъ!* я это знала; сердце мое тосковало не даромъ. Ни на другой, ни на третій день не было тебя у обѣдни.

«Однакожь и самая болѣзнь не мѣшала мнѣ о тебѣ думать. Одинъ изъ слугъ моихъ былъ въ домѣ швоего родителя, видѣлся съ швоею нянею, и уговорилъ ее прийти ко мнѣ въ госшинницу. Я ошкрылъ старушкѣ любовь мою; просилъ, кланялся, увѣрялъ въ моей бла-

годарности — наконецъ она согласилась бытъ мнѣ помощницею. — Прочее ты знаешь. Я видѣлъ себя въ церкви — иногда льстился бытъ любимымъ, примѣчая въ глазахъ твоихъ нѣжную умильность, и краску на лицѣ твоёмъ, когда встрѣчались наши взоры — наконецъ рѣшился узнать судьбу мою — упалъ къ ногамъ твоимъ, и бѣдной сирота сталъ счастливейшимъ человекомъ въ свѣтѣ. Могъ ли я послѣ твоего признанія распаться съ тобою? Могъ ли жить подъ другимъ кровомъ, и всякой часъ беспокоиться, и всякой часъ думать: жива ли она? не угрожаютъ ли ей какія опасности? не тоскуетъ ли ея сердце? ахъ! не сватается ли за прекрасную какой нибудь женихъ, богатой и знатной? — Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ оставалось умереть, или жить съ тобою! — Священникъ загородной церкви, копорый насъ венчалъ, былъ не подкупленъ, а упрошенъ мною; слезы мои тронули спарца.

«Теперь извѣстно тебѣ, кто супругъ твой; теперь совершились всѣ мои желанія. Грустно, скука! прости же! Для васъ уже нѣтъ мѣста въ уединенномъ моемъ домикѣ. Милая Напалья любишь меня, милая Напалья со мною! — Но я вижу помногу въ глазахъ твоихъ; тебѣ надобно успокоиться, любезная души моей. Ночь проходишь, и скоро утренняя заря покажется на небѣ.»

Алексѣй поцѣловалъ Напальину руку. Красавица вздохнула. Ахъ! для чего нѣтъ съ нами

батюшки! сказала она, прижавшись къ сердцу супруга: когда мы съ нимъ увидимся? когда онъ благословитъ насъ? когда я при немъ поцѣлую тебя, сердечнаго друга моего? — «Топъ (отвѣчалъ Алексѣй), Топъ милоспивый Богъ, Который далъ мнѣ тебя, вѣрно все для насъ сдѣлаешь. Положимся на Него: Онъ пошлетъ намъ случай упасъ къ ногамъ своего родителя и принятъ его благословеніе.»

Сказавъ сіи слова, онъ вспалъ и вышелъ въ переднюю горницу. Тамъ сидѣли люди его съ нянею, которая (увѣрившись, что они не разбойники, и что длинныя ножи служатъ имъ только обороною отъ лѣсныхъ звѣрей) пересшла бояшья, познакомила съ ними, и съ любопытствомъ старой женщины спрашивала о молодомъ ихъ господинѣ, о причинѣ пустынноической жизни его, и проч. и проч. Алексѣй пошепталъ на ухо одному человѣку, и черезъ минушу никого не осталось въ передней: старушку схватили подъ руки и увели въ другую половину. Молодой супругъ возвратился къ своей любезной — помогъ ей раздѣшья — сердца ихъ бились — онъ взялъ ее за бѣлую руку.... Но скромная Муза моя закрываетъ бѣлымъ плашкомъ лице свое — ни слова!.... Священный занавѣсъ опускается, священный и не проницаемый для глазъ любопытныхъ!

А вы, щаспливые супруги, блаженствуйте въ сердечныхъ восторгахъ подъ вліяніемъ звѣздъ небесныхъ; но будьте цѣломудренны

въ самыхъ высочайшихъ наслажденіяхъ спра-
спи своей! Невинная стыдливость да живетъ
съ вами неразлучно — и нѣжные цвѣты удо-
вольствія не завянутъ никогда на супруже-
скомъ ложѣ вашемъ! —

Уже солнце взошло высоко на небѣ, и раз-
сыпало по снѣгу миллионы блестящихъ діаман-
товъ; но въ спальнѣ нашихъ супруговъ все
еще царствовало глубокое молчаніе. Старуш-
ка мама давно встала, разъ десять подходила
къ двери, слушала и ничего не слыхала; нако-
нецъ вздумала тихонько постучаться, и ска-
зала довольно громко: *пора вставать—пора вста-
вать!* Черезъ нѣсколько минутъ дверь отпер-
ли. — Алексѣй былъ уже въ голубомъ кафта-
нѣ своемъ; но красавица лежала еще на по-
спелѣ, и долго не могла взглянуть на ста-
рушку, спыдаясь — не извѣстно, чего. Розы
на щекахъ ея не много поблѣднѣли; въ гла-
захъ изображалась томная слабость — но ни-
когда Напалья не была такъ привлекатель-
на, какъ въ сіе утро. Она одѣлась съ помощію
своей няни, помолилась Богу со слезами, и до-
жидалась супруга своего, которой между тѣмъ
занимался хозяйствомъ, приказывалъ гошovitъ
обѣдъ и прочее, что нужно въ домашнемъ бы-
ту. Когда онъ возвратился къ любезной супру-
гѣ, она съ нѣжностію обняла его и сказала
тихимъ голосомъ: *Милой другъ! я думаю о ба-
тюшкѣ — ахъ! онъ вѣрно тоскуетъ, плачетъ,
сокрушается!.... Мнѣ бы хотѣлось объ немъ
слышать; хотѣлось бы знать —* Напалья не

договорила: но Алексѣй понялъ ея желаніе, и немедленно отправилъ въ Москву человека, чтобы навѣдаться о Бояринѣ Машвѣѣ.

Но мы предупредимъ сего посланнаго и поможемъ, что дѣлается въ царственномъ градѣ. Бояринѣ Машвѣѣ долго ждалъ къ себѣ поутру милой своей Натальи, и наконецъ пошелъ въ ея теремъ. Тамъ все было пусто, все въ безпорядкѣ. Онъ изумился — увидѣлъ на столѣ письмо, развернулъ его, прочиталъ — не вѣрилъ глазамъ своимъ — прочиталъ въ другой разъ — хотѣлъ еще не вѣришь — но дрожащія ноги его подогнулись — онъ упалъ на землю. Нѣсколько минутъ продолжалось его безпамятство. Образумившись, приказалъ онъ людямъ вести себя къ Государю. *Государь!* сказалъ шепещущій спарецъ — *Государь!....* Онъ не могъ говорить, и подалъ Царю Алексѣево письмо. Чело благочестиваго Монарха помрачилось гнѣвомъ. *Кто сей недостойный соблазнитель?* сказалъ онъ: *но вездѣ найдетъ его грозная рука правосудія* — сказалъ, и во всѣ страны Русскаго царства отправились гонцы, съ повелѣніемъ искать Наталью и ея похищителя.

Царь утѣшалъ Боярина какъ своего друга. Вздохи и слезы облегчили спѣсненную грудь несчастнаго родителя, и чувство гнѣва въ сердцѣ его уступило мѣсто нѣжной горести. «Богъ видитъ» — сказалъ онъ, взглянувъ на небо — «Богъ видитъ, какъ я любилъ тебя, «неблагодарная, жестокая, милая Наталья!...

«Такъ, Государь! она и теперь мила мнѣ бо-
«лѣе всего на свѣшѣ!... Кшо увезъ ее изъ ро-
«дительскаго дому? Гдѣ она? что съ нею дѣ-
«лаешся?... Ахъ! на староспи лѣпшѣ моихъ я
«побѣжалъ бы за нею на край свѣша!... Мо-
«жешъ бышъ какой нибудь злодѣй обольсшилъ
«невинную и послѣ бросишъ, погубишъ ее....
«Нѣшъ! дочь моя не могла полюбить злодѣя!...
«Но для чего же не опкрышъся родителю?...
«Кшо бы онъ ни былъ, я обнялъ бы его какъ
«сына. Развѣ Государь меня не жалуешъ? Развѣ
«онъ не спалъ бы жаловать и зящя моего?...
«Не знаю, что думаешъ!... Но ее нѣшъ!... Я
«плачу: она не видишъ слезъ моихъ — умру:
«она не зашворишъ глазъ опца, кошорой по-
«лагалъ въ ней жизнь и душу свою?... Правда,
«безъ воли Всевышняго ничего не дѣлаешся;
«можешъ бышъ я заслужилъ наказаніе руки
«Его... Покоряюсь безъ ропшанія!... Объ од-
«номъ прошу тебя, Господи: будь ей опцомъ
«милосердымъ во всякой спранѣ. Пусть умру
«въ горести — лишь бы дочь моя была бла-
«гополучна!... Не лъзя, чшобы она не любила
«меня; не лъзя....» — (Тупъ Бояринъ Машвѣй
взялъ письмо, и снова прочишалъ его.) — «Ты
«плакала; эта бумага мокра опъ слезъ шво-
«ихъ: я буду хранишъ ее на моемъ сердцѣ,
«какъ послѣдній знакъ любви швоей. — Ахъ!
«если ты ко мнѣ возвратишъся, хошя за
«часъ до моей смерти.... Но какъ угодно Все-
«вышнему! — Между нѣмъ опецъ швой, си-
«роша на староспи, будешъ опцомъ неща-

«спныхъ и горесныхъ; обнимая ихъ какъ
«дѣшей своихъ — какъ своихъ брашій — онъ
«скажетъ имъ со слезами: друзья! молитесь о
«Наталя.» — Такъ говорилъ Бояринъ Маш-
вѣй, и чувствительной Царь былъ тронутъ
до глубины сердца.

Опныиъ, добрый Бояринъ, жизнь своя по-
крывается мракомъ печали — уввы! и самая
добродѣтель не можетъ насъ предохранить
опъ горести! Безпрестанно будешь ты ду-
мать о милой сердца твоего—вздыхать и си-
дѣть подгорюнившись передъ широкими воро-
тами своего дому! Никто, никто не принесетъ
тебѣ вѣсти о прелестной Наталя! Царскіе
гонцы возвращаются, и вздохъ ихъ будешь
опвѣтомъ на вопросы твои. Сядушь бѣдные
за ешолы нищелюбиваго Боярина, но хлѣбъ
его покажется имъ горекъ—ибо они увидятъ
скорбь на лицѣ своего благодѣтеля! —

Между тѣмъ Алексѣевъ посланный возвра-
тился въ пустыню съ извѣстіемъ, что Бо-
яринъ Машвѣй былъ во дворцѣ Царскомъ, и
что во всей Россіи велѣно искать его пропав-
шей дочери. Наталя хотѣла знать болѣе, и
спрашивала, что написано было на лицѣ ро-
дителя ея, когда онъ шелъ изъ дворца Госу-
дарева; вздыхалъ ли онъ, плакалъ ли, не про-
износилъ ли шихонько ея имени? Посланный
не могъ опвѣчать ни да, ни нѣтъ: ибо онъ
хотя и видѣлъ Боярина, но смотрѣлъ на него
не проникательными глазами нѣжной дочери.
Для чего, сказала Наталя, для чего не могу

я превратиться въ невидимку или въ маленькую птичку, чтобы слетать въ Москву бѣлокаменную, взглянуть на родителя, поцѣловать руку его, выронить на нее слезу горячую, и возвратиться къ милому моему другу? — «Ахъ нѣтъ! я не пустилъ бы тебя! отвѣчалъ Алексѣй: почему знаешь, что бы могло съ тобою случиться? Нѣтъ, мой другъ! я не могу и вздумать о разлукѣ — а ты можешь!» — Нашалья почувствовала нѣжную укоризну, и оправдалась передъ супругомъ улыбкою, слезами и поцѣлуемъ.

Теперь надлежало бы мнѣ описывать щастіе юныхъ супруговъ и любовниковъ, сокрытыхъ лѣснымъ мракомъ отъ цѣлаго свѣта; но вы, которые наслаждаетесь подобнымъ щастіемъ, скажите, можно ли описать его? — Нашалья и Алексѣй, живучи въ своемъ уединеніи, не видали, какъ текло или летѣло время. Часы и минуты, дни и ночи, недѣли и мѣсяцы сливались въ пустынь ихъ какъ струи рѣчныя, не различаемыя глазомъ человѣческимъ. Ахъ! удовольствія любви бывають всегда одинаковы, но всегда новы и безчисленны. Нашалья просыпалась и — любила; вснавала съ постели и — любила; молилась и — любила; что ни думала, все любила и всѣмъ наслаждалась. — Алексѣй то же, и чувства ихъ составляли восхищительную гармонію.

Но чисташель не долженъ думать, чтобы они въ уединенной жизни своей только смотрѣли другъ на друга и сидѣли отъ утра до

вечера поджавъ руки — нѣтъ! Нашалья принялась за рукодѣлье, за пальцы, и скоро вышила разными шелками и разными узорами двѣ прекрасныя ширинки: первую для милаго супруга, чшобы онъ ушпиралъ ею бѣлое лице свое, а другую для любезнаго родителя. *Когда нибудь мы поѣдемъ къ нему!* говорила красавица, и пихонько вздыхала. — Чшо принадлежишь до Алексѣя, то онъ, сидя подлѣ своей супруги, рисовалъ перомъ разные ландшафты и каршинки—любовался шѣмъ, чшо нравилось Нашальѣ, и старался поправить шо, чшо ей казалось несовершеннымъ. Такъ, любезный читатель! Алексѣй умѣлъ рисовать, и пришомъ весьма не худо, ибо сама Природа выучила его сему искусству. Онъ видѣлъ образъ кудрявыхъ деревъ въ рѣкахъ прозрачныхъ, и вздумалъ означать шѣнь сію на бумагѣ; опытъ былъ удаченъ, и скоро чершежи его сдѣлались вѣрными копіями Нашуры; не шолько дерева, но и другіе предметы изображались имъ съ величайшею шѣчноштію. Красавица смотрѣла на движеніе руки его, и дивилась, какъ онъ могъ одиѣми чершами пера своего представлять разные виды: шо рошу дубовую, шо башни Московскія, шо дворецъ Государевъ. — Но Алексѣй уже не сражался съ дикими звѣрями: ибо они (какъ будшо бы изъ уваженія къ прекрасной Нашальѣ, новой обшпашельницѣ ихъ дремучаго лѣса) не приближались къ жилищу супруговъ, и ревѣли шолько въ опдаленіи.

Такимъ образомъ прошла зима; снѣгъ рас-

паялъ; рѣки и ручьи зашумѣли, земля опустилась правкою, и зеленые пучечки распустились на деревьяхъ. Алексѣй выбѣжалъ изъ своего домику, сорвалъ первой цвѣточикъ и принесъ его Натальѣ. Она улыбнулась, поцѣловала своего друга — и въ самую сію минуту запѣли въ лѣсу весеннія птички. *Ахъ! какая радость! какое веселье!* сказала красавица: *мой другъ! пойдѣмъ гулять!* — Они пошли, и сѣли на берегу рѣки. «Знаешь ли, сказала Наталья супругу своему — знаешь ли, что прошедшею весною не могла я безъ грусти слушать птичекъ? Теперь мнѣ кажется, будто я ихъ разумѣю и одно съ ними думаю. Посмотри: здѣсь на кусточкѣ поютъ двѣ птички — кажется, малиновки — посмотри, какъ онѣ обнимаются крылышками; онѣ любятъ другъ друга, шакъ, какъ я люблю тебя, мой другъ, и какъ ты меня любишь! Не правда ли?» Всякой можетъ вообразить себѣ опившій Алексѣевъ и разныя удовольствія, которыя весна принесла съ собою для нашихъ пусшынниковъ.

Но нѣжная дочь, наслаждаясь любовію, не забывала и своего родителя. Алексѣй долженъ былъ всякую недѣлю два или три раза посылать въ Москву человека, навѣдывающагося о Бояринѣ Машвѣ. Въспи привозились одинакія: Бояринъ дѣлалъ добрыя дѣла, печалился, кормилъ бѣдныхъ и говорилъ имъ: *Друзья! помолитесь о Натальѣ!* Наталья вздыхала и смотрѣла на образъ.

Однажды возвратился посланный съ великою

«поспѣшностію. «Государь! сказалъ онъ Алек-
«сѣю: Москва въ смященіи. Свирѣпые Липов-
«цы возсѣдали на Русское Царство. Я видѣлъ,
«какъ жили престольнаго града собирались
«передъ дворцомъ Государевымъ, и какъ Боя-
«ринъ Мамвѣй, именемъ Царя православнаго,
«ободрялъ воиновъ; я видѣлъ, какъ толпы на-
«родныя бросали вверхъ шапки свои, воскли-
«чая въ одинъ голосъ: умремъ за Царя Госу-
«даря! умремъ за отечество, или побѣдимъ Ли-
«товцевъ! Я видѣлъ, какъ Русское воинство
«въ ряды становилось, какъ сверкали его мечи
«и бердыши и копья булатныя. Завтра вы-
«дѣтъ оно въ поле, подъ начальствомъ Воеводъ
«храбрѣйшихъ.» — Сердце Алексѣево запре-
пешало; кровь закипѣла — онъ схватилъ со-
сѣбѣ мечъ отца своего — взглянулъ на су-
пругу — и мечъ упалъ на землю — слезы пока-
зались въ глазахъ его. Наталья взяла его за
руку и не говорила ни слова. — «Любезная
Наталья! сказалъ Алексѣй по нѣкоторомъ
молчаніи: ты желаешь возвратиться въ домъ
къ своему родителю?»

Наталья. Съ побою, мой другъ, съ побою!
Ахъ! я не смѣла говорить тебѣ; только мнѣ
всегда казалось, что мы напрасно скрываемся
отъ бабюшки. Увидя насъ, онъ такъ обра-
дуется, что все забудетъ; а я возьму за руку
тебя и его, заплачу отъ радости, и скажу:
вотъ они; вотъ тѣ, которыхъ люблю — теперь
я совершенно счастлива!

Алексѣй. Но мнѣ надобно заслужить преж-

де милость Царскую. Теперь есть къ тому случай.

Наталья. Какой же, мой другъ?

Алексѣй. Ъхашь на войну, сразись съ неприятелями Русскаго Царства, и побѣдишь. Царь увидишь тогда, что Любославскіе любящъ его, и вѣрно служатъ своему отечеству.

Наталья. Побѣдемъ, мой другъ! Лишь бы ты былъ со мною: я всюду готова.

Алексѣй. Что ты говоришь, милая Наталья? Тамъ лепающъ смертоносныя стрѣлы; тамъ рубящся мечами: какъ тебѣ ѡхашь со мною?

Наталья. И шакъ ты хочешь меня оставишь? хочешь моею смертию? потому что я не могу жить безъ тебя. Давно ли, мой другъ, давно ли говорилъ ты, что никогда не покинешь меня? А теперь думаешь ѡхашь одинъ, и еще шуда, гдѣ лепающъ стрѣлы? Кто защитишь тебя?... Нѣтъ, ты возьмешь меня съ собою — или бѣдная Наталья не мила уже сердцу своему!

Алексѣй обнялъ свою супругу. «Побѣдемъ, сказалъ онъ, побѣдемъ, и умремъ вмѣстѣ, если ли шакъ Богу угодно! Только на войнѣ не бываетъ женщинъ, милая Наталья!» — Красавица подумала, улыбнулась, пошла въ спальню и заперла за собою дверь. Черезъ нѣскольکو минушъ вышелъ онъ шуда прекрасной опрокъ... Алексѣй изумился; но скоро узналъ въ семъ юномъ красавцѣ любезную дочь Боярина

Машвѣя, и бросился цѣловать ее. Нашалья одѣлась въ плащъ своего супруга, которое носилъ онъ будучи тринадцати или четырнадцати лѣтъ. «Я меньшей братъ твой, сказала она съ усмѣшкою: теперь дай мнѣ только мечъ острый и копье булатное, шишакъ, панцырь и щитъ желѣзной — увидишь, что я не хуже мужчины.» — Алексѣй не могъ радоваться своимъ милымъ героемъ, выбралъ ему самое легкое оружіе, нарядилъ его въ панцырь, сдѣланный изъ мѣдныхъ колецъ (на которыхъ было подписано: съ нами Богъ: никто же на ны! (*)); вооружилъ людей своихъ, гошовыхъ умереть за любезнаго господина; надѣлъ лапы покойнаго опца своего — и черезъ нѣсколько часовъ въ пустынномъ домикѣ оспалась одна Нашальина мама съ двумя шариками.

А мы оставимъ на нѣсколько времени супруговъ нашихъ, въ надеждѣ, что Небо не оставитъ ихъ, и будетъ имъ защитою въ опасностяхъ, шамъ, гдѣ лешають смертоносныя стрѣлы, гдѣ мечи сверкають какъ молніи, гдѣ копья прещаютъ и ломаются, гдѣ кровь человѣческая льется рѣками, гдѣ герои умирають за свое опечесво и дѣлаются бессмертными. Возвратимся въ Москву — шамъ началась наша исторія, шамъ должно ей и кончиться.

Увы! какая пустоша въ столицѣ Россійской!

* Въ Оружейной Московской Палатѣ я видѣлъ много панцырей съ сею надписью.

Все тихо, все печально. На улицахъ не видно никого, кромѣ слабыхъ старцевъ и женщинъ, кошорые съ унылыми лицами идутъ въ церковь, молишь Бога, чшобы Онъ отвращилъ грозную пучу опъ Русскаго Царства, даровалъ побѣду православнымъ воинамъ, и разсѣялъ сонмы Липовскіе. Добросердечный, чувствительный Царь стоишь на высокомъ крыльцѣ своемъ, и съ неперпѣніемъ ожидаетъ вѣспи опъ начальниковъ воинства, пошедшаго на встрѣчу врагамъ многочисленнымъ. Бояринъ Матвѣй неразлученъ съ Царемъ благочестивымъ. «Государь! говоритъ онъ: надѣйся на Бога и на храбрость своихъ подданныхъ, храбрость, кошорая опличаетъ ихъ опъ всѣхъ иныхъ народовъ. Спрашно разяшь мечи Россійскіе; пверда, подобно камню, грудь сыновъ пвоихъ — побѣда будешь всегда вѣрною ихъ подругою.» — Такъ говорилъ Бояринъ; думалъ о благѣ опечества — и шосковалъ о своей дочери.

Въ поту, въ пыли прискакалъ вѣспникъ— Царь встрѣчаетъ его на половинѣ крыльца, и дрожащею рукою развертываетъ письмо военачальниковъ... Первое слово есть *побѣда!*— *Побѣда!* восклицаетъ онъ въ радости—*побѣда!* восклицаютъ Бояре — *побѣда!* народъ повшоряетъ — и во всемъ царшвенномъ градѣ раздавался одинъ голосъ: *побѣда!* и во всѣхъ сердцахъ было одно чувство: *радость!*

Начальники доносили Государю обо всемъ съ величайшею подробностію. Сраженіе было са-

мое жестокое. Уже первый рядъ Русскаго воинства, шѣснимый безчисленнымъ множествомъ Липовцевъ, начиналъ колебаться, и хотѣлъ уступить врагу сильнѣйшему; но вдругъ какъ громъ загремѣлъ голосъ: *умремъ или побѣдимъ!* и въ то же мгновеніе опъ рядовъ Россійскихъ отдѣлился молодой воинъ, и съ мечемъ въ рукѣ бросился на непріятелей; за нимъ бросились и другіе; все воинство двинулось, и восклицая: *умремъ или побѣдимъ!* устремилось какъ буря на Липовцевъ, кошорые, не взирая на великое число свое, скоро побѣжали и разсѣялись. «Мы не можемъ, писали начальники, восхвалить по достоинству шого юнаго война, которому принадежитъ вся честь побѣды, и кошорой гналъ, разилъ непріятелей, и собственною рукою плѣнилъ ихъ предводителя. Повсюду слѣдовалъ за нимъ братъ его, прекрасной опрокъ, и закрывалъ его щипомъ своимъ. Онъ не хочетъ объявить имени своего никому, кромѣ себя Государя.— Побѣжденные Липовцы спѣшашъ изъ предѣловъ Россіи, и скоро воинство швое возвратишся со славою во градъ Москву. Мы сами представимъ Царю непобѣдимаго юношу, спасителя опечества, и достойнаго всей швоей милости.» —

Царь съ неперпѣніемъ ожидалъ своихъ героевъ, и выѣхалъ встрѣпить ихъ въ поле, вмѣстѣ съ Бояриномъ Машвѣемъ и съ другими чиновниками. Въ Москвѣ никого не оспалось; слабые шарцы, забывъ слабость, спѣшили за городъ

на вспірѣчу къ своимъ дѣшамъ; супруги и матери, неся младенцевъ или ведя ихъ за руки, спѣшили туда же. Первый рядъ воинства показался, — второй и третій; разноцвѣтныя знамена вѣяли надъ оными: воины шли съ обнаженными мечами, ровнымъ шагомъ; назади ѣхали конные — впереди начальники, подъ свѣію профеевъ. Увидѣли Государя, и восклицанія: *побѣда и здравіе Царю Россійскому!* загремѣли въ воздухъ. Воеводы упали передъ нимъ на колѣна. Онъ поднялъ ихъ и сказалъ съ улыбкою милоспи: *благодарю васъ именемъ отечества.* — «Государь! ошвѣчали они: мы спарались исполнить *должностъ* свою! Но Богъ даровалъ намъ побѣду рукою сего юнаго воина.» — Тутъ юный воинъ, сполвшій подлѣ ихъ съ пошупленнымъ взоромъ, преклонилъ колѣно. *Кто ты, храбрый юноша?* спросилъ Государь, проснирая къ нему правую руку свою: *имя твое должно быть славно въ предѣлахъ Русскаго царства.* — «Государь! ошвѣчалъ юноша: сынъ осужденнаго Боярина Любославскаго, скончавшаго дни свои въ спранѣ иновѣрныхъ, приноспѣ тебѣ свою голову.» — Царь поднялъ глаза на небо. «Благодарю Тебя, Боже! (сказалъ онъ) чію Ты посылаешь мнѣ случай хопя ошчаспи загладишъ неправосудіе и злобу людей, и за спраданіе невиннаго ошца наградишъ достойнаго сына! Такъ, храбрый юноша! невинностъ родинеля твоего ошкрылась—къ нещаспію, поздно! Увы! я былъ тогда незрѣлымъ опрокомъ, и Бояринъ Машвѣй

еще не имѣлъ мѣста въ совѣтъ моемъ. Злые Бояре оклеветали Любославскаго; одинъ изъ нихъ, кончая недавно жизнь свою, признался въ несправедливости доносовъ, по копорымъ осудили невиннаго. Видишь слезы мои. — Будь же другомъ Царя своего, первымъ по Бояринъ Машвѣтъ!» — «И шакъ памяшь ошца моего, сказалъ Алексѣй, чиста ошъ поношенія!.. Но я — я виненъ передъ тобою, Государь великій! я увезъ дочь Боярина Машвѣтъ изъ родительскаго дому!» — Царь удивился. *Гдѣ-жъ она?* спросилъ онъ съ нешерпѣніемъ — — Но Бояринъ уже нашелъ дочь свою: прекрасная Нашалья, въ одеждѣ воина, бросилась въ его объятія; шишакъ спалъ съ головы ея, и русые волосы по плечамъ разсыпались. Изумленный, восхищенный родитель не смѣлъ вѣришь сему явленію; но сердце чувствительнаго сшарца сильнымъ препенетомъ своимъ увѣряло его, что милая нашлася. Едва могъ онъ перенести радость свою, и упалъ бы на землю, есшлы бы другіе Бояре не поддержали его. Долго не говорилъ онъ ни слова, опустивъ голову на плечо Нашальѣ; наконецъ назвалъ ее именемъ, какъ будто бы желая видѣшь, опкликнешя ли она — назвалъ ее своею милою, прекрасною, — и при каждомъ ласковомъ словѣ сіялъ новой лучъ радости на лицѣ его, которое шакъ долго было печальнымъ! Казалось, будто языкъ его учился произноситъ давно забышья имена: шполь медленно онъ ихъ выговаривалъ! и повшорялъ шполь часто! Нашалья

цѣловала его руки. Ты меня такъ же любишь! говорила она — такъ же любишь! и теплые ручки слезъ договаривали за нее прочее. Все воинство пребывало въ тишинѣ и въ молчаніи. Государь былъ пронутъ сердечно, взялъ Алексѣя за руки и подвелъ его къ Боярину. Вотъ, сказала Нашалья — вотъ супругъ мой! прости его, родитель мой, и люби такъ, какъ меня любишь! Бояринъ Машвѣй поднялъ голову, посмотрѣлъ на Алексѣя и подалъ ему дрожащую руку свою. Молодой человекъ хотѣлъ броситься передъ нимъ на колѣни; но старецъ прижалъ его къ своему сердцу вмѣстѣ съ милою дочерью....

Царь. Они достойны другъ друга, и будущъ швоимъ утѣшеніемъ въ старости.

«Она дочь моя (сказалъ Бояринъ Машвѣй прерывающимъ голосомъ) — онъ сынъ мой — Господи! дай мнѣ умереть въ ихъ объятіяхъ!»

Старецъ снова прижалъ ихъ къ своему сердцу.

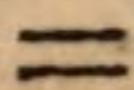
=

Чишпатель вообразилъ себѣ все послѣдующее. — Старушку няню привезли въ городъ: Бояринъ Машвѣй просилъ ее; и призвавъ къ себѣ того Священника, которой вѣнчалъ Алексѣя и Нашалью, хотѣлъ, чтобы онъ снова благословилъ ихъ въ его присутствіи. Супруги жили щастливо и пользовались особенною

Царскою милоспїю. Алексѣй оказалъ важныя услуги отечеству и Государю, услуги, о которыхъ упоминается въ разныхъ историческихъ рукописяхъ. Благодѣтельной Бояринѣ Машвѣй дожилъ до самой глубокой старости, и веселился своею дочерью, своимъ зятемъ и прекрасными дѣтьми ихъ. Смерть явилась ему въ видѣ юнѣйшаго и любезнѣйшаго внука его; онъ хотѣлъ обнять милаго опрока — и скончался. — Больше я ничего не слыхалъ отъ бабушки моего дѣдушки; но за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, прогуливаясь осенью по берегу Москвы рѣки, близъ темной сосновой рощи, нашелъ надгробной камень, заросшій зеленымъ мохомъ и разломленный рукою времени — съ великимъ трудомъ могъ я прочесть на немъ слѣдующую надпись: *здѣсь погребенъ Алексѣй Любославской съ своею супругою*. Старые люди сказывали мнѣ, что на семъ мѣстѣ была нѣкогда церковь—вѣроятно, самая та, гдѣ вѣнчались наши любовники, и гдѣ они захошѣли лежать и по смерти своей.

г. 1792.

СИЕРРА-МОРЕНА.

Въ цвѣтущей Андалузїи — тамъ, гдѣ шумящъ гордыя пальмы, гдѣ благоухающъ мирровыя рощи, гдѣ величественный Гвадалквивиръ капающъ медленно свои воды, гдѣ возвышается розмариномъ увѣнчанная Сіерра-Морена * — тамъ увидѣлъ я Прекрасную, когда она въ уныніи, въ горести, стояла подлѣ Алонзова памятника, опершись на него лилейною рукою своею; лучъ упрежняго солнца позлащалъ бѣлую урну, и возвышалъ прогашельныя прелести нѣжной Эльвиры; ея русые волосы, разсыпаясь по плечамъ, падали на черный мраморъ.

Эльвира любила юнаго Алонза: Алонзо любилъ Эльвиру, и скоро надѣялся быть супругомъ ея; но корабль, на кошоромъ плылъ онъ изъ Маіорки (гдѣ жилъ отецъ его), погибъ въ волнахъ моря. Сія ужасная вѣсть сразила Эльвиру. Жизнь ея была въ опасности... Наконецъ опчааніе превратилось въ тихую скорбь и томность. Она соорудила мраморный памятникъ любимцу души своей, и каждый день орошала его жаркими слезами.

* То есть, *Черная гора*.

Я смѣшалъ слезы мои съ ея слезами. Она увидѣла въ глазахъ моихъ изображеніе своей горести, въ чувствахъ сердца моего узнала собственныя свои чувства, и назвала меня другомъ. Другомъ!... Какъ сладостно было имя сіе въ устахъ любезной! — Я въ первый разъ поцѣловалъ тогда руку ея.

Эльвира говорила мнѣ о своемъ незабвенномъ Алонзѣ; описывала красоту души его, свою любовь, свои воспоминанія, свое блаженство; потомъ опечаленіе, тоску, горестъ, и наконецъ — утѣшеніе, отраду, находимую сердцемъ ея въ миломъ дружествѣ. Тупъ взоръ Эльвириный блисталъ свѣтлѣе; розы на лицѣ ея оживлялись и пылали; рука ея съ горячностью пожимала мою руку.

Увы! въ груди моей свирѣпствовало пламя любви: сердце мое сгарало отъ чувствъ своихъ; кровь кипѣла — и мнѣ надлежало тайно спросить свою!

Я тайно; тайно долго. Языкъ мой не дерзалъ именовать того, что пылала въ себѣ душа моя: ибо Эльвира клялась не любить никого, кромѣ своего Алонза; клялась не любить въ другой разъ. Ужасная клятва! Она заграждала уста мои.

Мы были неразлучны; гуляли вмѣстѣ на зеленыхъ берегахъ величественнаго Гвадалквивира; сидѣли надъ журчащими его водами, подлѣ горестнаго Алонзова памятника, въ тишинѣ и безмолвіи; одни сердца наши говорили. Взоръ Эльвириный, встрѣчаясь съ моимъ,

опускался къ землѣ или обращался на небо. Два вздоха вылетали, соединялись, и мѣшаясь съ зефиромъ, исчезали въ пространствахъ воздуха. Жаръ дружескихъ моихъ объятій возбуждалъ иногда шепетъ въ нѣжной Эльвириной груди — быстрый огонь разливался по лицу прекрасной — я чувствовалъ скорое бѣненіе пульса ея — чувствовалъ, какъ она хотѣла успокоиться, хотѣла удержатъ стремленіе крови своей, хотѣла говорить.... но слова на устахъ замирали. — Я мучился и наслаждался.

Часто темная ночь заспигала насъ въ отдаленномъ уединеніи. Звучное эхо повсюду шумъ водопадовъ, который раздавался между высокихъ утесовъ Сіерры-Морены, въ ея глубокихъ расщелинахъ и долинахъ. Сильные вѣтры волновали и крушили воздухъ; багряныя молніи вились на черномъ небѣ, или блѣдная луна надъ сѣдыми облаками восходила. — Эльвира любила ужасы Напуры: они возвеличивали, восхищали, питали ея душу.

Я былъ съ нею!... и радовался сгущенію ночныхъ мраковъ. Они сближали сердца наши; они скрывали Эльвиру отъ всей Природы — и я тѣмъ живѣе, тѣмъ нераздѣльнѣе наслаждался ея присутствіемъ.

Ахъ! можно сражаться съ сердцемъ, долго и упорно; но кто побѣдитъ его? — Бурное стремленіе яростныхъ водъ разрываетъ всѣ оплоты, и каменные горы распадаются отъ

силы огненнаго вещества, въ ихъ нѣдрахъ заключеннаго.

Сила чувствъ моихъ все преодолѣла, и долго-таймая страсть излилась въ нѣжномъ признаніи!

Я стоялъ на колѣняхъ, и слезы мои текли рѣкою. Эльвира блѣднѣла — и снова уподоблялась розѣ. Знаки страха, сомнѣнія, скорби, нѣжной томности, мѣнялись на лицѣ ея!...

Она подала мнѣ руку, съ умильнымъ взоромъ. — «Жестокой!» сказала Эльвира — но сладкой голосъ ея смягчилъ всю жестокость сего упрека — «жестокой! ты не доволенъ крошечными чувствами дружбы; ты принуждаешь меня нарушить обѣтъ священный и торжественный!... Пусть же громы небесные поразятъ клятвопреступницу!... Я люблю тебя!»... Огненные поцѣлуи мои запечатали уста ея.

Боже мой!... Сія минуша была щастливѣйшею моею жизни!

Эльвира пошла къ Алонзову памятнику, спала передъ нимъ на колѣни, и обнимая бѣлую урну, сказала прогашельнымъ голосомъ: «Тыя любезнаго Алонза! простишь ли свою Эльвиру?.... Я клялась вѣчно любить тебя, и вѣчно любить не престану; образъ твой сохранился въ моемъ сердцѣ; всякой день буду украшать цвѣтами твой памятникъ; слезы мои будутъ всегда мѣшаться съ утреннею и вечернею росой на семъ хладномъ мраморѣ! — Но я клялась еще не любить никого, кромѣ

тебя... и люблю!... Увы? я надѣялась на сердце свое, и поздно увидѣла опасность. Она посковало — было одно въ пространномъ мірѣ — искало утѣшенія — дружба явилась ему въ вѣнцѣ невинности и добродѣтели.... Ахъ!... любезная тѣнь! простишь ли свою Эльвиру?»

Любовь моя была краснорѣчива: я успокоилъ милую, и всѣ облака исчезли въ Ангельскихъ очахъ ея.

Эльвира назначила день для нашего вѣчнаго соединенія, предалась нѣжнымъ чувствамъ своимъ, и я наслаждался небомъ! — Но громъ собирался надъ нами... Рука моя препенетъ!

Все радовалось въ Эльвириномъ замкѣ; все готовилось къ брачному торжеству. Ея родственники любили меня — Андалузія должна была быть въ пору моему опеченю!

Уже розы и лиліи на олшарѣ благоухали, и я приблизился къ оному съ прелестною Эльвирою, съ воспоргомъ въ душѣ, съ сладкимъ шепетомъ въ сердцѣ; уже священникъ готовился утвердить союзъ нашъ своимъ благословеніемъ — какъ вдругъ явился незнакомецъ, въ черной одеждѣ, съ блѣднымъ лицомъ, съ мрачнымъ видомъ; кинжалъ блисталъ въ рукѣ его. «Вѣроломная?» сказалъ онъ Эльвирѣ: ты «клялась быть вѣчно моею, и забыла свою клятву! Я клялся любить тебя до гроба: «умираю... и люблю!»... Уже кровь лилась изъ его сердца; онъ вонзилъ кинжалъ въ грудь свою, и палъ мертвый на помостъ храма.

Эльвира, какъ громомъ пораженная, въ из-

ступленіи, въ ужасъ воскликнула: «Алонзо! Алонзо!».... и лишилась памяти. — Всѣ сподвинулись неподвижно. Внезапность страшнаго явленія изумила присутствующихъ.

Сей блѣдный незнакомецъ, сей грозный самоубійца, былъ Алонзо. Корабль, на копоромъ онъ плылъ изъ Маіорки, погибъ; но Алжирцы извлекли юношу изъ волнъ, чптобы оковать его цѣпями тяжелой неволи. Черезъ годъ онъ получилъ свободу—лелѣлъ къ предмету любви своей — услышалъ о замужествѣ Эльвириномъ, и рѣшился наказать ее.... своею смертію.

Я вынесъ Эльвиру изъ храма. Она пришла въ себя — но пламя любви навѣкъ угасло въ очахъ и сердцѣ ея.

«Небо страшно наказало клятвопреступницу.» сказала мнѣ Эльвира: «я убійца Алонзова! Кровь его палила меня. Удались отъ несчастной! Земля расступилась между нами, и тщетно будешь просиращь ко мнѣ руки свои! Бездна раздѣлила насъ навѣки. Можешь только взорами своими расправлять неизлечимую рану моего сердца. Удались отъ несчастной!»

Моя горестъ, мое опчаяніе не могли пронуть ее—Эльвира погребла несчастнаго Алонза на томъ мѣстѣ, гдѣ оплакивала нѣкогда мнимую смерть его, и заключилась въ спрочайшемъ изъ женскихъ монастырей. Увы! она не хотѣла проститься со мною!... не хотѣла, чптобы я въ послѣдній разъ обнялъ ее со всею

горячностію любви и видѣлъ въ глазахъ ея
хотя одно сожалѣніе о моей участи!

Я былъ въ изступленіи — искалъ въ себѣ
чувствительнаго сердца; но сердце подобно
камню лежало въ груди моей — искалъ слезъ,
и не находилъ ихъ — мершвое, страшное уе-
диненіе окружало меня.

День и ночь слились для глазъ моихъ въ
вѣчный сумракъ. Долго не зналъ я ни сна, ни
оподохновенія; скипался по шѣмъ мѣстамъ,
гдѣ бывалъ вмѣстѣ — съ жестокою и неща-
сною; хотѣлъ найши слѣды, осшашки, ча-
сти моей Эльвиры, напечатлѣнія души ея....
но хладъ и шѣма вездѣ меня встрѣчали!

Иногда приближался я къ уединеннымъ сшѣ-
намъ шого монастыря, гдѣ заключилась не-
умолимая Эльвира: — шамъ грозныя башни
возвышались, желѣзные запоры на врашахъ
чернѣлись, вѣчное безмолвіе обшало, и какой-
шо унылой голосъ вѣщаль мнѣ: «для тебя уже
нѣтъ Эльвиры!»

Наконецъ я удалился опѣ Сіерры-Морены —
осшавилъ Андалузію, Гишпанію, Европу — ви-
дѣлъ печальные осшашки древней Пальмиры,
нѣкогда славной и великолѣпной — и шамъ,
опершись на развалины, внималъ глубокой,
краснорѣчивой шшинѣ, царспвующей въ семъ
запустѣніи, и одними громами прерываемой.
Тамъ, въ обѣяшїяхъ меланхолїи, сердце мое
размягчилось — шамъ слеза моя оросило сухое
шлѣніе — шамъ, помышляя о жизни и смер-
ти народовъ, живо восчувспвовалъ я суешу

всего подлуннаго, и сказалъ самому себѣ: «Что есть жизнь человѣческая? что бышіе наше? Одинъ мигъ, и все исчезнешъ! Улыбка щаспія и слезы бѣдствія покроются единою горстію черной земли!» — Сіи мысли чудеснымъ образомъ успокоили мою душу.

Я возвратился въ Европу, и былъ нѣкошорое время игралищемъ злобы людей, нѣкогда мною любимыхъ; хошѣлъ еще видѣть Андалузію, Сіерру-Морену, и узналъ, что Эльвира переселилась уже въ обители небесныя; пролилъ слезы на ея могилѣ, и обшеръ ихъ навѣки.

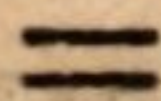
Хладный міръ! я тебя оставилъ! — Безумныя существа, человѣками именуемая! я васъ оставилъ! Свирѣпствуйте въ люпыхъ своихъ изспупленіяхъ, перзайте, умерщвляйте другъ друга! Сердце мое для васъ мертво, и судьба ваша его не трогаешъ.

Живу теперь въ спранѣ печальнаго сѣвера, гдѣ глаза мои въ первой разѣ озарились лучемъ солнечнымъ; гдѣ величественная Напура изъ нѣдръ безчувствія приняла меня въ свои объятія и включила въ сиспему эфемернаго бытія — живу въ уединеніи, и внимаю бурямъ.

Тихая ночь — вѣчный покой — святое безмолвіе! къ вамъ, къ вамъ проспираю мои объятія!

г. 1793.

ОСТРОВЪ БОРНГОЛЬМЪ.

Друзья! прошло красное лѣто; злая осень поблѣднѣла; зелень увяла; деревья стоятъ безъ плодовъ и безъ лисьевъ; шуманное небо волнуется какъ мрачное море; зимній пухъ сыплется на хладную землю — просшимся съ природою до радостнаго весенняго свиданія; укроемся опъ выюгъ и мяшелей — укроемся въ пихомъ кабинетъ своемъ! Время не должно шягошишь насъ; мы знаемъ лекарство опъ скуки. Друзья! дубъ и береза пылають въ каминѣ нашемъ — пусть свирѣпспвуетъ въ щерь, и засыпаютъ окна бѣлымъ снѣгомъ! Сядемъ вокругъ алаго огня, и будемъ рассказывать другъ другу сказки и повѣспи и всякія были.

Вы знаете, что я спранспвовалъ въ чужихъ земляхъ, далеко, далеко опъ моего опечества, далеко опъ васъ, любезныхъ моему сердцу; видѣлъ много чуднаго, слышалъ много удивительнаго; многое вамъ рассказывалъ, но не могъ рассказать всего, что случалось со мною. Слушайте — я повѣспвую — повѣспвую истину, не выдумку.

Англія была крайнимъ предѣломъ моего путешествія. Тамъ сказалъ я самому себѣ: «Опечество и друзья ожидаютъ тебя; время успокойсь въ ихъ объятіяхъ; время посвяпишь

«спранническій жезлъ швой сыну Маину *; «время повѣсипъ его на гуспѣйшую вѣшвѣ «шого дерева, подѣ копорымъ игралъ ты въ «юныхъ лѣшахъ своихъ» — сказалъ, и сѣлъ въ Лондонѣ на корабль *Британію*, чшобы плышъ къ любезнымъ спранамъ Россіи.

Быспро капились мы на бѣлыхъ парусахъ вдоль цвѣшущихъ береговъ величешвенной Темзы. Уже безпредѣльное море засинѣлось передъ нами; уже слышали мы шумъ его волненія — но вдругъ перемѣнился вѣшеръ, и корабль нашъ, въ ожиданіи благопріятнѣйшаго времени, долженъ былъ ошановишсья прошивъ мѣспечка Гревзенда.

Вмѣспѣ съ Капишаномъ вышелъ я на берегъ; гулялъ съ покойнымъ сердцемъ по зеленымъ лугамъ, украшеннымъ Природою и шрудолюбіемъ, — мѣспамъ рѣдкимъ и живописнымъ; наконецъ, ушомленный жаромъ солнечнымъ, легъ на шраву, подѣ сполѣшнимъ вязомъ, близъ морскаго берега, и смопрѣлъ на влажное просшранство, на пѣнисшыя валы, которые въ безчисленныхъ рядахъ изъ мрачной ошдаленности неслися къ ошрову съ глухимъ ревомъ. Сей унылой шумъ и видъ необозримыхъ водъ начинали склоняшъ меня къ той дремошѣ, къ шому сладосшному бездѣйствію души, въ копоромъ всѣ идеи и всѣ чувсшва ошанавливаются и цѣпенѣюшъ, подобно вдругъ

* Во время древности спранники, возвращаясь въ опече шво, посвящали жезлы свои Меркурію.

замерзающимъ ключевымъ струямъ, и которое есть самой разительнѣйшій и самой пѣщической образъ смерти; но вдругъ въпви попрысались надъ моею головою... Я взглянулъ и увидѣлъ—молодаго человека, худого, блѣднаго, шомнаго — болѣе привидѣніе, нежели человека. Въ одной рукѣ держалъ онъ гитару, другою срывалъ онъ листочки съ дерева, и смотрѣлъ на синее море неподвижными черными глазами своими, въ копорыхъ сіялъ послѣдній лучъ угасающей жизни. Взоръ мой не могъ встрѣшиться съ его взоромъ; чувствва его были мершвы для внѣшнихъ предметовъ; онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ меня, но не видалъ ничего, не слыхалъ ничего. — Несчастной молодой человекъ! думалъ я: ты убийтъ рокомъ. Не знаю ни имени, ни рода твоего; но знаю, что ты несчастливъ!

Онъ вздохнулъ; поднялъ глаза къ небу, опустилъ ихъ опять на волны морскія — ошшелъ отъ дерева, сѣлъ на траву, заигралъ на своей гитарѣ печальную прелюдію, смотря безпрестанно на море, и запѣлъ шихимъ голосомъ, слѣдующую пѣсню (на Датскомъ языкѣ, копорому училъ меня въ Женевѣ пріятель мой Докторъ N. N.):

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кшо, о сердце! можешь
Пропившись тебѣ?

Какой законъ святѣе
Твоихъ врожденныхъ чувствъ?

Какая власть сильнѣе
Любви и красоты?

Люблю, — любить ввѣкъ буду.
Клянните спрасъ мою,
Безжалостныя души,
Жестокія сердца!

Священная Природа!
Твой нѣжный другъ и сынъ
Невиненъ предъ тобою.
Ты сердце мнѣ дала;

Твои дары благіе
Украсили ее —
Природа! ты хотѣла,
Чтобъ Лилу я любилъ!

Твой громъ гремѣлъ надъ нами,
Но насъ не поражалъ,
Когда мы наслаждались
Въ объятіяхъ любви. —

О Боргольмъ, милый Боргольмъ!
Къ тебѣ душа моя
Стремится безпрестанно;
Но тщетно слезы лью,

Томлюся и вздыхаю!
Навѣкъ я удаленъ
Родительскою кляпвой
Отъ береговъ твоихъ!

Еще ли ты, о Лила!
Живешь въ шокѣ своей?

Или въ волнахъ шумящихъ
Скончала злую жизньъ?

Явися мнѣ, явися,
Любезнѣйшая пѣнь!
Я самъ въ волнахъ шумящихъ
Съ тобою погребусь.

Тупѣ по невольному внутреннему движенію, хопѣлъ я бросишься къ незнакомцу и прижашь его къ сердцу своему; но Капишанъ мой въ самую сію минушу взялъ меня за руку, и сказалъ, что благопріятный въперъ развѣваетъ наши парусы, и что намъ не должно перяшь времени. — Мы поплыли. Молодой человѣкъ, бросивъ гишару и сложивъ руки, смопрѣлъ въ слѣдъ за нами, — смопрѣлъ на синее море.

Волны пѣнились подѣ рулемъ корабля нашего; берегъ Гревзендской скрылся въ опдаленіи; сѣверныя провинціи Англіи чернѣлись на другомъ краю горизонша — наконецъ все исчезло, и пшицы, кошорыя долго вились надѣ нами, полешѣли назадъ къ берегу, какъ будпо бы устращенныя необозримостію моря. Волненіе шумныхъ водъ и шуманное небо остались единспвеннымъ предметомъ глазъ нашихъ, предметомъ величеспвеннымъ и спрашнымъ. — Друзья мои! чшобы живо чувспво-вашъ всю дерзоспъ человѣческаго духа, надобно бышь на опкрышомъ морѣ, гдѣ одна тонкая дощечка, какъ говоришь Виландъ, отдѣляетъ насъ отъ влажной смерти; но гдѣ искус-

ный пловецъ, распуская парусы, лешишь, и въ мысляхъ своихъ видишь уже блескъ золота, кошорымъ въ другой части міра наградишься смѣлая его предпріимчивость. *Nil mortali-
bus arduum est* — нѣтъ для смертныхъ невозможнаго, думалъ я съ Гораціемъ, теряясь взоромъ въ безконечности Нептунова царства.

Но скоро жестокой припадокъ морской болѣзни лишилъ меня чувства. Шестъ дней глаза мои не открывались, и томное сердце, орошаемое пѣною бурныхъ волнъ *, едва билось въ груди моей. Въ седьмой день я ожилъ, и хоша съ блѣднымъ, но радостнымъ лицомъ вышелъ на палубу. Солнце по чистому лазоревому своду капилось уже къ западу; море, освѣщаемое злыми его лучами, шумѣло; корабль лешѣлъ на всѣхъ парусахъ по грудамъ разсѣкаемыхъ валовъ, копорые тщетно силились опередить его. Вокругъ насъ, въ разномъ отдаленіи, развѣвались бѣлые, голубые и розовые флаги; а на правой сторонѣ чернѣлось нѣчто подобное землѣ.

Гдѣ мы? спросилъ я у Капитана. «Плаваніе наше благополучно, сказалъ онъ: мы прошли Зундъ; берега Швеціи скрылись отъ глазъ нашихъ. На правой сторонѣ видите вы Датской островъ Борнгольмъ, мѣсто опасное для кораблей; тамъ мели и камни шаятся на днѣ морскомъ. Когда наступитъ ночь, мы бросимъ якорь.»

* Въ самомъ дѣлѣ пѣна волнъ часто орошала меня, лежащаго почти безъ памяти на палубѣ.

Островъ Борнгольмъ, островъ Борнгольмъ! повспорилъ я въ мысляхъ, и образъ молодого Гревзендскаго незнакомца оживился въ душѣ моей. Печальные звуки и слова пѣсни его опозвались въ моемъ слухъ. «Они заключающъ въ себѣ тайну сердца его, думалъ я: но кто онъ? Какіе законы осуждающъ любовь несчастнаго? Какая клятва удалила его отъ береговъ Борнгольма, споль ему милаго? Узнаю ли когда нибудь его испорію?»

Между тѣмъ сильной вѣперъ несъ насъ прямо къ острову. Уже открылись грозныя скалы его, откуда съ шумомъ и пѣною свергались кипящіе ручьи во глубину морскую. Онъ казался со всѣхъ споронъ неприспуннымъ, со всѣхъ споронъ огражденнымъ рукою величественной Натуры; ничего, кромѣ спрашнаго, не представлялось на сѣдыхъ утесахъ. Съ ужасомъ видѣлъ я тамъ образъ хладной, безмолвной вѣчносши, образъ неумолимой смерти, и того неописаннаго Творческаго могущества, передъ которымъ все смерпное прспешать должно.

Солнце погрузилось въ волны — и мы бросили якорь. Вѣперъ утпхъ, и море едва, едва колебалось. Я смопрѣлъ на островъ, копорой неизъяснимою силою влекъ меня къ берегамъ своимъ; темное предчувствіе говорило мнѣ: «тамъ можешь удовлетворишь своему любопытству, и Борнгольмъ останетса на вѣки въ твоей памяти!» — Наконецъ, узнавъ, что не далеко отъ берега есть рыбацьи хижины, рѣшился я просить у Капитана шлюпки и ѣхать

на островъ съ двумя или тремя маэрозами. Онъ говорилъ объ опасности, о подводныхъ камняхъ; но видя непреклонность своего пассажира, согласился исполнить мое требованіе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы я на другой день рано по утру на корабль возвратился.

Мы поплыли, и благополучно пристали къ берегу, въ небольшомъ тихомъ заливѣ. Тутъ встрѣтили насъ рыбаки, люди грубые и дикіе, выросшіе на холодной снѣжнѣ, подъ шумомъ валовъ морскихъ, и незнакомые съ улыбкою дружелюбнаго привѣтствія; впрочемъ не хищные и не злые люди. Услышавъ, что мы желаемъ посматрѣть острова и почевать въ ихъ хижинахъ, они привязали нашу лодку, и повели насъ, сквозь распавшуюся кремнистую гору, къ своимъ жилищамъ. Черезъ полчаса вышли мы на просторную, зеленую равнину, гдѣ, подобно какъ на долинахъ Альпійскихъ, разсыяны были низенькіе деревянные домики, рощицы и громады камней. Тутъ оставилъ я своихъ маэрозовъ, а самъ пошелъ далѣе, чтобы насладиться еще нѣсколько времени пріятностями вечера; мальчикъ, лѣтъ тринадцати, былъ проводникомъ моимъ.

Алая заря не угасла еще на свѣпломъ небѣ; розовой свѣтъ ея сыпался на бѣлыя гранишы, и вдали, за высокимъ холмомъ, освѣщаль острѣя башни древняго замка. Мальчикъ не могъ сказать мнѣ, кому принадлежалъ сей замокъ. «Мы туда не ходимъ, говорилъ онъ, — и Богъ знаетъ, что тамъ дѣлается!» — Я

удвоилъ шаги свои, и скоро приблизился къ большому гошическому зданію, окруженному глубокимъ рвомъ и высокою стѣною. Вездѣ царшвовала тишина; вдали шумѣло море; послѣдній лучъ вечерняго свѣта угасалъ на мѣдныхъ пищахъ башенъ.

Я обошелъ вокругъ замка — вороша были запершы, мосты подняты. Проводникъ мой боялся, самъ не зная чего, и просилъ меня ийти назадъ къ хижинамъ; но могъ ли любопытный человекъ уважить такую прозъбу?

Наступила ночь, и вдругъ раздался голосъ — эхо повторило его, и опять все умолкло. Мальчикъ опять спрахъ схватилъ меня обѣими руками, и дрожалъ, какъ пресшупникъ въ часъ казни. Черезъ минушю снова раздался голосъ — спрашивали: *кто тамъ?* Чужеземецъ, сказалъ я, приведенный любопытствомъ на сей островъ; и ешлы госшпріимство почиашся добродѣтелію въ стѣнахъ вашего замка, то вы укроете спранника на шемное время ночи. — Ошвѣта не было; но черезъ нѣскольکو минушъ загремѣлъ и опустился съ верху башни подъемной мостъ: съ шумомъ опшворились вороша — высокой человекъ, въ длинномъ черномъ плашѣ, вспрѣшилъ меня, взялъ за руку и повелъ въ замокъ. Я оборотился назадъ: но мальчикъ, провожащій мой, скрылся.

Вороша хлопнули за нами; мостъ загремѣлъ и поднялся. Черезъ обширной дворъ, заросш-

шіи кустарникомъ, крапивою и полынью, пришли мы къ огромному дому, въ которомъ свѣтился огонь. Высокой периспиль въ древнемъ вкусѣ велъ къ желѣзному крыльцу, котораго ступени звучали подъ ногами нашими. Вездѣ было мрачно и пусто. Въ первой залѣ, окруженной внутри готическою колонадою, висѣла лампада, и едва, едва изливала блѣдный свѣтъ на ряды позлащенныхъ столповъ, которые опѣ древности начинали разрушаться; въ одномъ мѣстѣ лежали части карниза, въ другомъ ошломки пиласпровъ, въ шрешемъ цѣлыя упавшія колонны. Путеводитель мой нѣсколько разъ взглядывалъ на меня проникательными глазами, но не говорилъ ни слова.

Все сіе сдѣлало въ сердцѣ моемъ странное впечатлѣніе, смѣшенное опчаспи съ ужасомъ, опчаспи съ тайнымъ неизъяснимымъ удовольствіемъ, или лучше сказать, съ пріятнымъ ожиданіемъ чего-то чрезвычайнаго.

Мы прошли еще черезъ двѣ или три залы, подобныя первой, и освѣщенныя такими же лампадами. Пошомъ опворилась дверь на право — въ углу небольшой комнаты сидѣлъ почтенной сѣдовласой спарецъ, облокопившись на столъ, гдѣ горѣли двѣ бѣлыя восковыя свѣчи. Онъ поднялъ голову, взглянулъ на меня съ какою-то печальною ласкою, подалъ мнѣ слабую свою руку, и сказалъ тихимъ пріятнымъ голосомъ: «Хотя вѣчная горестъ обитаетъ въ спѣнахъ здѣшняго замка, но спранникъ, перебующій госпепріимства, всегда най-

дешъ въ немъ мирное пристанище. Чужеземецъ! я не знаю тебя; но ты человекъ — въ умирающемъ сердцѣ моемъ жива еще любовь къ людямъ — мой домъ, мои обѣщанія тебѣ опровергнуты.» — Онъ обнялъ, посадилъ меня, и стараясь развеселить мрачный видъ свой, уподоблялся хотя ясному, но хладному осеннему дню, копорой напоминаетъ болѣе горестную зиму, нежели радостное лѣто. Ему хотѣлось быть привѣтливымъ, — хотѣлось улыбкою вселить въ меня довѣренность и пріятныя чувства двухжелобія; но знаки сердечной печали, углубившіеся на лицѣ его, не могли исчезнуть въ одну минуту.

«Ты долженъ, молодой человекъ — сказалъ онъ — ты долженъ извѣстить меня о происшествіяхъ свѣта, мною оставленнаго, но еще не совсѣмъ забытаго. Давно живу я въ уединеніи; давно не слышу ничего о судьбѣ людей. Скажи мнѣ, царствуетъ ли любовь на земномъ шарѣ? Курятся ли еиміамъ на олтаряхъ добродѣтели? благоденствуютъ ли народы въ спорахъ, побою видѣнныхъ?» — Свѣтъ наукъ, освѣчалъ я, распространяется болѣе и болѣе; но еще струится на землѣ кровь человѣческая — лиются слезы несчастныхъ — хвалятъ имя добродѣтели, и спорятъ о существованіи ея. — Спарецъ вздохнулъ и пожалъ плечами.

Узнавъ, что я Россіянинъ, сказалъ онъ: «Мы исходимъ отъ одного народа съ вашимъ. Древніе жили острова Рюгена и Борн-

гольма были Славяне. Но вы прежде насъ оза-
рились свѣшомъ Хрисіанства. Уже велико-
лѣпные храмы, единому Богу посвященные,
возносились къ облакамъ въ странахъ вашихъ;
но мы, во мракъ идолопоклонства, приносили
крошавыя жершвы безчувственнымъ исшуканамъ.
Уже въ шержественныхъ гимнахъ сла-
вили вы великаго Творца вселенной; но мы,
ослѣпленные заблужденіемъ, хвалили въ не-
спройныхъ нѣснахъ идоловъ баснословія.» —
Сшарець говорилъ со мною объ испоріи съ-
верныхъ народовъ, о происшествіяхъ древно-
сти и новыхъ временъ; говорилъ шакъ, чшо
я долженъ былъ удивляться уму его, знані-
ямъ, и даже краснорѣчію.

Черезъ полчаса онъ вспалъ и пожелалъ мнѣ
доброй ночи. Слуга, въ черномъ плашѣ, взявъ
со стола одну свѣчу, повелъ меня черезъ длин-
ные узкіе переходы — и мы вошли въ боль-
шую комнашу, обвѣшенную древнимъ оружі-
емъ, мечами, копьями, лапами и шишаками.
Въ углу, подъ золошымъ балдахиномъ, спояла
высокая кровашъ, украшенная рѣзьбою и древ-
ними барельефами.

Мнѣ хотѣлось предложить множество во-
просовъ сему человѣку; но онъ, не дожидаясь
ихъ, поклонился и ушелъ; желѣзная дверь
хлопнула — звукъ спрашно раздался въ пу-
стыхъ спѣнахъ — и все утихло. Я легъ на
посшелю — смопрѣлъ на древнее оружіе, освѣ-
щаемое сквозь маленькое окно слабымъ лучемъ
мѣсяца—думалъ о своемъ хозяинѣ, о первыхъ

словахъ его: *здѣсь обитаетъ вѣчная горестъ*—мечпалъ о временахъ прошедшихъ, о шѣхъ приключеніяхъ, копорымъ сей древній замокъ бывалъ свидѣтелемъ — мечпалъ, подобно шакому человѣку, копорой между гробовъ и могилъ взираешъ на прахъ умершихъ, и оживляешъ его въ своемъ воображеніи. — Наконецъ образъ печальнаго Гревзендскаго незнакомца предспавился душѣ моей, и я заснулъ.

Но сонъ мой не былъ покоенъ. Мнѣ казалось, что всѣ лапы, висѣвшія на стѣнѣ, преврапились въ рыцарей; что сіи рыцари приближались ко мнѣ съ обнаженными мечами, и съ гнѣвнымъ лицомъ говорили: «Нещасной! какъ дерзнулъ ты приспавъ къ нашему острову? Развѣ не блѣднѣютъ плаващели при видѣ гранишныхъ береговъ его? Какъ дерзнулъ ты войши въ страшное свяшилище замка? Развѣ ужасъ его не гремишъ во всѣхъ окресшностяхъ? Развѣ странникъ не удаляется опѣ грозныхъ его башенъ? Дерзкой! умри за сіе пагубное любопытство!» — Мечи заспучали надо мною; удары сыпались на грудь мою — но вдругъ все скрылось — я пробудился, и черезъ минушу опяшъ заснулъ. Тутъ новая мечта возмушила духъ мой. Мнѣ казалось, что страшной громъ раздавался въ замокъ; желѣзныя двери спучали, окна шряслися, полъ колебался, и ужасное крыланое чудовище, котораго описавъ не умѣю, съ ревомъ и свистомъ летѣло къ моей постелѣ. Сновидѣніе исчезло; но я не могъ уже спавъ, чувствво-

валъ нужду въ свѣжѣмъ воздухѣ, приближился къ окну, увидѣлъ подлѣ него маленькую дверь, отворилъ ее, и по крутой лѣстницѣ сошелъ въ садъ.

Ночь была ясная; свѣтъ полной луны осребрялъ темную зелень на древнихъ дубахъ и вязахъ, которые составляли густую длинную аллею. Шумъ морскихъ волнъ соединялся съ шумомъ листвьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ. Вдали бѣлѣлись каменные горы, которыя, подобно зубчатой стѣнѣ, окружающъ островъ Борнгольмъ; между ими и стѣнами замка видѣнъ былъ съ одной стороны большой лѣсъ, а съ другой открытая равнина и маленькія рощицы.

Сердце все еще билось у меня отъ страшныхъ сновидѣній, и кровь моя не переспавала волноваться. Я вступилъ въ темную аллею, подъ кровъ шумящихъ дубовъ, и съ нѣкопрымъ благоговѣніемъ углублялся во мракъ ея. Мысль о Друидахъ возбудилась въ душѣ моей — и мнѣ казалось, что я приближаюсь къ тому священиществу, гдѣ хранятся всѣ таинства и всѣ ужасы ихъ богослуженія. Наконецъ сія длинная аллея привела меня къ розмариновымъ кустамъ, за которыми возвышался песчаной холмъ. Мнѣ хотѣлось взойти на вершину его, чтобы отсюда при свѣтѣ ясной луны взглянуть на картину моря и острова; но путь предсавился глазамъ моимъ отверстіе во внутренность холма: человекъ съ трудомъ могъ войти въ него. Непреодолимое любопытство вле-

кло меня въ сію пещеру, кошорая походила болѣе на дѣло рукъ человѣческихъ, нежели на произведеніе дикой Натуры. Я вошелъ — почувствовалъ сырость и холодъ, но рѣшился итти далѣе, и сдѣлавъ шаговъ десять впередъ, разсмотрѣлъ нѣсколько ступеней внизъ и широкую желѣзную дверь: она, къ моему удивленію, была не заперта. Какъ будто бы невольнымъ образомъ рука моя отворила ее — тушъ, за желѣзною рѣшеткою, на кошорой висѣлъ большой замокъ, горѣла лампада, привязанная ко своду; а въ углу, на соломенной постелѣ, лежала молодая, блѣдная женщина въ черномъ плащѣ. Она спала; русые волосы, съ кошорыми переплелись желтыя соломенки, закрывали высокую грудь ея, едва, едва дышащую; одна рука, бѣлая, но изсохшая, лежала на землѣ, а на другой покоилась голова спящей. Есѣли бы живописецъ хотѣлъ изобразить помную, безконечную, всегдашнюю скорбь, осыпанную маковыми цвѣтами Морфея: то сія женщина могла бы служиѣ прекраснымъ образцомъ для кисти его.

Друзья мои! кого не трогаетъ видъ несчастнаго? Но видъ молодой женщины, спрадающей въ подземной пещницѣ — видъ слабѣйшаго и любезнѣйшаго изъ всѣхъ существъ, угнетеннаго судьбою — могъ бы влиѣ чувство въ самой камень. Я смотрѣлъ на нее съ горестію, и думалъ самъ въ себѣ: «Какая варварская рука лишила тебя дневнаго свѣта? не уже ли за какое нибудь тяжкое преступ-

пление? Но милостивое лице твое, но тихое движение груди твоей, но собственное сердце мое уверяютъ меня въ твоей невинности!»

Въ самую сію минуту она проснулась — взглянула на рѣшетку — увидѣла меня — изумилась — подняла голову — всматривалась — приближилась, — опустила глаза въ землю, какъ будто бы собираясь съ мыслями — снова устремила ихъ на меня, хотѣла говорить, и — не начинала.

«Если чувствительность спящего — (сказалъ я черезъ нѣсколько минутъ молчанія) — рукою судьбы приведеннаго въ здѣшній замокъ и въ эту пещеру, можешь облегчить твою участь; если искреннее его состраданіе заслуживаетъ твою довѣренность: пребудь его помощи!» — Она смотрѣла на меня неподвижными глазами, въ которыхъ видно было удивленіе, нѣкоторое любопытство, нерѣшимость и сомнѣніе. Наконецъ, послѣ сильнаго внутренняго движенія, которое какъ будто бы электрическимъ ударомъ потрясло грудь ея, ошвѣчала твердымъ голосомъ: «Кто бы ты ни былъ; какимъ бы случаемъ ни зашелъ сюда — чужеземецъ! я не могу требовать отъ тебя ничего, кромѣ сожалѣнія. Не въ твоихъ силахъ перемѣнить долю мою. Я лобызая руку, которая меня наказываетъ.» — Но сердце твое невинно? сказалъ я: оно конечно не заслуживаетъ такого жестокаго наказанія?» — Сердце мое, ошвѣчала она, могло быть въ заблужденіи. Богъ простишь слабую.

Надѣюсь, что жизнь моя скоро кончится. Оставь меня, незнакомецъ!» — Тупъ приближилась она къ рѣшеткѣ, взглянула на меня съ ласкою, и тихимъ голосомъ повторила: «Ради Бога оставь меня!... Еслили онъ самъ послалъ тебя — тошъ, котораго страшное проклятіе гремитъ всегда въ моемъ слухѣ — скажи ему, что я спрадаю, спрадаю день и ночь; что сердце мое высохло отъ горести; что слезы не облегчаютъ уже тоски моей. Скажи, что я безъ ропота, безъ жалобъ сношу заключеніе; что я умру его нѣжною, несчастною» — Она вдругъ замолчала, задумалась, удалилась отъ рѣшетки, спала на колыни, и закрыла руками лице свое; черезъ минушу посмопрѣла на меня, снова опустила глаза въ землю, и сказала съ нѣжною робостію: «Ты, можетъ бышь, знаешь мою исторію; но еслили не знаешь, то не спрашивай меня — ради Бога не спрашивай!.... Чужеземецъ, прости!» — Я хотѣлъ итти, сказавъ ей нѣсколько словъ, излившихся прямо изъ души моей; но взоръ мой еще вспрѣшилъ съ ея взоромъ — и мнѣ показалось, что она хочетъ узнать отъ меня нѣчто важное для своего сердца. Я остановился, — ждалъ вопроса; но онъ, послѣ глубокаго вздоха, умеръ на блѣдныхъ устахъ ея. Мы распались.

Вышедши изъ пещеры, не хотѣлъ я зашворить желѣзной двери, чтобы свѣжій, чистый воздухъ сквозь рѣшетку проникъ въ темницу и облегчилъ дыханіе несчастной. Заря алѣла

*

на небѣ; пшички пробудились; въшерокъ свѣ-
валъ росу съ кустовъ и цвѣпочковъ, копорые
росли вокругъ песчанаго холма. — Боже мой!
думалъ я — Боже мой! какъ горестно бышь
исключеннымъ изъ общества живыхъ, воль-
ныхъ, радостныхъ шварей, копорыми вездѣ на-
селены необозримыя пространства Натуры!
Въ самомъ свѣрѣ, среды высокихъ мшистыхъ
скалъ, ужасныхъ для взора, швореніе руки
Твоей прекрасно, — швореніе руки Твоей вос-
хищаетъ духъ и сердце. И здѣсь, гдѣ пѣни-
стыя волны отъ начала міра сражающся съ
границными утесами, — и здѣсь десница Твоя
напечатлѣла живые знаки Творческой любви
и благости; и здѣсь въ часъ утра розы цвѣ-
шутъ на лазоревомъ небѣ; и здѣсь нѣжные
зефиры дышатъ ароматами; и здѣсь зеленые
ковры разстилающся какъ мягкой бархатъ
подъ ногами человека; и здѣсь поющъ пшички
— поющъ весело для веселаго, печально для
печальнаго, пріятно для всякаго; и здѣсь скор-
бящее сердце въ объятіяхъ чувствительной
Природы можетъ облегчиться отъ бремени
своихъ горестей! Но — бѣдная, заключенная
въ шемницѣ, не имѣетъ сего утѣшенія; роса
утренняя не окропляетъ ея томнаго сердца;
въшерокъ не освѣжаетъ исплѣвшей груди; лу-
чи солнечныя не озаряющъ помраченныхъ глазъ
ея; тихія бальзамическія изліянія луны не пи-
тающъ души ея крошкими сновидѣніями и прі-
ятными мечтами. Творецъ! почто даровалъ Ты
людямъ гибельную власъ дѣлашь несчастными

другъ друга и самихъ себя?——Силы мои ослабли и глаза закрылись, подъ выпьвями высокаго дуба, на мягкой зелени. Сонъ мой продолжался около двухъ часовъ.

«Дверь была опворена; чужеспранецъ входилъ въ пещеру» — вошъ чшо услышалъ я, проснувшись—открылъ глаза и увидѣлъ сшарца, хозяина своего; онъ сидѣлъ въ задумчивости на дерновой лавкѣ, шагахъ въ пяши отъ меня; подлѣ него споялъ шопъ человекъ, копорой ввелъ меня въ замокъ. Я подошелъ къ нимъ. Сшарикъ взглянулъ на меня съ нѣкоторою суровосшію; вспалъ, пожалъ мою руку — и видъ его сдѣлался ласковѣе. Мы вошли вмѣстѣ въ густую аллею, не говоря ни слова. Казалось, чшо онъ въ душѣ своей колебался, и былъ въ нерѣшимости; но вдругъ ошановился, и усшремивъ на меня проницательный, огненный взоръ, спросилъ швердымъ голосомъ: *ты видѣлъ ее?* — Видѣлъ, опвѣчалъ я, видѣлъ, не узнавъ, кто она, и за чшо спрадаешъ въ шемницѣ. — Узнаешъ, сказалъ онъ, узнаешъ, молодой человекъ, и сердце швое обольетсѣ кровію. Тогда спросишъ у самого себя: за чшо Небо изліяло всю чашу гнѣва Своего на сего слабаго, сѣдаго сшарца, сшарца, копорой любилъ добродѣтель; копорой чпилъ свяшые законы Его? — Мы сѣли подъ деревомъ, и сшарецъ разсказалъ мнѣ ужаснѣйшую испорію — испорію, копорой вы шеперь не услышите, друзья мои; она ошпаешся до другаго времени. На сей разъ скажу вамъ одно шо, чшо я узналъ

тайну Гревзендскаго незнакомца, — тайну страшную! —

Мапрозы дожидались меня у ворошъ замка. Мы возвратились на корабль, подняли парусы, и Борнгольмъ скрылся опъ глазъ нашихъ.

Море шумѣло. Въ горестной задумчивости стоялъ я на палубѣ, взявшись рукою за мачту. Вздохи тѣснили грудь мою—наконецъ я взглянулъ на небо, — и въперъ свѣялъ въ море слезу мою.

г. 1793.

МАРФА ПОСАДНИЦА,

или

ПОКОРЕНИЕ НОВАГОРОДА.

Историческая повѣсть.

=

Вотъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ Россійской Исторіи! говоритъ Издатель сей повѣсти. Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы опечесства присоединить область Новгородскую къ своей Державѣ: хвала ему! Однакожь сопротивленіе Новгородцевъ не есть бунтъ какихъ нибудь Якобинцевъ; они сражались за древніе свои успавы и права, данныя имъ опчаспи самими Великими Князьями: на примѣръ, Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ должно было предвидѣть, что сопротивленіе обратится въ гибель Новугороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ добровольной жертвы.

Въ нашихъ лѣтописяхъ мало подробностей сего великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщая здѣсь любителямъ Исторіи и — сказокъ, исправивъ только слогъ его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано однимъ изъ знапныхъ Новгородцевъ, переселенныхъ Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильеви-

чемъ въ другіе города. Всѣ главныя происшествія согласны съ Исторіею. И лѣтописи и старинныя пѣсни опдають справедливостъ великому уму Марѣы Борецкой, сей чудной женщины, копорая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма не ксшапи!) бытъ Капопомъ своей Республики.

Кажешся, что старинный Авторъ сей повѣсти даже и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Эпо дѣлаешъ честъ его справедливости, хотя при описаніи нѣкоторыхъ случаевъ кровь Новгородская явно играетъ въ немъ. Тайное побужденіе, данное имъ фанатизму Марѣы, доказываетъ, что онъ видѣлъ въ ней только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и не добродѣтельную женщину.

К Н И Г А П Е Р В А Я.

Раздался звукъ *Въчеваго* колокола, и вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ. Опцы семействъ вырываются изъ объятій супругъ и дѣтей, чшобы спѣшишь, куда зовешъ ихъ опечесшво. Недоумѣніе, любопытствво, спрахъ и надежда влекутъ гражданъ шумными толпами на великую площадь. Всѣ спрашивающъ: никто не опвѣпсшвуешъ.... Тамъ, прошивъ древняго дому Ярославова, уже собралися Посадники съ золошыми на груди медалями, Тысячскіе съ высокими жезлами, Бояре, Люди Жишые со знаменами и Спаросшы всѣхъ пѣши Концовъ Новгородскихъ * съ серебряными съкирами. Но еще не видно никого на мѣстѣ лобномъ или Вадимовомъ (гдѣ возвышался мраморный образъ сего Вишязя.) Народъ крикомъ своимъ заглушаешъ звонъ колокола, и пребуешъ опкрышія Вѣча. Іосифъ Дѣлинскій, именишый гражданинъ, бывшій семь разъ Степеннымъ Посадникомъ — и всякой разъ съ новыми услугами опечесшву, съ новою чеспію для своего имени — всходишь на желѣзныя спупени, опкрывашъ сѣдую, почщенную свою голову, смиренно кланяется народу и говоришь ему, чшо Князь Московскій прислалъ въ Великій Новгородъ своего Боярина, кошорый желашъ всенародно объявишь его шребованія.... По-

* Такъ назывались часши города: Конецъ *Неровскій*, *Гонгарскій*, *Славянскій*, *Загородскій* и *Плоттинскій*.

садникъ сходитъ—и Бояринъ Іоанновъ являе-
ся на Вадимовомъ мѣстѣ, съ видомъ гордымъ,
препоясанный мечемъ, и въ лапахъ. То былъ
Воевода, Князь Холмскій, мужъ благоразумный
и твердый — правая рука Іоаннова въ пред-
пріятіяхъ воинскихъ, око его въ дѣлахъ госу-
дарственныхъ — храбрый въ битвахъ, веле-
рѣчивый въ Совѣтѣ. Всѣ безмолвствуютъ.
Бояринъ хочетъ говорить... но юные, над-
менные Новгородцы восклицають: *смирись*
предъ великимъ народомъ! Онъ медлитъ — ты-
сячи голосовъ повсюду: *смирись предъ ве-*
ликимъ народомъ! Бояринъ снимаетъ шлемъ съ
головы своей — и шумъ умолкаетъ.

«Граждане Новгородскіе! вѣщаетъ онъ:
«Князь Московскій и всея Россіи говоритъ съ
«вами — внимайте!

«Народы дикіе любятъ независимость, на-
«роды мудрые любятъ порядокъ: а нѣтъ по-
«рядка безъ власпи самодержавной. Ваши пред-
«ки хотѣли править сами собою и были жерп-
«вою люпыхъ сосѣдовъ или еще люпѣйшихъ
«внутреннихъ междоусобій. Спарецъ добродѣ-
«тельный, стоя на прагѣ вѣчности, закли-
«налъ ихъ избрать Владѣтеля. Они повѣрили
«ему: ибо человекъ при дверяхъ гроба можетъ
«говорить только истину.

«Граждане Новгородскіе! въ спѣнахъ ва-
«шихъ родилось, утвердилось, прославилось
«самодержавіе земли Русской. Здѣсь великодуш-
«ный Рюрикъ шворилъ судъ и правду; на семъ
«мѣстѣ древніе Новгородцы лобызали ноги сво-

«его отца и Князя, который примирилъ вну-
«шренніе раздоры, успокоилъ и возвеличилъ
«городъ ихъ. На семь мѣсѣвъ они проклинали
«гибельную вольность и благословляли спаси-
«тельную власъ Единаго. Прежде ужасные
«только для самихъ себя и несчастные въ
«глазахъ сосѣдовъ, Новгородцы подъ держав-
«ною рукою Варяжскаго Героя сдѣлались ужа-
«сомъ и зависію другихъ народовъ; и когда
«Олегъ храбрый двинулся съ воинствомъ къ
«предѣламъ юга, все племена Славянскія поко-
«рялись ему съ радостію, и предки ваши, по-
«варищи его славы, едва вѣрили своему вели-
«чію.

«Олегъ, слѣдуя за теченіемъ Днѣпра, возлю-
«билъ красные берега его, и въ благословен-
«ной странѣ Кіевской основалъ столицу сво-
«его обширнаго государствѣ; но Великій Нов-
«городъ былъ всегда десницею Князей Вели-
«кихъ, когда они славили дѣлами имя Русское.
«Олегъ подъ щипомъ Новгородцевъ прибилъ
«щипъ свой къ врагамъ Цареградскимъ. Свя-
«пославъ съ дружиною Новгородскою разсе-
«ялъ какъ прахъ воинство Цимисхія, и внукъ
«Ольгинъ съ вашими предками былъ прозванъ
«Владѣтелемъ міра.

«Граждане Новгородскіе! не только воин-
«скою славою обязаны вы Государямъ Русскимъ:
«еслили глаза мои, обращаясь на все Концы
«вашего града, видяшъ повсюду злые кре-
«сты великолѣпныхъ храмовъ святой Вѣры;
«еслили шумъ Волхова напоминаетъ вамъ шепъ

«великій день, въ копорый знаки идолослуже-
«нія погибли съ шумомъ въ быспрыхъ волнахъ
«его: по вспомнише, что Владиміръ соорудилъ
«здѣсь первый храмъ истинному Богу; Влади-
«міръ низвергъ Перуна въ пучину Волхова!...
«Есѣли жизнь и собспвенность священны въ
«Новгородѣ, по скажише, чья рука оградила
«ихъ безопасностію?.... Здѣсь» — (указывая
на домъ Ярослава) — «здѣсь жилъ мудрый за-
«конодатель, благошворитель вашихъ пред-
«ковъ, Князь великодушный, другъ ихъ, ко-
«шораго называли они вшорымъ Рюрикомъ!...
«Помспво неблагодарное! внимай справедли-
«вымъ укоризнамъ!

«Новогордцы, бывъ всегда спаршими сынами
«Россіи, вдругъ опдѣлились опъ брапій сво-
«ихъ; бывъ вѣрными подданными Князей,
«нынѣ смѣются надъ ихъ власпію.... и въ
«какія времена? О спыдъ имени Русскаго! Род-
«спво и дружба познаются въ напасяхъ:
«любовь къ опечеспву также.... Богъ въ не-
«исповѣдимомъ совѣшѣ Своемъ положилъ нака-
«зашъ землю Русскую. Явились варвары безчи-
«сленные, пришельцы опъ спрапъ никому не-
«извѣспныхъ *, подобно симъ шучамъ насѣко-
«мымъ, копорыя Небо во гнѣвѣ своемъ гонитъ
«бурею на жашву грѣшника. Храбрые Славя-
«не, изумленные ихъ явленіемъ, сражаются и
«гибнутъ; земля Русская обагрется кровію
«Русскихъ; города и села пылаютъ; гремѣтъ
«цѣпи на дѣвахъ и спарцахъ.... Чшождѣла-

* Такъ думали въ Россіи о Татарахъ.

«юшъ Новгородцы? Спѣшашъ ли на помощь
«къ братьямъ своимъ?... Нѣшъ! пользуясь сво-
«имъ удаленіемъ отъ мѣстъ кровопролитія,
«пользуясь общимъ бѣдствіемъ Князей, отни-
«маюшъ у нихъ власть законную, держашъ
«ихъ въ спѣнахъ своихъ какъ въ пемницѣ,
«изгоняюшъ, призываюшъ другихъ и снова
«изгоняюшъ. Государи Новгородскіе, попомки
«Рюрика и Ярослава, должны были слуша-
«ся Посадниковъ и пренешашъ *Въчеваго коло-*
«*кола*, какъ трубы Суда Спрашнаго! Наконецъ
«никшо уже не хощѣлъ бышъ Княземъ вашимъ,
«рабомъ мяшежнаго Вѣча.... Наконецъ Русскіе
«и Новгородцы не узнаюшъ другъ друга!

«Отъ чего же такая перемѣна въ сердцахъ
«вашихъ? Какъ древнее племя Славянское мо-
«гло забышъ кровь свою?... Корысполубіе, ко-
«рысполубіе ослѣпило васъ! Русскіе гибнушъ,
«Новгородцы богащюшъ. Въ Москву, въ Кіевъ,
«въ Владиміръ привозятъ трупы Христіан-
«скихъ вишязей, убіенныхъ невѣрными, и на-
«родъ, осьшавъ пепломъ главу свою, съ воплемъ
«вспрѣчаешъ ихъ: въ Новгородъ привозятъ
«товары чужеземные, и народъ съ радостными
«восклищаніями привѣтствуетъ госшей * ино-
«спранныхъ! Русскіе счищашъ язвы свои.
«Новгородцы счищашъ злашыя монешы.
«Русскіе въ узахъ: Новгородцы славашъ воль-
«носшъ свою!

«Вольносшъ!.... но вы также рабствуете!
«Народъ! я говорю съ тобою. Бояре честполю-

* То естъ, купцовъ.

«бывые, уничиживъ власшъ Государей, сами
«овладѣли ею. Вы повинуетесь — ибо народъ
«всегда повиноваться долженъ — но только
«не священной крови Рюрика, а купцамъ бога-
«шымъ. О спыдъ! попомки Славянъ цѣняшъ
«злашомъ права Власшишелей! Роды Княже-
«скіе, издревле именишые, возвысились дѣла-
«ми храбрости и славы: ваши Посадники,
«Тысячскіе, Люди Жишые, обязаны своимъ
«достоинствомъ благопріятному въпру и хи-
«просшамъ корыстолюбію. Привыкшіе къ вы-
«годамъ торговли, торгуюшъ и благомъ на-
«рода; кто имъ обѣщаетъ злошю, тому они
«васъ обѣщаютъ. Такъ, извѣстны Князю Мо-
«сковскому ихъ дружественныя, тайныя связи
«съ Липвою и Казимиромъ. Скоро, скоро вы
«соберетесь на звукъ Вѣчеваго колокола, и
«надменный Полякъ скажетъ вамъ на лобномъ
«мѣстѣ: *зы рабы мои!*... Но Богъ и Великій
«Іоаннъ еще о васъ пекутся.

«Новгородцы! земля Русская воскресаетъ.
«Іоаннъ возбудилъ опъ сна древнее мужество
«Славянъ, ободрилъ унылое воинство, и бере-
«га Камы были свидѣтелями побѣдъ нашихъ.
«Дуга мира и завѣша возсіяла надъ могилами
«Князей Георгія, Андрея, Михаила. Небо при-
«мирилось съ нами, и мечи Ташарскіе испу-
«пились. Настало время месши, время славы
«и торжества Христіанскаго. Еще ударъ по-
«слѣдній не совершился; но Іоаннъ, избранный
«Богомъ, не опуститъ державной руки своей,
«доколъ не сокрушитъ враговъ и не смѣша-

«ещъ ихъ праха съ землею перстію. Димитрій,
«поразивъ Мамаю, не освободилъ Россіи: Іоаннъ
«все предвидишъ; и зная, что раздѣленіе Го-
«сударства было виною бѣдствій его, онъ уже
«соединилъ всѣ Княжества подъ своею держа-
«вою, и признанъ Властелиномъ земли Рус-
«ской. Дѣти опечесства, послѣ горестной дол-
«говременной разлуки, объемлюшя съ веселі-
«емъ предъ очами Государя и мудраго отца
«ихъ.

«Но радость его не будетъ совершенна, до-
«колѣ Новгородъ, древній, великій Новгородъ,
«не возвратишя подъ сѣнь опечесства. Вы
«оскорбляли его предковъ: онъ все забываетъ,
«если ему покоритесь. Іоаннъ, достойный
«владѣть міромъ, желаетъ только быть Го-
«сударемъ Новгородскимъ!... Вспомните, ког-
«да онъ былъ мирнымъ гостемъ среди васъ;
«вспомните, какъ вы удивлялись его величію,
«когда онъ, окруженный своими вельможами,
«шелъ по спогнамъ Новаграда въ домъ Яро-
«славовъ; вспомните, съ какимъ благоволеніемъ,
«съ какою мудростію онъ бесѣдовалъ съ ва-
«шими Боярами о древностяхъ Новгородскихъ,
«сидя на посавленномъ для него тронѣ близъ
«мѣста Рюрикова, откуда взоръ его обнималъ
«всѣ Концы града и веселыя окрестности;
«вспомните, какъ вы единодушно восклицали:
«да здравствуетъ Князь Московскій, великій и
«мудрый! Такому ли Государю не славно пови-
«новаться, и для того единствено, чтобы
«вмѣстѣ съ нимъ совершенно освободить Рос-

«сію опъ ига варваровъ? Тогда Новгородъ еще
«болѣе украсишся и возвеличишся въ міръ.
«Вы будете *первыми* сынами Россіи: здѣсь Іо-
«аннъ поставишъ шронъ свой и воскресишъ
«щасливыя времена, когда не шумное *Вѣче*,
«но Рюрикъ и Ярославъ судили васъ какъ оп-
«цы дѣшей, ходили по спогнамъ и вопрошали
«бѣдныхъ, не угнетающъ ли ихъ богатые?
«Тогда бѣдные и богатые равно budouтъ ща-
«сливы, ибо всѣ подданные равны предъ ли-
«цемъ Владыки самодержавнаго.

«Народъ и граждане! да властвуетъ Іоаннъ
«въ Новгородъ, какъ онъ въ Москвѣ властву-
«етъ! или — внимайте его послѣднему слову
«— или храброе воинство, гошовое сокру-
«шитъ Татаръ, въ грозномъ ополченіи явиш-
«ся прежде глазамъ вашимъ, да усмиришъ мя-
«шежниковъ!... Миръ или война? опвѣстивуй-
«те!»

Съ симъ словомъ Бояринъ Іоанновъ надѣлъ
шлемъ, и сошелъ съ лобнаго мѣста.

Еще продолжается молчаніе. Чиновники и
граждане въ изумленіи. Вдругъ колеблющаяся
толпа народныя, и громко раздающая восклицанія:
Марѳа! Марѳа! Она всходитъ на желѣз-
ныя ступени, тихо и величаво; взираетъ на
безчисленное собраніе гражданъ, и безмолв-
ствуетъ.... Важность и скорбь видны на
блѣдномъ лицѣ ея.... Но скоро осыненный го-
рестію взоръ блеснулъ огнемъ вдохновенія;
блѣдное лицо покрылось румянцемъ и Марѳа
начала:

«Вадимъ! Вадимъ! здѣсь лилась священная
«кровь твоя: здѣсь призываю Небо и тебя
«во свидѣтели, что сердце мое любитъ славу
«опечества и благо согражданъ; что скажу
«истину народу Новгородскому, и гошова за-
«печашлъшь ее моею кровію. Жена дерзаетъ
«говоришь на Вѣчѣ: но предки мои были друзья
«Вадимовы; я родилась въ станѣ воинскомъ
«подъ звукомъ оружія; отецъ, супругъ мой по-
«гибли, сражаясь за Новгородъ. Вошъ право
«мое бытъ защитницею вольности! оно ку-
«плено цѣною моего щастія....»

Говори, славная дочь Новаграда! воскликнулъ
народъ единогласно — и глубокое безмолвіе
снова изъявило его вниманіе.

«Попомки Славянъ великодушныхъ! васъ
«называютъ мяпежниками!.... За то ли, что
«вы подъяли изъ гроба славу ихъ? Они были
«свободны, когда шекли съ востока на западъ
«избрашь себѣ жилище во вселенной, свобод-
«ны подобно орламъ, парившимъ надъ ихъ
«главою въ обширныхъ пустыняхъ древняго
«міра... Они ушвердились на красныхъ бере-
«гахъ Ильменя, и все еще служили одному
«Богу. Когда Великая Имперія (*), какъ веш-
«хое зданіе, сокрушалась подъ сильными уда-
«рами дикихъ Героевъ Съвера; когда Гошѣы,
«Вандалы, Эрулы и другіи племена Скиѣскія
«искали вездѣ добычи, жили убійствами и гра-
«бежемъ, тогда Славяне имѣли уже селенія и
«города, обрабатывали землю, наслаждались

* Римская.

«пріятными искусствами мирной жизни, но
«все еще любили независимость. Подъ сѣнію
«древа чувствительный Славянинъ игралъ на
«струнахъ изобрѣшеннаго имъ мусикійскаго
«орудія *, но мечъ его висѣлъ на вѣшняхъ,
«готовый наказати хищника и пирана. Когда
«Баянъ, Князь Аварскій, страшный для Им-
«ператоровъ Греціи, потребовалъ, чтобы Сла-
«вяне ему поддались, они гордо и спокойно
«отвѣщивали: Никто во вселенной не мо-
«жетъ поработить насъ, доколь не выдутъ изъ
«употребленія мечи и стрѣлы ** !.. О великія
«воспоминанія древности! вы ли должны скло-
«нить насъ къ рабству и къ узамъ?

«Правда, съ теченіемъ времени родились въ
«душахъ новыя страсти; обычаи древніе,
«спасительные, забывались, и неопытная
«юность презирала мудрые совѣты старцевъ:
«тогда Славяне призвали къ себѣ знамени-
«тыхъ храбростію Князей Варяжскихъ, да по-
«вѣлѣваюшъ юнымъ, мясешнымъ воинствомъ.
«Но когда Рюрикъ захошѣлъ самовольно вла-
«ствовать, гордость Славянская ужаснулась
«своей неоспорожности, и Владимиръ Хра-
«брый звалъ его предъ судъ народа. Мечи и бо-
«ги да будутъ нашими судіями! отвѣщивалъ
«Рюрикъ — и Владимиръ палъ отъ руки его,
«сказавъ: Новгородцы! на мѣсто, обогрѣнное

* См. Византійскихъ Историковъ, Теофилакта и Особа-
ца.

** См. Меландера.

«моею кровію, приходите оплакивать свое нера-
«зуміе — и славить волюность, когда она съ
«торжествомъ явится снова въ стѣнахъ ва-
«шихъ.... Исполнилось желаніе великаго мужа:
«народъ собирается на священной могилѣ его,
«свободно и независимо рѣшить судьбу свою.

«Такъ, кончина Рюрика—да опдадимъ спра-
«ведливосшь сему знаменишому Вишязю!—му-
«драго и смѣлаго Рюрика, воскресила свободу
«Новгородскую. Народъ, изумленный его вели-
«чіемъ, невольно и смиренно повиновался; но
«скоро, не видя уже Героя, пробудился опъ
«глубокаго сна, и Олегъ, испытавъ многокраш-
«но его упорную непреклонносшь, удалился
«опъ Новагорода съ воинствомъ храбрыхъ Ва-
«ряговъ и Славянскихъ юношей, искашь побѣ-
«ды, данниковъ и рабовъ между другими Скиѣ-
«скими, менѣе опважными и гордыми племе-
«нами. Съ того времени Новгородъ признавалъ
«въ Князьяхъ своихъ единсшвенно полковод-
«цевъ и военачальниковъ: народъ избиралъ
«власпи гражданскія, и повинуюсь имъ, пови-
«новался усшаву воли своей. Въ Кіевлянахъ и
«другихъ Россіянахъ опцы наши любили кровь
«Славянскую, служили имъ какъ друзьямъ и
«братьямъ, разили ихъ непріятелей и вмѣспъ
«съ ними славились побѣдами. Здѣсь провелъ
«юносшь свою Владиміръ; здѣсь, среди примѣ-
«ровъ народа великодушнаго, образовался ве-
«ликій духъ его; здѣсь мудрая бесѣда спарцевъ
«нашихъ возбудила въ немъ желаніе вопросишь
«всѣ народы земные о шайнсшвахъ Вѣры ихъ

«да откроешся истина ко благу людей; и
«когда, убежденный въ святости Христіан-
«ства, онъ принялъ его отъ Грековъ, Ново-
«городцы, разумѣе другихъ племенъ Славян-
«скихъ, изъявили и болѣе ревности къ новой
«истинной Вѣрѣ. Имя Владиміра священо въ
«Новгородѣ; священна и любезна память Яро-
«слава: ибо онъ первый изъ Князей Русскихъ
«утвердилъ законы и вольность Великаго гра-
«да. Пусть дерзость называетъ опцевъ на-
«шихъ неблагодарными, за то, что они оп-
«ражали властолюбивыя предпріятія его по-
«шомковъ! Духъ Ярославовъ оскорбился бы въ
«небесныхъ селеніяхъ, естли бы мы не умѣ-
«ли сохранить древнихъ правъ, освященныхъ
«его именемъ. Онъ любилъ Новгородцевъ,
«ибо они были свободны; ихъ признательность
«радовала его сердце, ибо только души сво-
«бодныя могутъ быть признательными: рабы
«повинуясь и ненавидятъ! Нынь, благодар-
«ность наша торжествуетъ, доколѣ народъ
«во имя опечесства собирается предъ домомъ
«Ярослава, и смотря на сіи древнія спѣны,
«говоритъ съ любовію: *тамъ жилъ другъ нашъ!*

«Князь Московскій укоряетъ тебя, Новго-
«родъ, самымъ твоимъ благоденствіемъ — и
«въ сей винѣ не можемъ оправдаться! Такъ
«конечно: цвѣтутъ области Новгородскія,
«поля златящяся класами, житницы полны,
«богатства льются къ намъ рѣкою; Великая
«Ганза * гордится нашимъ союзомъ; чужезем-

* Союзъ вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ, который имѣлъ свои
кошторы въ Новгородѣ.

«ные гости ищутъ дружбы нашей, удивля-
«ются славѣ Великаго града, красотѣ его зда-
«ній, общему избытку гражданъ, и, возвра-
«щаясь въ страну свою, говорятъ: *мы видѣли*
«*Новгородъ, и ничего подобнаго ему не видали!*
«Такъ конечно: Россія бѣдствуетъ — ея земля
«обогрывается кровію, веси и грады опустѣли,
«люди какъ звѣри въ лѣсахъ укрываются;
«опецъ ищетъ дѣшей и не находитъ; вдовы
«и сироты просятъ милосердія на распуш-
«яхъ. Такъ, мы щастливы — и виновны, ибо
«дерзнули повиноваться законамъ своего бла-
«га, дерзнули не участвовать въ междоусо-
«біяхъ Князей, дерзнули спасти имя Русское
«отъ стыда и поношенія, не принявъ оковъ
«Татарскихъ и сохранивъ драгоцѣнное досто-
«инство народное!

«Не мы, о Россіяне несчастные, но всегда
«любезные намъ братья! не мы, но вы насъ
«оставили, когда пали на колѣна предъ гор-
«дымъ Ханомъ и пребывали цѣпей для спасе-
«нія поносной жизни; когда свирѣпый Башый,
«видя свободу единого Новаграда, какъ ярост-
«ный левъ успремился растерзать его смѣ-
«лыхъ гражданъ; когда опцы наши, гошовась
«къ славной башнѣ, оприли мечи на спѣ-
«нахъ своихъ — безъ робости: ибо знали, что
«умрутъ, а не будутъ рабами!... Напрасно,
«съ высоты башенъ, взоръ ихъ искалъ вдали
«дружественныхъ легіоновъ Русскихъ, въ на-
«деждѣ, что вы захошите въ послѣдній разъ
«и въ послѣдней оградѣ Русской вольности

«еще сразиться съ невѣрными! Одрѣ робкія
«шолпы бѣглецовъ являлись на пущахъ Нова-
«града; не спукъ оружія, а вопль малодушнаго
«опчаянія былъ вѣспникомъ ихъ приближе-
«нія; онѣ требовали не стрѣлъ и мечей, а
«хлѣба и крова!... Но Батый, видя отваж-
«ность свободныхъ людей, предпочелъ безо-
«пасность свою злобному удовольствію мести.
«Онѣ снѣшилъ удалиться!... Напрасно граж-
«дане Новгородскіе молили Князей воспользо-
«ваться такимъ примѣромъ и общими силами,
«съ именемъ Бога Русскаго, ударить на варва-
«ровъ: Князья плашили дань и ходили въ спань
«Татарскій обвинявъ другъ друга въ замы-
«слахъ противъ Батые; великодушіе сдѣла-
«лось предметомъ доносовъ, къ несчастію
«ложныхъ!.... И есѣли имя побѣды въ пече-
«ніе двухъ столѣтій сохранилось еще въ язы-
«къ Славянскомъ, то не громъ ли Новгород-
«скаго оружія напоминалъ его землѣ Русской?
«не опцы ли наши разили еще враговъ на бе-
«регахъ Невы? Воспоминаіе горестное! Сей
«Вишязь добродѣтельный, драгоцѣнный оспа-
«шокъ древняго геройства Князей Варяжскихъ,
«заслуживъ имя безсмертное съ вѣрною Ново-
«городскою дружиною, храбрый и щастливый
«между нами, оспавилъ здѣсь и славу и ща-
«стіе, когда предпочелъ имя Великаго Князя
«Россіи имени Новгородскаго Полководца: не
«величіе, но униженіе и горесть ожидали
«Александра во Владимірѣ — и пошъ, кто на
«берегахъ Невы давалъ законы храбрымъ Ли-

«вонскимъ Рыцарямъ, долженъ былъ упасъ
«къ ногамъ Сарпака.

«Іоаннъ желаетъ повелѣвать Великимъ гра-
«домъ: не удивительно! онъ собственными гла-
«зами видѣлъ славу и богатство его. Но всѣ на-
«роды земные и будущія столѣтія не преспали
«бы дивиться, если бы мы захопѣли ему по-
«виноваться. Какими надеждами онъ можетъ
«обольстить насъ? Одни несчастные легковѣр-
«ны; одни несчастные желаютъ переменъ — но
«мы благоденствуемъ и свободны! благоден-
«ствуемъ опъ того, что свободны! Да молишь
«Іоаннъ Небо, чтобы Оно во гнѣвъ Своимъ ослѣ-
«пило насъ: тогда Новгородъ можетъ вознена-
«видѣть счастье и пожелаешь гибели; но доколь
«видимъ славу свою и бѣдствія Княжества
«Русскихъ, доколь гордимся ею и жалѣемъ объ
«нихъ, доколь права Новгородскія всего свя-
«тѣе намъ по Богъ.

«Я не дерзну оправдывать васъ, мужи из-
«бранные общаю довѣренностію для правленія!
«Клевета въ устахъ властелюбія и зависти
«недостойна опроверженія. Гдѣ страна цвѣ-
«шетъ и народъ ликуетъ, тамъ правители
«мудры и добродѣтельны. Какъ! вы шоргуете
«благомъ народнымъ? но могутъ ли всѣ сокро-
«вища міра замѣнить вамъ любовь согражданъ
«вольныхъ? Кто узналъ ея сладость, тому
«чего желать въ мірѣ? развѣ послѣдняго сча-
«стія умереть за опечесство!

«Несправедливостъ и властолюбіе Іоанна не
«запмѣваютъ въ глазахъ нашихъ его похваль-

«ныхъ свойствъ и добродѣтелей. Давно уже
«молва народная извѣстила насъ о его вели-
«чїи, и люди вольные желали имѣть госпемъ
«Самовластителя; искреннія сердца ихъ сво-
«бодно изливались въ радостныхъ восклицанї-
«яхъ при его торжественномъ вѣздѣ. Но
«знаки усердія нашего конечно обманули Князя
«Московского; мы хотѣли изъяснить ему прї-
«ятную надежду, что рука его свергнетъ съ
«Россїи иго Татарское: онъ вздумалъ, что мы
«пребуемъ отъ него уничтоженія нашей соб-
«ственной вольности! Нынь, нынь! да будетъ
«великъ Іоаннъ, но да будетъ великъ и Нов-
«городъ! Да славится Князь Московскій испре-
«бленіемъ враговъ Христіанства, а не друзей
«и не братьей земли Русской, которыми она
«еще славится въ міръ! да прерветъ оковы
«ея, не возлагая ихъ на добрыхъ и свободныхъ
«Новгородцевъ! Еще Ахматъ дерзаетъ назы-
«вать его своимъ данникомъ: да идетъ Іоаннъ
«прошивъ Монгольскихъ варваровъ, и вѣрная
«дружина наша откроетъ ему путь къ спану
«Ахматову! Когда же сокрушитъ врага, тог-
«да мы скажемъ ему: Іоаннъ! ты возвратилъ
«земль Русской честь и свободу, которыхъ мы
«никогда не теряли. Владѣй сокровищами, най-
«денными побою въ спанѣ Татарскомъ: они
«были собраны съ земли твоей; на нихъ нынь
«клейма Новгородскаго: мы не плашили дани
«ни Батью, ни потомкамъ его! Царствуй съ
«мудростію и славою; залечи глубокія язвы
«Россїи; сдѣлай подданныхъ своихъ и нашихъ

брашій щасливými — и есѣли когда нибудь соединенныя твои Княжества превзойдутъ славою Новгородъ; есѣли мы позавидуемъ благоденствію твоего народа; есѣли Всевышній накажешъ насъ раздорами, бѣдствіями, униженіемъ: тогда — клянемся именемъ опечесства и свободы! — тогда пріидемъ не въ сполу Польшую, но въ царспвенный градъ Москву, какъ нѣкогда древніе Новгородцы пришли къ храброму Рюрику; и скажемъ — не Казимиру, но тебѣ: *владѣй нами! мы уже не умѣемъ править собою!*

«Ты содрогаешься, о народъ великодушный!..
«Да идешъ мимо насъ сей печальный жребій! *Babel!*
«Будь всегда достоинъ свободы, и будешъ всегда свободнымъ! Небеса правосудны и ввергаюшъ въ рабство одни порочные народы. Не спрашисъ угрозъ Іоанновыхъ, когда сердце твое пылаешъ любовію къ опечесству и къ святымъ усшавамъ его; когда можешъ умереть за честь предковъ своихъ и за благо потомства!

«Но есѣли Іоаннъ говоритъ истину; есѣли въ самомъ дѣлѣ гнусное корысплюбіе овладѣло душами Новгородцевъ; есѣли мы любимъ сокровища и нѣгу болѣе добродѣтели и славы: то скоро ударитъ послѣдній часъ нашей вольности, и Вѣчевый колоколъ, древній гласъ ея, падешъ съ башни Ярославовой и навсегда умолкнешъ!... Тогда, тогда мы позавидуемъ щасію народовъ, копорые никогда не знали свободы. Ея грозная тѣнь бу-

«дешъ являться намъ подобно мертвецу блѣд-
«ному и терзашъ сердце наше бесполезнымъ
«раскаяніемъ!

«Но знай, о Новгородъ! что съ упрямпою
«вольности изсохнешъ и самый испочникъ
«твоего богатства: она оживляетъ трудолю-
«біе, изощряетъ серпы и златишъ нивы; она
«привлекаетъ иносѣланцевъ въ наши сѣбны съ
«сокровищами торговли; она же окриляетъ суда
«Новгородскія, когда они съ богатымъ грузомъ
«по волнамъ несутся... Бѣдность, бѣдность на-
«кажетъ недостойныхъ гражданъ, не умѣвшихъ
«сохранить наслѣдія отцевъ своихъ! Померк-
«нетъ слава твоя, градъ Великій, опустѣютъ
«многолюдныя *Концы* твои; широкія улицы
«зароснутъ травою, и великолѣпіе твое, ис-
«чезнувъ навѣки, будетъ баснею народовъ.
«Напрасно любопытный странникъ среди пе-
«чальныхъ развалинъ захочетъ искать того
«мѣста, гдѣ собиралось Вѣче, гдѣ стоялъ домъ
«Ярославовъ и мраморный образъ Вадима: ни-
«кто ему не укажетъ ихъ. Онъ задумается
«горестно и скажетъ только: здѣсь *былъ* Нов-
«городъ!...»

Тутъ спрашный вопль народа не далъ уже
говорить Посадницъ. «Нѣтъ, нѣтъ! мы все
«умремъ за отечество!» восклицаютъ безчи-
«сленные голоса: «Новгородъ Государь нашъ! да
«явится Іоаннъ съ воинствомъ!» Марѳа, стоя
на Вадимовомъ мѣстѣ, веселится дѣйстві-
емъ ея рѣчи. Чтобы еще болѣе воспалишь
умы, она показываетъ цѣпь, гремитъ ею въ

рукъ своей и бросаешь на землю: народъ въ изступленіи гнѣва попираешь оковы ногами, взывая: *Новгородъ Государь нашъ! война, война Иоанну!* Напрасно Посолъ Московскій желаетъ еще говоришь именемъ Великаго Князя и требуешь вниманія: дерзкіе подьемають на него руку, и Марѳа должна защищать Боярина. Тогда онъ извлекаетъ мечъ, ударяетъ имъ о подножіе Вадимова образа, и возвысивъ голосъ свой, съ душевною скорбію произноситъ: «И такъ да будетъ война между Великимъ Княземъ Іоанномъ и гражданами Новгородскими! да возвращаясь клятвенныя грамоты *! Богъ да судитъ ^{Трезвѣнны} вѣроломныхъ!...» Марѳа вручаетъ Послу грамоту Іоаннову и принимаетъ Новгородскую. Она даетъ ему спражу и знамя мира. Народныя толпы передъ нимъ разступаются. Бояринъ выходитъ изъ града. Тамъ ожидала его Московская дружина... Марѳа слѣдуетъ за нимъ взоромъ своимъ, опершись на образъ Вадимовъ. Посолъ Іоанновъ садится на коня, и еще съ горестію взираетъ на Новгородъ. Желѣзные запоры спускаютъ на городскихъ ворошахъ, и Бояринъ тихо ѣдетъ по Московской дорогѣ, провождаемый своими воинами. Вечерніе лучи солнца угасали на ихъ блестящемъ оружіи.

Марѳа вздохнула свободно. Видя ужасный мятежъ народа (кошорый, подобно бурнымъ вол-

* Клятвенными грамотами назывались дружественные пакты. При объявленіи войны подлежало всегда возвращать ихъ.

намъ, стремился по стогнамъ и безпресшанно восклицалъ: *Новгородъ Государь нашъ! смерть врагамъ его!*) внимая грозному набашу, копорый гремѣлъ во всѣхъ пяти Концахъ города (въ знакъ объявленія войны), сія величавая жена подъемлешъ руки къ Небу, и слезы текутъ изъ глазъ ея. «О шѣнь моего супруга!» тихо вѣщаетъ она съ умиленіемъ: «я исполнила кляшву свою! Жребій брошенъ: да будетъ, чпо угодно Судьбѣ!...» Она сходитъ съ Вадимова мѣста.

Вдругъ раздается прескъ и громъ на великой площади.... земля колеблется подъ ногами.... набашъ и шумъ народный умолкаютъ... всѣ въ изумленіи. Густое облако пыли закрываетъ ошъ глазъ домъ Ярослава и лобное мѣсто... Сильный порывъ вѣтра разноситъ наконецъ густую мглу, и всѣ съ ужасомъ видятъ, чпо высокая башня Ярославова, новое гордое зданіе народнаго богатства, пала съ *Вѣчевымъ кололомъ* и дымишся въ своихъ развалинахъ *... Пораженные симъ явленіемъ, граждане безмолвствуютъ... Скоро тишина прерывается голосомъ, вняшнымъ, но подобнымъ глухому спону, какъ будто бы исходящему изъ глубокой пещеры: *О Новгородъ! такъ падетъ слава твоя! такъ исчезнетъ твое величіе!...* Сердца ужаснулись. Взоры устремились на одно мѣсто; но слѣдъ голоса исчезъ въ воздухъ вмѣстѣ съ словами: напрасно искали, напрасно хотѣли знать

* Лѣтописи наши говорятъ о паденіи новой колокольни и ужасѣ народа.

кто произнесъ ихъ. Всѣ говорили: мы слышали! никто не могъ сказать, отъ кого? Именные Чиновники, устрашенные народнымъ впечатлѣніемъ болѣе, нежели самымъ происшествіемъ, всходили одинъ за другимъ на Вадимово мѣсто и старались успокоить гражданъ. Народъ требовалъ мудрой, великодушной, смѣлой Марѣы: посланные нигдѣ не могли найти ее.

Между тѣмъ настала бурная ночь. Засвѣтились факелы: сильный вѣтеръ безпрестанно задувалъ ихъ; безпрестанно надлежало приносить огонь изъ домовъ сосѣдственныхъ. Но Тысячскіе и Бояре ревностно трудились съ гражданами: опрыли *Вѣчевый колоколъ* и повѣсили на другой башнѣ. Народъ хотѣлъ слышать священный и любезный звонъ его — услышалъ и казался покойнымъ. Спешенный Посадникъ распустилъ *Вѣче*. Толпы рѣдѣли. Еще друзья и ближніе останавливались на площади и на улицахъ говорить между собою; но скоро настала всеобщая тишина, подобно какъ на морѣ послѣ бури, и самые огни въ домахъ (гдѣ жены Новгородскія съ безпокойнымъ любопытствомъ ожидали опцовъ, супруговъ и дѣшей) одинъ за другимъ погасли.

К Н И Г А В Т О Р А Я.

Въ густомъ дремучаго лѣса, на берегу великаго озера Ильменя, жилъ мудрый и благочестивый опшельникъ Θεодосій, дѣдъ Марѣы Посадницы, нѣкогда знаменѣйшій изъ Бояръ Новгородскихъ. Онъ семдесятъ лѣтъ служилъ отечеству: мечемъ, совѣтомъ, добродѣтелию, и наконецъ захошѣлъ служишь Богу единому въ тишинѣ пустыни; торжественно простился съ народомъ на Вѣчѣ, видѣлъ слезы добрыхъ согражданъ, слышалъ сердечныя благословенія за долговременную Новгородскую вѣрность его, самъ плакалъ отъ умиленія и вышелъ изъ града. Злашая медаль его висѣла въ Софійской церкви, и всякій новый Посадникъ украшался ею въ день избранія.

Уже давно онъ жилъ въ пустынѣ, и только два раза въ годъ могла приходишь къ нему Марѣа, бесѣдовать съ нимъ о судьбѣ Новгорода или о радостяхъ и печаляхъ ея сердца. Сошедши съ Вадимова мѣста при звукѣ набата, она спѣшила къ нему съ юнымъ Мірославомъ *, и нашла его спящаго на колѣняхъ предъ уединенною хижиною: онъ совершалъ вечернее моленіе. «Молись, добродѣтельный спарецъ!» сказала она: «буря угрожаетъ оше-

* Въ Новгородѣ было еще обыкновеніе называться древними Славянскими именами. Такъ, напримѣръ, лѣтописи сохранили намъ имя Рашьмира, одного изъ товарищей Александра Невского.

честву.» — Знаю, опвѣщсшвовалъ пусшын-
никъ, и съ горесшю указалъ рукою на небо*.
Густая шуча висѣла и волновалась надъ Но-
вымградомъ; изъ глубины ея сверкали красныя
молніи и вылетали шары огненные. Плешояд-
ныя враны спаницами парили надъ злшыми
кресшами храмовъ, какъ будто бы въ ожида-
ніи скорой добычи. Между шѣмъ люшыя звѣ-
ри спрашно были во мракъ лѣса, и древнія
сосны, ударяясь въшѣвьями одна объ другую,
прещали на корняхъ своихъ.... Марѣа швер-
дымъ голосомъ сказала пусшыннику: «Когда бы
«все небо запылало и земля какъ море воско-
«лебалась подъ моими ногами, и тогда бы серд-
«це мое не ушпращилось: ешѣли Новугороду
«должно погибнуть, то могу ли думатьъ о
«жизни своей?» Она извѣспила его о происше-
спвіи. Оеодосій обнялъ ее съ горячностію.
«Великая дочь моего сына!» вѣщаль онъ съ
умиленіемъ: «послѣдняя опрасль нашего слав-
«наго рода! въ тебѣ пылаешъ кровь Молин-
«скихъ: она не совсѣмъ охладѣла и въ моемъ
«сердцѣ, изнуренномъ лѣшами; посвятивъ его
«Небу, еще люблю славу и вольностъ Новагра-
«да... Но слабая рука человѣческая опведешъ
«ли сокрушительные удары всевышней Десни-
«цы? Душа моя содрогаешся: я предвижу бѣд-
«спвія...» Судьба людей и народовъ ешѣ шай-
на Провидѣнія (опвѣщсшвуетъ Марѣа): но дѣла

* Въ старину хопѣли всегда чипать на небѣ предспящую
гибель людей.

зависяшъ опъ насъ единствѣнно, и сего до-
вольно. Сердца гражданъ въ рукъ моей: они
не покоряшся Іоанну, и душа моя шоржеству-
ешъ! Самая опасность веселишъ ее... Чтобы
не укоряшъ себя въ будущемъ, попребно толь-
ко дѣйствоваши благоразумно въ настоящемъ,
избираши лучшее и спокойно ожидаши слѣд-
ствій... Многочисленное воинство соберется,
гошовое опразитъ врага; но должно поручиши
его вождю надежному, смѣлому, рѣшитель-
ному. Исаакъ Борецкій * во гробъ; въ сынахъ
моихъ нѣтъ духа воинскаго; я воспишала ихъ
усердными гражданами: они могутъ умерещъ
за опечество, но единое Небо вливаетъ въ
сердца то пламенное геройство, которое по-
велѣваетъ рокомъ въ день битвы. — «Развѣ
мало славныхъ вишязей въ Новѣградъ?» ска-
залъ Теоносій: «ужасъ Ливоніи, Георгій Смѣ-
лый...» — Преселился къ опцамъ своимъ. —
«Побѣдишель Вишовша, Владиміръ Знамен-
тый...» — Опъ старости мечъ выпалъ изъ
руки его. — «Михаилъ Храбрый...» — Онъ врагъ
Іосифа Дѣлинскаго и Борецкихъ: можетъ ли
быти другомъ опечества? — «Димитрій Силь-
ный...» — Сильна рука его, но сердце коварно:
онъ вспрѣшилъ за городомъ Посла Іоаннова и
шайно говорилъ съ нимъ. — «Ктожь будетъ
главою войска и щипомъ Новаграда?» — Сей
юноша! опвѣстивуетъ Посадница, указавъ на
Мірослава... Онъ снялъ пернашый шлемъ съ
головы своей; заря вечерняя и блескъ молніи

* Мужъ ея.

освѣщали величественную красоту его. Θεодосій сморгнулъ съ удивленіемъ на юношу.

«Никто не знаетъ его родителѣй,» говоритъ Марѳа: «онъ былъ найденъ въ пеленахъ на желѣзныхъ ступеняхъ Вадимова мѣста, и воспитанъ въ училищѣ Ярослава *; рано удивлялъ сарцевъ своею мудростію на Вѣчахъ, а Витязей храбростію въ битвахъ. Исаакъ Борецкій умеръ въ его объятіяхъ. Всякой разъ, когда я встрѣчалась съ нимъ на спогнахъ града, сердце мое влеклось дружбою къ юношѣ, и взоръ мой невольно за нимъ слѣдовалъ. Онъ сирота въ мірѣ; но Богъ любитъ сиротъ, а Новгородъ великодушныхъ. Ихъ именемъ спавлю юношу на степенъ величія; ихъ именемъ вручаю ему судьбу всего, что для меня драгоценнѣе въ свѣтѣ: вольности и Ксеніи! Такъ, онъ будетъ супругомъ моей любезнѣйшей дочери! Тотъ, кто опаснымъ и великимъ саномъ вождя обращающъ на себя всѣ стрѣлы и копья самовласія, мною раздраженнаго, не долженъ быть чуждымъ роду Борецкихъ и крови моей... Я изумила благородное и чувствительное сердце юноши: онъ клянется побѣдою или смертію оправдать меня въ глазахъ согражданъ и потомства. Благослови, мужъ свяшій и добродѣтельный, волю нѣжной матери, которая болѣе Ксеніи любитъ одно отечество! Сей союзъ достоинъ своей правнуки: онъ за-

* Такъ называлось всегда главное училище въ Новгородѣ (говоритъ Авторъ).

ключается въ день рѣшительный для Новаграда и соединяетъ ея жребій съ его жребіемъ. Супругъ Ксеніи есть или будущій спаситель опечесства или обреченная жертва свободы!» Θεодосій обнялъ юношу, называя его сыномъ своимъ. Они вошли въ хижину, гдѣ горѣла лампада. Спарецъ дрожащею рукою снялъ булашнй мечъ, на спѣнѣ висѣвшій, и вручая его Мірославу, сказалъ: «Вотъ послѣдній осшатокъ мірской славы въ жилищѣ опшельника! Я хотѣлъ сохранить его до гроба, но опдаю тебѣ: Рашьміръ, предокъ мой, изобразилъ на немъ злшпыми буквами слова: *никогда врагу не достанется*»... Мірославъ взялъ сей древній мечъ съ благоговѣніемъ, и гордо опвѣщсшвовалъ: *исполню условіе!* — Марѳа долго еще говорила съ мудрымъ Θεодосіемъ о силахъ Князя Московскаго, о вѣрныхъ и невѣрныхъ союзникахъ Новаграда, и сказала наконецъ юношѣ: «Возвратимся; буря утихла. Народъ покоится въ Великомъ градѣ; но для сердца моего уже нѣтъ спокойствія!» Спарецъ проводилъ ихъ съ молитвою.

Восходящее солнце озарило первыми лучами своими на лобномъ мѣстѣ Посадницу, окруженную народомъ. Она держала за руку Мірослава и говорила: «Народъ! сей вишязь есть «Небесный даръ Великому граду. Его рожденіе «скрывается во мракѣ таинства; но благословеніе Всевышняго явно ознаменовало юношу. «Чѣмъ Небо опличаетъ Своихъ избранныхъ, «когда сей видъ геройскій, сіе чело гордое, «сей взоръ огненный не есть печашь любви

«Его? Онъ питомецъ опечесства, и сердце его
«сильно бьется при имени свободы. Вамъ из-
«вѣстны подвиги Мірославовой храбрости....»
«(Марѳа съ жаромъ и краснорѣчіемъ описала
«ихъ)... «Сограждане!» сказала она въ заклю-
«ченіе: «Кого болѣе всѣхъ долженъ ненавидѣть
«Князь Московскій, тому болѣе всѣхъ вы мо-
«жете вѣрить: я признаю Мірослава достой-
«нымъ вождемъ Новгородскимъ!.... Самая цвѣту-
«щая молодость его вселяетъ въ меня надеж-
«ду; щастіе ласкаетъ юность!....» Народъ под-
нялъ вверхъ руки: Мірославъ былъ избранъ!...
Да здравствуетъ юный вождь силъ Новгород-
скихъ! восклицали граждане, и юноша съ ве-
личественнымъ смиреніемъ преклонилъ голову.
Бояре и Люди Жиные осѣнили его своими
знаменами. Іосифъ Дѣлинскій, другъ Марѳы,
вручилъ юношѣ златый жезлъ начальства.
Спаросшы пяти Концовъ Новгородскихъ спа-
ли предъ нимъ съ сѣкирами, и Тысячскіе, гро-
могласно объявивъ собраніе войска, на лобномъ
мѣстѣ записывали имена гражданъ для всякой
тысячи. Димитрій сильный обнималъ Міро-
слава, называя его своимъ повелителемъ; но
Михайлъ Храбрый, воинъ суровый, изъявлялъ
негодованіе. Народъ, раздраженный его укориз-
нами, хотѣлъ смирить гордаго; но Марѳа и
Дѣлинскій великодушно спасли его; они ува-
жали въ немъ достоинство Вишязя и щадили
врага личнаго, презирая мечь и злобу.

Марѳа отъ имени Новаграда написала убѣди-
тельное и прогашельное письмо къ союзной

Псковской Республикѣ. «Опцы наши (говорила
«она) жили всегда въ мирѣ и дружбѣ; у нихъ
«было одно бѣдствіе и щасіе, ибо они одно
«любили и ненавидѣли. Братья по крови Сла-
«вянской и Вѣры православной, они называ-
«лись братьями и по духу народному. Пскови-
«шянинъ въ Новгородѣ забывалъ, что онъ
«не въ опчизнѣ своей, и давно уже извѣстна
«пословица въ землѣ Русской: *сердце на Вели-*
«*кой* *, *душа на Волховѣ*. Есѣли мы чаще
«могли помогать вамъ, нежели вы намъ; есѣ-
«ли спраны дальнія опъ насъ свѣдали имя
«ваше; есѣли условія, заключенныя Великимъ
«градомъ съ Великою Ганзою, оживили пор-
«говлю Псковскую; есѣли вы заимствовали
«его спасительныя успавы гражданскіе, и есѣ-
«ли ни хищность Ташаръ, ни власполюбіе
«Князей Тверскихъ не повредили вашему бла-
«годенствію (ибо щипъ Новаграда осѣнялъ
«друзей его): то хвала единому Небу! Мы не
«гордимся своими услугами и щасливѣе поль-
«ко ихъ воспоминаніемъ. Нынѣ, братья, зовемъ
«васъ на помощь къ себѣ, не для опплашы за
«добро Новгородское, а для собственнаго ва-
«шего блага. Когда рука сильнаго сразитъ
«насъ, то и вы не переживете вѣрныхъ дру-
«зей своихъ. Самая покорность не спасетъ
«вашего бытія народнаго: гражданинъ не уго-
«дитъ самовластителью, пока не будетъ ра-
«бомъ законнымъ. — Увѣренныя въ вашей му-
«дроспи и любви къ общей славѣ, мы уже

* Имя Псковской рѣки.

«назначили предъ градомъ мѣсто для вѣрной
«дружины Псковской.» — Чиновники подписа-
ли грамоту, и гонецъ немедленно отправился
съ нею.

Трубы и литавры возвѣсшили на великой
площади явленіе гостей иностранныхъ. Музы-
канты, въ шелковыхъ красныхъ мантіяхъ,
шли впереди; за ними граждане десяти воль-
ныхъ городовъ Нѣмецкихъ, по два въ рядъ,
всѣ въ богатой одеждѣ, и несли въ рукахъ,
на серебряныхъ блюдахъ, золотые слипки и
камни драгоценные. Они приблизились къ
Вадимову мѣсту, и поставили блюда на спу-
сени его. *Ратсгеръ* города Любека *требовалъ*
слова — и сказалъ народу: «Граждане и чи-
«новники! вольные люди Нѣмецкіе свѣдали,
«что сильный врагъ угрожаетъ Новуграду.
«Мы давно торгуемъ съ вами и хвалимся вѣр-
«носцію, славимся пріязнію Новгородскою;
«знаемъ благодарность, умѣемъ помогать друзь-
«ямъ въ нуждѣ. Граждане и чиновники! пріи-
«мите усердные дары добрыхъ гостей ино-
«странныхъ, не столько для умноженія казны
«вашей, сколько для нашей чести. Требуемъ
«еще отъ васъ оружія и дозволенія сражаться
«подъ знаменами Новгородскими. Великая Ган-
«за не простила бы намъ, если бы мы оспа-
«лись только свидѣтелями вашихъ опасно-
«стей. Насъ 700 человекъ въ Великомъ градѣ:
«всѣ выдемъ въ поле — и клянемся вѣрностію
«Нѣмецкою, что умремъ или побѣдимъ съ
«вами!» — Народъ съ живѣйшею благодар-

ностію прийнявъ такіє знаки дружескаго усердія. Самъ Мірославъ роздалъ оружїє гостямъ чужеземнымъ, копорые желали составишь особенный легіонъ: Марѳа назвала его дружиною великодушныхъ, и граждане общимъ восклицаніемъ подшвердили сіє имя.

Уже, среди шумныхъ воинскихъ пригопювленій, день склонялся къ вечеру—и юная Ксенія, сидя подъ окномъ своего дѣвическаго шерема, съ любопытствомъ смотрѣла на движенія народныя: они казались чуждыми ея спокойному, крошккому сердцу!... Злосполучная!... Такъ юный, невинный пастырь, еще озаряемый лучами солнца, съ любопытствомъ смотришь на сверкающую вдали молнію, не зная, что грозная туча на крыльяхъ бури прямо къ нему спремилъ, грянетъ и поразитъ его!... Воспитанная въ прошомъ древнихъ Славянскихъ нравовъ, Ксенія умѣла наслаждаться только одною своею Ангельскою непорочностію, и ничего болѣе не желала; никакое тайное движеніе сердца не давало ей чувствовать, что есть на свѣшъ другое щастіе. Если иногда свѣшлый взоръ ея нечаянно устремлялся на юношей Новгородскихъ, то она краснѣлась, не зная причины: стыдливость есть тайна невинности и добродѣтели. Любитъ мать и свяшо исполнятъ ея волю, любитъ братьевъ и милыми ласками доказывають имъ свою нѣжность, было единственною попребностію сей крошккой души. Но Судьба несповѣдимая захошѣла ввергнуть ее въ мяшежъ спрасшей че-

ловѣческихъ; прелестная какъ роза погибнетъ въ бурѣ, но съ твердосію и великодушіемъ: она была Славянка!... Искра едва не землѣ свѣшится: сильный вѣтеръ развѣваетъ изъ нее пламя.

Отворяется дверь уединеннаго перема, и служанки входяшъ съ богатымъ нарядомъ: подаютъ Ксеніи одежду алую, ожерелье жемчужное, серьги изумрудныя; произносяшъ имя матери ея, и дочь, всегда послушная, спѣшишъ нарядиться, не зная, для чего. Скоро приходишъ Марѳа, смотришъ на Ксенію, смягчается душею и даетъ волю слезамъ материнской горячности... Можешъ бытъ, тайное предчувствіе въ сію минуту омрачило сердце ея; можешъ бытъ, милая дочь казалась ей несчастною жертвою, украшенною для олшаря и смерти! Долго не можешъ она говоришъ, прижимая любезную, спокойную невинность къ пламенной груди своей; наконецъ укрѣпилась силою мужества и сказала: «Радуйся, «Ксенія! сей день есшъ щасливѣйшій въ жизни твоей; нѣжная мать избираешъ тебѣ «супруга, достойнаго бытъ ея сыномъ!...» Она ведетъ ее въ храмъ Софійскій.

Уже народъ свѣдалъ о семъ знаменіишомъ бракѣ, изъявлялъ радость свою и шумными толпами провожалъ Ксенію, изумленную, встревоженную споль внезапною переменною судьбы своей... Такъ юная горлица, воспитанная подъ крыломъ матери, вдругъ видишъ мирное гнѣздо свое разрушенное вихремъ, и сама несется

имъ въ неизвѣстное пространство; напрасно хопѣла бы она слабымъ усиліемъ нѣжныхъ крыльевъ своихъ прошивишься стремленію бури... Уже Ксенія стоишь предъ олшаремъ подлѣ юноши; уже совершается обрядъ порожественный; уже она супруга: но еще не взглянула на того, кто долженъ быть опнынъ властелиномъ судьбы ея... О слава священныхъ правъ матери и добродѣтельной покорности дѣвъ Славянскихъ!... Самъ Теофилъ* благословилъ новобрачныхъ. Ксенія рыдала въ объятіяхъ матери, которая, съ нѣжностію обнимала дочь свою и Мірослава, въ то же время принимала съ величіемъ усердныя поздравленія Чиновниковъ. Іосафъ Дѣлинскій именемъ всѣхъ гражданъ звалъ юношу въ домъ Ярославовъ. «Ты не имѣешь родителей,» говорилъ онъ: «опечество признаешь себя великимъ сыномъ своимъ; и главный защитникъ правъ Новгородскихъ да живешь шамъ, гдѣ Князь добродѣтельный утвердилъ ихъ своею печатію, и гдѣ Новгородъ желаетъ нынѣ угостишь новобрачныхъ!....» Игътъ, опвѣщивовала Марѳа: еще мечъ Іоанновъ не преломился о щитъ Мірослава или не обагрился его кровію за Новгородъ!... и тихо примолвила: о вѣрный другъ Борецкихъ! хотя въ сей день, въ послѣдній разъ, да буду матерью, одна среди моего семейства! — Она вышла изъ храма съ дѣтьми своими. Чиновники не дерзали слѣдовать за нею, и народъ далъ новобрач-

* Тогдашій Епископъ Новгородскій.

нымъ дорогу; жены знаменитыя усыпали ее цвѣтами до самыхъ вѣрошъ Посадницы. Мірославъ велъ нѣжную, шомную Ксенію (и Новгородъ никогда еще не видалъ споль прелестной чешы) — впереди Марѳа — за нею два сына ея. Музыканшы чужеземные шли вдали, играя на своихъ гармоническихъ орудіяхъ. Граждане забыли опасносшь и войну; веселіе сіяло на лицахъ; и всякой опецъ, смотря на величественнаго юношу, гордился имъ какъ сыномъ своимъ; и всякая мать, видя Ксенію, хвалилась ею какъ милою своею дочерью. Марѳа веселилась усердіемъ народнымъ: облако всегдашней задумчивоспи исчезло въ глазахъ ея; она взираала на всѣхъ съ улыбкою привѣшливой благодарности.

Съ самой кончины Исаака Борецкаго домъ его представлялъ уныніе и пустошу горести: теперъ онъ снова украшается коврами драгоценными и богатыми шканими Нѣмецкими; вездѣ зажигающія свѣщильники серебряные, и вѣрные слуги Борецкихъ радостными шолпами встрѣчаютъ новобрачныхъ. Марѳа сядишя за споль, съ дѣшми своими; ласкаетъ ихъ, цѣлуетъ Ксенію, и всю душу свою изливаетъ въ искреннихъ разговорахъ. Никогда милая дочь ея не казалась ей споль любезною. «Ксенія!» говоритъ она: «нѣжное, крошкое «сердце швое узнаетъ теперъ новое шасшіе, «любовь супружескую, которой всѣ другія чув- «ства уступаютъ. Въ ней жена малодушна» «осужденная рокомъ на однѣ жалобы и слезы

«бѣдствіяхъ, находишь твердосць и рѣши-
«тельность, коюмоу можешь завидовашь Ге-
«рою!... О дѣши любезныя! теперь ошкрою
«вамъ тайну моего сердца!...» Она дала знакъ
рукою, и многочисленныя слуги удалились....
«Было время, и вы помните его (продолжала
«Марѳа), когда машь ваша жила единственнo
«для супруга и семейства въ тишинѣ дома
«своего, боялась шума народнаго, и только
«въ храмы священные ходила по спогнамъ; не
«знала ни вольности, ни рабства; не знала,
«повинуясь сладкому закону любви, что есть
«другіе законы въ свѣтѣ, ошъ копорыхъ за-
«висишь щастіе и бѣдствіе людей. О время
«блаженное! твои милыя воспоминанія извле-
«кають еще нѣжныя слезы изъ глазъ моихъ!...
«Кто нынѣ узнаетъ машь вашу? Нѣкогда роб-
«кая, боязливая, уединенная, съ смѣлою твер-
«достью предсѣдаетъ теперь въ Совѣтѣ Спа-
«сѣйшинѣ, является на лобномъ мѣстѣ среди
«народа многочисленнаго, велишь умолкнуть
«тысячамъ, говоришь на Вѣчѣ, волнуешь на-
«родъ какъ море, пребуешь войны и крово-
«пролитія — та, копорую прежде одно имя
«ихъ ужасало!... Чшожь дѣйствуешь въ душѣ
«моей? что премѣнило ее столь чудесно? Ка-
«кая сила даетъ мнѣ власть надъ умами со-
«гражданъ? Любовь!... одна любовь... къ ошцу
«вашему, сему Герою добродѣтели, копорый
«жилъ и дышалъ опеческвомъ!... Гошовый
«выспунишь въ поле прошивъ Липовцевъ,
«онъ казался задумчивымъ, безпокойнымъ; на-

«конецъ открылъ мнѣ душу свою и сказалъ:
«Я могу положить голову въ сей войнѣ крово-
«пролитной; дѣти наши еще младенцы; съ мо-
«ею смертію умолкнетъ голосъ Борецкихъ на
«Вѣчѣ, гдѣ онъ издревле славилъ вольность и
«воспалялъ любовь къ отечеству. Народъ слабъ
«и легкомысленъ: ему нужна помощь великой
«души въ важныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ.
«Я предвижу опасности, и встѣхъ опаснѣе для
«насъ Князь Московскій, который тайно жела-
«етъ покорить Новгородъ. О другъ моего сердца;
«успокой его! Лѣтописи древнія сохранили име-
«на нѣкоторыхъ великихъ женъ Славянскихъ:
«клянись мнѣ превзойти ихъ! клянись замѣнить
«Исаака Борецкаго въ народныхъ совѣтахъ,
«когда его не будетъ на свѣтѣ! клянись быть
«вѣчнымъ врагомъ непріятелей свободы Нового-
«родской: клянись умереть защитницею правъ
«ея! и тогда умру спокойно.... Я дала клятву...
«Онъ погибъ, вмѣстѣ съ моимъ щастіемъ....
«Не знаю, капились ли изъ глазъ моихъ слезы
«на гробъ его: я не о слезахъ думала, но обо-
«жавъ супруга, пылала ревностію воскресить
«въ себѣ душу его. Мудрыя преданія древно-
«спи, языки чужеземные, лѣтописи народовъ
«вольныхъ, опыты вѣковъ, просвѣтили мой
«разумъ. Я говорила — и старцы съ удивле-
«ніемъ внимали словамъ моимъ; народъ добро-
«душный, осыпанный моими благодѣяніями,
«любитъ и славитъ меня; чиновники имѣютъ
«ко мнѣ довѣренность, ибо думаю только о
«славѣ Новаграда; враги и завистники... но я

«презираю ихъ. Всѣ видятъ дѣла мои; но вы
 «одни знаете теперь ихъ тайный источникъ.
 «О Ксенія! я могу служить тебѣ примѣромъ;
 «но ты, юноша, избранный сынъ моего сердца,
 «желай только сравняться съ опцемъ ея.
 «Онъ любилъ супругу и дѣшей своихъ; но съ
 «радостію предалъ бы насъ въ жертву опечес-
 «честву. Гордость, славолубіе, героическая
 «добродѣтель есть свойство великаго мужа:
 «жена слабая бываетъ сильна одною любовію;
 «но чувствуя въ сердцѣ ея небесное вдохно-
 «веніе, она можетъ превзойти великодушіемъ
 «самыхъ великихъ мужей, и сказать року: не
 «страшусь тебя! Такъ Ольга любовію къ па-
 «мяти Игоря заслужила безсмертіе; такъ Мар-
 «ѳа будешь удивленіемъ потомства, если
 «злословіе не омрачитъ дѣлъ ея въ лѣтопи-
 «сяхъ!....»

Она благословила дѣшей, и заключилась въ
 уединенномъ своемъ перемѣ; но сонъ не смы-
 калъ глазъ ея. — Въ самую глубокую полночь
 Марѳа слышитъ тихій шукъ у двери; опво-
 ряетъ ее — и входитъ человекъ суроваго ви-
 да, въ одеждѣ не Русской, съ длиннымъ ме-
 чемъ Липовскимъ, съ златою на груди звѣз-
 дою; едва наклоняетъ свою голову, объявля-
 етъ себя тайнымъ Посломъ Казимира, и пред-
 ставляетъ Марѣ письмо его. Она съ гордою
 скромностію опвѣстивуетъ: *жена Новгород-*
ская не знаетъ Казимира; я не возьму грамоты.
 Хищрый Полякъ хвалитъ Героиню Великаго
 града, извѣстную въ самыхъ опдаленныхъ

странахъ, уважаемую Царями и народами. Онъ уподобляешъ ее великой дочери Краковой, и называешъ *Новгородскою Вандсю* *.... Марѳа внимаетъ ему съ равнодушіемъ. Полякъ описываетъ ей величіе своего Государя, щастіе союзниковъ и бѣдствіе враговъ его... Она съ гордоспїю садится. Казимиръ великодушно предлагаетъ Новгороду свое заскупленіе, говоритъ онъ: «пребуйте, и легіоны Польскіе окружають васъ своими щипами!...» Марѳа задумалась... «Когда же спасемъ васъ, тогда...» Посадница быспро взглянула на него... «Тогда благодарные Новгородцы должны признають въ Казимиръ своего благошворишеля — и властелина, который безъ сомнѣнія не употребитъ во зло ихъ довѣренности....» Умолкни! грозно восклицаетъ Марѳа... Изумленный пылкимъ ея гнѣвомъ, Посолъ безмолвствуетъ; но, успѣдаясь робости своей, возвышаетъ голосъ и хочетъ доказать необходимую гибель Новгорода, еспли Казимиръ не защититъ его отъ Князя Московскаго... «Лучше погибнуть отъ руки Іоанновой, нежели спастись отъ вашей?» съ жаромъ отвѣтствуетъ Марѳа: «Когда вы не были лютыми врагами народа Русскаго? когда міръ надѣялся на слово Польское? Давно ли самъ невѣрный Амурашъ удивлялся вѣроломству вашему **? И вы дерзаете мыслишь,

* О сей Королевъ Польскія льтописи рассказываютъ чудеса.

** Сіе происшествіе было тогда еще ново. Владиславъ, Король Польскій, едва заключивъ шоржеспвенный миръ съ Султаномъ, нечаянно напалъ на его владѣнія.

что народъ великодушный захочетъ унасть на колѣна предъ вами? Тогда бы Іоаннъ справедливо укорялъ насъ измѣною. Нышъ! есшь-ли угодно Небу, то мы падемъ съ мечемъ въ рукъ предъ Княземъ Московскимъ: одна кровь течетъ въ жилахъ нашихъ; Русской можешь покориться Русскому, но чужеземцу—никогда, никогда!... Удались немедленно; и есшьли восходящее солнце освѣтитъ тебя еще въ снѣгахъ Новгородскихъ, ты будешь высланъ съ безчестіемъ. Такъ, Марѳа любима народомъ своимъ; но она велишь ему ненавидѣть Литву и Польшу... Вошь опѣвъъ Казимиру!» — Посолъ удалился.

На другой день Новгородъ представилъ вмѣстѣ и грозную дѣятельность воинскаго спана и великолѣпіе народнаго пиршества, даннаго Марѳою въ знакъ ея семейственной радости. Спукъ оружія раздавался на спогнахъ. Вездѣ являлись граждане въ шлемахъ и въ лапахъ; сшарцы сидѣли на великой площади и разсказывали о битвахъ юношамъ неопышнымъ, которые вокругъ ихъ толпились, и еще въ первый разъ видѣли на себѣ доспѣхи блестящіе. Въ то же время безчисленные сполы накрывались вокругъ Мѣсша Вадимова: ударили въ колоколъ, и граждане съли за нихъ; воины клали подлѣ себя оружіе, и пировали. Рука изобилія подавала яспва. Борецкіе угощали народъ съ воспочною роскошію. Мірославъ и Ксенія ходили вокругъ споловъ и просили гражданъ веселишья. Юный полководецъ ла-

сково говорилъ съ ними; юная супруга его кланялась имъ привѣшливо. Въ сей день Новгородцы соспавляли одно семейство: Марѳа была его матерью. Она садилась за всякимъ столомъ, называла гражданъ своими госпями любезными, служила имъ, дружески бесѣдовала съ ними, хопѣла казаться равною со всѣми и казалась Царицею. Громогласныя изъявленія усердія и радости встрѣчали и провожали ее; когда она говорила, всѣ безмолвствовали; когда молчала, всѣ говорили хопѣли, чѣобы славишь и величаютъ Посадницу. За первымъ столомъ и въ первомъ мѣстѣ сидѣлъ древнѣйшій изъ Новгородскихъ старцевъ, котораго отецъ помнилъ еще Александра Невского: внукъ съ сѣдою брадою принесъ его на пиръ народный. Марѳа подвела къ нему новобрачныхъ: онъ благословилъ ихъ и сказалъ: *живите мои лѣта, но не переживайте славы Новгородской!*.. Сама Посадница налила ему серебряный кубокъ вина Фряжскаго: старецъ выпилъ его, и томная кровь начала быстрѣе въ немъ обращаться. «Марѳа!» говорилъ онъ: «я былъ свидѣтелемъ твоего славнаго рожденія на берегу Невы. Храбрый Молинскій занемогъ въ спанѣ: войско не хопѣло сражаться до его выздоровленія. Мать твоя спѣшила къ нему изъ Великаго града; и когда мы разили Нѣмецкихъ Рыцарей—когда родителъ твой, еще блѣдный и слабый, мечемъ своимъ указывалъ намъ путь къ ихъ святому прапору, ты родилась. Первый вопль твой былъ для насъ гласомъ побѣ-

ды; но Молинскій упалъ мертвый на шло Великаго Магистра Рудольфа, имъ сраженнаго!... Финскій волхвъ, жившій тогда на берегу Невы, пророчествовалъ, что судьба швоя будетъ слава, но...» Спарецъ умолкъ. Марѳа не хотѣла изъяснить любопытства.

Всѣ чиновники вмѣстѣ съ нею и дѣшми ея служили народу. Гости иностранные украсили Великую площадь разноцвѣтными пирамидами, изобразивъ на нихъ имена и гербы вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ. Вокругъ пирамидъ, въ большихъ корзинахъ, лежали шовары чужеземные: Марѳа дарили ихъ народу. Мраморный образъ Вадимовъ былъ увѣнченъ искусственными лаврами; на щипѣ его вырѣзалъ Дѣлинскій имя Мірослава: граждане, увидѣвъ шо, воскликнули опъ радости, и Марѳа съ чувствительностію обняла своего друга. Всѣ Новогородцы ликовали, не думая о будущемъ: Михаилъ Храбрый не хотѣлъ брать участія въ народномъ веселіи, сидѣлъ въ задумчивости подлѣ Вадимовой статуи и въ безмолвіи осприлъ мечъ на ея подножіи. — Пиршество заключилось ввечеру пышными огнями.

Скоро гонецъ возвратился изъ Пскова и на лобномъ мѣстѣ вручилъ грамоту Степенному Посаднику. Онъ читалъ—и съ печальнымъ видомъ ошдалъ письмо Марѳѣ... «Друзья!» сказала она знаменитымъ гражданамъ: «Псковитяне, какъ добрые братья, желаютъ Новугороду шассія—шакъ говорятъ они — шолько

дають намъ совѣты, а не войско — и какіе совѣты? ожидають всего опъ Іоанновой милоспи!...» *Измѣнники!* воскликнули всѣ граждане. *Недостойные!* повпоряли госпи чужеземные. *Отмстимъ имъ!* говорилъ народъ. *Презрѣніемъ!* опвѣтспвовала Марѳа; изорвала письмо, и на опрывкѣ его написала ко Псковищянамъ: доброму желанію не вѣримъ, совѣтомъ гнушаемся, а безъ войска вашего обойтиса можемъ.

Новгородъ, оставленный союзниками, еще съ большею ревностію началъ вооружаться. Ежедневно опправлялись гонцы въ его области, съ повелѣніемъ высылать войско. Жители береговъ Невскихъ, великаго озера Ильменя, Онеги, Мологи, Ловаши, Шелоны, одни за другими являлись въ общемъ спанѣ, въ который Мірославъ вывелъ гражданъ Новгородскихъ. Усердіе, дѣятельность и воинскій разумъ сего юнаго Полководца удивляли самыхъ опытныхъ вищазей. Онъ вспрѣчалъ на конѣ солнце, составлялъ легіоны, пріучалъ ихъ къ спройному шествию, къ быспрымъ движеніямъ и спремительному нападенію, въ присущствіи женъ Новгородскихъ, копорья съ любопытствомъ и шайнымъ ужасомъ спрѣли на сей образъ бишвы. Между спаномъ и врагами Московскими возвышался холмъ; шуда обращался взоръ Мірослава, какъ скоро порывъ вѣтра разсѣвалъ облака пыли: шамъ спояла обыкновенно, вмѣстѣ съ машерью, прелесшная Ксенія, уже спрасшная, чувспвишальная супруга.... Сердце невинное и скром-

ное любилъ шѣмъ пламениѣ, когда оно, слѣдуя закону Божественному и человѣческому, навѣкъ отдается достойному юношѣ. Жены Славянскія издревле славилась нѣжностію. Ксенія гордилась Мірославомъ, когда онъ блестящимъ махомъ меча своего приводилъ все войско въ движеніе, леталъ орломъ среди полковъ — восклицалъ, и единымъ словомъ осшавливалъ быстрыя тысячи; но чрезъ минушю слезы капились изъ глазъ ея.... она спѣшила оширать ихъ съ милою улыбкою, когда мать на нее смошрѣла. Часно Марѣа сходилась съ высокаго холма, и въ шумномъ замѣшательствѣ шерялась между безчисленными рядами воиновъ.

Пришло извѣстіе, что Іоаннъ уже спѣшилъ къ Великому граду съ своими храбрыми, опышными легіонами. Еще изъ дальнихъ областей Новгородскихъ, опѣ Каргополя и Двины, ожидали войска; но Верховный Совѣтъ далъ Вождю повелѣніе, и Мірославъ сорвалъ покровъ съ *хоругви отечества*... она возвѣялась, и громкое восклицаніе раздалось: *друзья! въ поле!* Сердца родишелей и супругъ зашрепешали.... Тысячи колеблюшся и высшупающъ: первая и вшорая сосшояли изъ знаменишыхъ гражданъ Новгородскихъ и Людей Жишыхъ; одежда ихъ опличалась богатшвомъ, оружіе блескомъ, осанка благородшвомъ, а сердца пылкостью; каждый изъ нихъ могъ уже славишся дѣлами мужесшва или почтенными ранами. Михаилъ Храбрый шелъ наряду съ другими,

какъ просшій воинъ. Юный Мірославъ взялъ его за руку, вывелъ впередъ и сказалъ: *Честъ Витязей! повелъвай сими мужами знаменистыми!* Михаилъ хотѣлъ взглянуть на него съ гордостію; но взоръ его изъявилъ чувствительность... «Юноша! я врагъ Борецкихъ!...» «Но другъ славы Новгородской!» опвѣщивалъ Мірославъ, и Витязь обнялъ его, сказавъ: *ты хочешь моей смерти!* За симъ легиономъ шла дружина великодушныхъ, подъ начальствомъ Рапсгера Любекскаго. Знамя ихъ изображало двѣ соединенныя руки надъ пылающимъ жертвенникомъ, съ надписью: *дружба и благодарность!* Они, вмѣстѣ съ Новгородцами, сославляли большой полкъ, Онежцы и Волховцы передовой, жили Деревской области правую, Шелонскіе лѣвую руку, а Невскіе стражу *. Мірославъ велъ войску остановиться на равнинѣ.... Марѳа явилась среди его и сказала:

«Воины! въ послѣдній разъ да обращаются глаза ваши на сей градъ, славный и великолѣпный: судьба его написана перомъ на щитахъ вашихъ! Мы встрѣшимъ васъ со слезами радости или опечаленія, прославимъ героевъ или утѣшимся малодушныхъ. Еслили возвратишься съ побѣдою, то щастливы родители и жены Новгородскія, которыя обнимутъ дѣтей и супруговъ; еслили возвратишься по-

* Такъ раздѣлялись тогда арміи. Большимъ полкомъ назывался главный корпусъ, а стражею или спорожевымъ полкомъ аріерградъ.

бѣжденные, то будутъ щастливы сирые, безчадные и вдовицы!... Тогда живые позавидуютъ мертвымъ!»

«О воины великодушные! вы идете спасти отечество и навѣки утвердите благіе законы его; вы любите шѣхъ, съ которыми должны сражаться: но почто же ненавидятъ они величіе Новаграда? Опраздите ихъ — и тогда съ радостію примиримся съ ними!

«Грядите — не съ миромъ, но съ войною для мира! Донынѣ Богъ любилъ насъ; донынѣ говорили народы: *кто противъ Бога и Великаго Новаграда!* Онъ съ вами: грядите!»

Заиграли на трубахъ и липаврахъ. Мірославъ вырвался изъ объятий Ксеніи. Марѳа, возложивъ руки на юношу, сказала только: *исполни мою надежду.* Онъ сѣлъ на гордаго коня, блеснулъ мечемъ — и войско двинулось, громко взывая: *кто противъ Бога и Великаго Новаграда!* Знамена развѣвались, оружіе гремѣло и сверкало, земля сонакла отъ конскаго топота — и въ облакахъ пыли сокрылись грозныя тысячи. Жены Новгородскія не могли удержатъ слезъ своихъ; но Ксенія уже не плакала, и съ твердостію сказала матери: *отнынѣ ты будешь моимъ примѣромъ!*

Еще много жилищей осталось въ Великомъ градѣ; но пишина, кошорая въ немъ царствуетъ по опходу войска, скрываетъ число ихъ. Торговая сторона * опустѣла: уже иностранные гости не раскладываютъ тамъ драгоцен-

* Часть города, гдѣ жили купцы.

ныхъ своихъ товаровъ для прельщенія глазъ; огромныя хранилища, наполненныя богатствами земли Русской, зашворены; не видно никого на *Мѣстѣ Княжескомъ*, гдѣ юноши любили славиться искусствомъ и силою въ разныхъ играхъ богатырскихъ—и Новгородъ, шумный и воинственный за нѣсколько дней предъ шѣмъ, кажется великою обителью мирнаго благочестія. Всѣ храмы опворены съ утра до полуночи: Священники не снимаютъ ризъ, свѣчи не угасаютъ предъ образами, ѳиміамъ безпрестанно курится въ кадилахъ, и молебное пѣніе не умолкаетъ на крилосахъ; народъ наполнился въ церквахъ; спарцы и жены преклоняютъ колѣна. Робкое ожиданіе, страхъ и надежда, волнуя сердца, и люди, встрѣчаясь на спогнахъ, не видятъ другъ друга... Такъ народъ дерзко зовешь къ себѣ опасности издали; но видя ихъ вблизи, бываешь робокъ и малодушенъ! Одни чиновники кажутся спокойными — одна Марѳа шверда душою, дѣяшельна въ совѣтѣ, словоохотна на Великой Площади среди гражданъ и весела съ домашними. Юная Ксенія не уступаетъ матери въ знакахъ наружнаго спокойствія, но только не можешь разлучиться съ нею, укрѣпляясь въ душѣ видомъ ея геройской твердости. Онѣ вмѣстѣ проводятъ дни и ночи. Ксенія ходила съ матерью даже въ Совѣтъ Верховный.

Первый гонецъ Мірославовъ нашелъ ихъ въ саду: Ксенія поливала цвѣты — Марѳа сидѣла подъ вѣтвями древняго дуба, въ глубокомъ

размышленіи. Мірославъ писалъ, что войско изъявляетъ жаркую ревность; что всѣ именитые вишязи увѣряютъ его въ дружбѣ, и всѣхъ болѣе Димитрій Сильный; что Іоаннъ соединилъ полки свои съ Тверскими, и приближается; что славный Воевода Московскій, Василій Образецъ, идетъ впереди, и что Холмскій есть главный по Князю начальникъ. — Впорый гонецъ привезъ извѣстіе, что Новгородцы разбили опрядъ Іоаннова войска, и взяли въ плѣнъ 50 Московскихъ дворянъ. — Съ прешьимъ Мірославъ написалъ только одно слово: *сражаемся*. Тушъ сердце Марѣи наконецъ запрепешало: она спѣшила на Великую Площадь, сама ударила въ *Вльчевый колоколъ*, объявила гражданамъ о началѣ рѣшительной битвы, спала на Вадимовомъ Мѣстѣ, успремила взоръ на Московскую дорогу и казалась неподвижною. Солнце восходило... уже лучи его пылали, но еще не было никакого извѣстія. Народъ ожидалъ въ глубокомъ молчаніи, и смотрѣлъ на Посадницу. Уже наступалъ вечеръ... и Марѣа сказала: «я вижу облака пыли.» Всѣ руки поднялись къ небу... Марѣа долго не говорила ни слова.... Вдругъ, закрывъ глаза, громко воскликнула: *Мірославъ убитъ! Іоаннъ побѣдитель!* и бросилась въ объятія къ несчастной Ксеніи.

К Н И Г А Т Р Е Т І Я.

Марѳа съ высокаго Мѣста Вадимова увидѣла разсѣянные тысячи бѣгущихъ и среди ихъ колесницу, осыненную знаменами: такъ издревле возили Новгородцы тѣла убитыхъ вождей своихъ...

Безмолвіе мужей и спарцевъ въ Великомъ градѣ было ужаснѣе вопля женъ малодушныхъ.. Скоро Посадница ободрилась и велѣла оппечить врага Московскія. Бѣглецы не смѣли явиться народу, и скрывались въ домахъ. Колесница медленно приближалась къ Великой Площади. Вокругъ нее шли, пошупивъ глаза въ землю — съ горестію, но безъ стыда—Люди Жишые и воины чужеземные; кровь запеклась на ихъ оружіи; обломанные щипы, обрубленные шлемы, показывали слѣды безчисленныхъ ударовъ непріятельскихъ. Подъ сѣнію знаменъ, надъ тѣломъ вождя, сидѣлъ Михаилъ Храбрый, блѣдный, окровавленный; въперъ развѣвалъ его черные волосы, и томная глава склонялась ко груди.

Колесница остановилась на Великой Площади.. Граждане обнимали воиновъ; слезы текли изъ глазъ ихъ. Марѳа подала руку Михаилу съ видомъ сердечнаго дружелюбія; онъ не могъ итти: чиновники внесли его на желѣзные ступени Вадимова Мѣста. Посадница открыла тѣло убитаго Мірослава... на блѣдномъ лицѣ его изображалось вѣчное спокойствіе смерти... *Щастливый юноша!* произнесла она

шихимъ голосомъ, и спѣшила внимашь Храброму Михаилу. Ксенія обливала слезами хладныя уста своего друга, но сказала мащери: «будь покойна: я дочь швоя!»

На щипахъ посадили вишязя, опъ ранъ ослабѣвшаго; но онъ собралъ изнуренныя силы, поднялъ помную голову, оперся на мечъ свой, и вѣщаль швердымъ голосомъ:

«Народъ и граждане! разбишо воинство храброе, убишъ полководецъ великій. Небо лишило насъ побѣды, — не славы!»

«На берегахъ Шелоны мы встрѣпились съ Иоанномъ. Его именемъ Князь Холмскій прѣбывалъ тайнаго свиданія съ Мірославомъ. Увидимся на полѣ ратномъ! опвѣшшвовалъ гордый юноша — и спройно посшавилъ воинство. Онежцы первые вступили въ бой на высопахъ Шелонскихъ: тамъ Образецъ, славный Воевода Московскій, принялъ ихъ удары на щипъ свой... Мы шли въ срединѣ, тихо и въ безмолвіи. Мірославъ впереди наблюдалъ движенія и силу враговъ. Воинство Иоанново было многочисленнѣе нашего; необозримые ряды его шѣснились на равнинѣ. Мы видѣли Князя Московскаго на бѣломъ конѣ; видѣли, какъ онъ распоряжалъ легіоны и блестящимъ мечемъ своимъ указывалъ на сердце Новгородское, на хоругвь отечества; видѣли Князя Холмскаго, съ сильнымъ опрядомъ идущаго окружишъ насъ... Мірославъ повелѣлъ, и Спража Невская съ Димитріемъ Сильнымъ двинулась на встрѣчу къ нему. Въ-

«роломный!... Еще Онежцы и Волховцы не
«могли занять бугровъ Шелонскихъ: мечъ
«вишязя Образца дымился ихъ кровію. Міро-
«славъ, пылая нестерпніемъ, лешѣлъ шуда на
«бурномъ конѣ своемъ: мы взглянули—и зна-
«мена Новгородскія уже развѣвались на хол-
«махъ — и Волховцы на щипахъ своихъ под-
«няли вверхъ шѣло убишаго начальника Мос-
«ковского. Тогда, воскликнувъ громогласно:
«*кто противъ Бога и Великаго Новаграда?* всѣ
«ряды наши устремились въ битву, и срази-
«лись.... На всей равнинѣ запрещало оружіе,
«и кровь полилась рѣкою. Я видалъ битвы,
«но никогда такой не видывалъ. Грудь Русская
«была противъ груди Русской, и вишязи съ
«обѣихъ сторонъ хотѣли доказать, что они
«Славяне. Взаимная злоба братій есть самая
«ужасная!... Тысячи падали; но первые ряды
«казались цѣлы и невредимы: каждый пылалъ
«ревностію заступитъ мѣсто убишаго, и без-
«жалостно попираетъ ногою трупъ своего бра-
«та, чтобы только отмстить смерть его.
«Воины Іоанновы стояли твердынею непоко-
«лебимою: Новгородскіе стремились на нихъ
«какъ бурныя волны. Одни сражались за честь,
«другіе за честь и вольность: мы шли впе-
«редъ!... за полководцемъ нашимъ, который
«искалъ взоромъ Іоанна. Князь Московскій
«былъ окруженъ знаменитыми вишязями; Мі-
«рославъ разсѣкъ сію крѣпкую ограду — под-
«нялъ руку — и медлилъ. Сильный оружено-
«сецъ Іоанновъ ударилъ его мечемъ въ голову,

«и шлемъ распался на части: онъ хотѣлъ
«повпорить ударъ; но самъ Іоаннъ закрылъ
«Мірослава щипомъ своимъ. Опасность вождя
«удвоила наши силы — и скоро главная дру-
«жина Московская замѣшалась. Новгородцы
«воскликнули побѣду; но въ то же мгновенье
«имя Іоанново гремѣло за нами.... Мы съ уди-
«вленіемъ обрашили взоръ: Князь Холмскій
«спылу разилъ лѣвое крыло Новгородское....
«Димитрій измѣнилъ согражданамъ!.... не ис-
«полнилъ повелѣній вождя, завелъ Спражу
«въ непроходимыя блата, не встрѣшилъ вра-
«га и далъ ему время окружить наше войско.
«Мірославъ спѣшилъ ободрить изумленныхъ
«Шелонцевъ: онъ помогъ имъ только умереть
«великодушиемъ! Герой сражался безъ шлема;
«но всякій усердный воинъ Новгородскій слу-
«жилъ ему щипомъ. Онъ увидѣлъ Димитрія
«среди Московской дружины—послѣднимъ уда-
«ромъ наказалъ измѣнника, и палъ опъ руки
«Холмскаго; но падая на берегу Шелоны, бро-
«силъ мечъ свой въ быспрыя воды ея...»

Тутъ ослабѣлъ голосъ Михаила; взоръ по-
мрачился облакомъ; блѣдныя уста онѣмѣли;
мечъ выпалъ изъ руки его; онъ зашрепешалъ
—взглянулъ на образъ Вадимовъ, и закрылъ
навѣки глаза свои... Чиновники положили шѣ-
ло его на колесницу, рядомъ съ Мірославовымъ.

«Народъ!» сказалъ Александръ Знаменитый,
старшій изъ вишязей: «благослови память
«Михаила! Онъ вышелъ изъ битвы съ хоруг-

«вію отечества, съ шѣломъ Мірослава, оба-
«гранный кровію безчисленныхъ враговъ и соб-
«спвенною; собралъ осшашки храбрыхъ Лю-
«дей Жишыхъ, Дружины великодушныхъ, и въ
«самомъ бѣдспвіи казался грознымъ Іоанну —
«враги видѣли насъ еще не мершвыхъ, и споя-
«ли неподвижно. Радость побѣды изображалась
«на ихъ лицахъ вмѣспѣ съ ужасомъ: они ку-
«пили ее смертію славнѣйшихъ Московскихъ
«вишязей. Народъ и чиновники! многіе Ново-
«городцы погибли славно: радуйтесь! нѣкошо-
«рые спаслися бѣгспвомъ: презирайте мало-
«душныхъ! Мы живы, но не спыдимся! Со-
«чшите знаменишихъ гражданъ: ихъ осшалось
«менѣе половины; всѣ они легли вокругъ хо-
«ругви отечества.» — «Сочшите насъ!» ска-
залъ начальникъ Дружины великодушныхъ: «изъ
«семи сошъ чужеземныхъ брашій Новгород-
«скихъ видите прешію часшъ: всѣ они легли
«вокругъ Мірослава.»

«Убишы ли сыны мои?» спросила Марѳа съ
нешерпѣніемъ. Оба, ошвѣшспвовалъ Алек-
сандръ Знаменитый * съ гореспію. «Хвала
«Небу!» сказала Посадница. «Ошцы и машери
«Новгородскіе! шеперь я могу ушѣшашъ васъ!..
«Но прежде, о народъ! будь спрогимъ, неумо-
«лимымъ судіею и рѣши — судьбу мою! Уны-
«лое молчаніе царспвуешъ на Великой Пло-
«щади; я вижу знаки ошчаянія на многихъ

* Въ лѣшописяхъ сказано, что сынъ ея Димитрій былъ
взяшъ въ плѣнъ.

«лицахъ. Можешъ бышь, граждане сожалѣюшъ
«о томъ, что они не упали на колѣна предъ
«Іоанномъ, когда Холмскій объявилъ намъ во-
«лю его власпвовашъ въ Новѣгородъ; можешъ
«бышь, тайно обвиняюшъ меня, что я хощъ-
«ла оживишь въ сердцахъ гордостъ народную!..
«Пусть говорятъ враги мои; и есѣли они
«докажущъ, что сердца Новгородскія не
«опѣвѣспвуютъ моему сердцу; что любовь къ
«свободѣ естъ преступленіе для гражданки
«вольнаго опечесѣва: то я не буду оправды-
«вашься, ибо славлюсь моею виною, и съ ра-
«достію кладу голову свою на плаху. Пошли-
«те ее въ даръ Іоанну, и смѣло требуйте его
«милосѣи!... »

«Нѣшъ! нѣшъ!» воскликнулъ народъ въ жи-
вѣйшемъ усердіи: «мы хощимъ умерешъ съ
«шобою! Гдѣ враги твои? гдѣ друзья Іоанно-
«вы? Пусть говорятъ они: мы пошлемъ ихъ
«головы къ Князю Московскому!» — Опѣцы, ко-
торые лишились дѣшей въ бишѣ Шелонской,
пронушые великодушіемъ Марѣы, цѣловали
одежду ея и говорили: *прости намъ! мы пла-*
кали!... Слезы текли изъ глазъ Марѣы. «На-
«родъ!» сказала она: «съ такою душею ты еще
«не побѣжденъ Іоанномъ! Нѣшъ величія безъ
«опасносѣей и бѣдспвія: Небо искушаетъ
«ими любимцевъ своихъ. Бывали шучи надъ
«Великимъ градомъ; но опѣцы наши не опу-
«скали мечей, и мы родились свободными.
«Издревле щаспіе воинское слависъ превращ-
«носпію. Новгородъ видалъ шѣла полководцевъ

«на лобномъ мѣстѣ; видалъ надменнаго врага
«предъ спѣнами своими: ктожь входилъ въ
«нихъ донынѣ? одни друзья его. Народъ вели-
«кодушный! будь швердъ и спокоенъ! Еще не
«все погибло: Борецкая жива и говоришь съ
«шобою! Когда желѣзныя ступени преспа-
«нушь звучашь подъ ногами моими; когда взоръ
«швой въ часъ рѣшишельный напрасно будешь
«искашь меня на Вадимовомъ Мѣстѣ; когда
«въ глубокую ночь погаснешъ лампада въ мо-
«емъ высокомъ шеремѣ и не будешь уже
«для тебя знакомъ, что Марѳа при свѣтѣ ея
«мыслишь о благѣ Новаграда: тогда, тогда
«скажи: *все погибло!*... Теперь, друзья сограж-
«дане! воздадимъ послѣднюю чesть вождю Ми-
«рославу и вишязю Михаилу! Чиновники ваши
«пекушся о безопасности града.»——Она дала
знакъ рукою, и колесница пронулась. Чинов-
ники и народъ проводили ее до Софійскаго
храма. Теофилъ съ Духовенствомъ встрѣшилъ
ихъ. Спешенный Посадникъ и Тысячскій по-
ложили шѣла во гробы.

Глубокая ночь наступила. Никто не мыслилъ
успокоиться въ Великомъ градѣ. Чиновники
поспавили спражу и заключились въ домъ
Ярослава для совѣша съ Марѳою. Граждане
толпились на спогнахъ, и боялись войти въ
дома свои — боялись вопля женъ и машерей
опчаянныхъ. Упомленные войны не хотѣли оп-
дохновенія; стояли предъ Вадимовымъ Мѣ-
стомъ, облокопясь на щипы свои, и говорили:
побѣжденные не отдыхаютъ!——Ксенія молилась
надъ шѣломъ Мірослава.

На зарѣ утренней раздалось святое пѣніе въ Софійскомъ храмѣ. Гробы вишазей были открыты. Марѳа, Ксенія, спарецъ, родишель Михайловъ, и воины съ окровавленными знаменами окружали ихъ. Горестъ изображалась на лицахъ; никто не дерзалъ сшенашь и плакать. Іосифъ Дѣлинскій именемъ Новаграда положилъ во гробы *хартію славы!* *... ихъ опустили въ землю подъ вѣяніемъ *хоругви отечества*. Посадница спала на могилу; она держала въ рукѣ цвѣты, и говорила: «Честъ «и слава храбрымъ! спыдъ и поношеніе роб- «кимъ! Здѣсь лежатъ знаменишые вишязи: «совершились ихъ подвиги; они успокоились «въ могилѣ и ничѣмъ уже не должны опече- «спву: но опечесство должно имъ вѣчною бла- «годарностію. О воины Новгородскіе! кто «изъ васъ не позавидуешъ сему жребію? Хра- «брые и малодушные умирають: блаженъ, о «комъ жалють вѣрные сограждане, и чьею «смертію они гордятся! Взгляните на сего «спарца, родишеля Михайлова: согбенный лѣ- «пами и болѣзнями, безчадный при концѣ жи- «зни, онъ благодаритъ Небо, ибо Новгородъ «погребаешъ великаго сына его. Взгляните на «сію вдовицу юную: брачное пѣніе соедини- «лось для нее съ гимнами смерти; но она «тверда и великодушна, ибо ея супругъ умеръ «за опечесство... Народъ! ешъли Всевышнему

* На сихъ хартіяхъ (говоритъ Авторъ) изображались славныя дѣла усопшаго.

«угодно сохранишь бытіе швое; есѣли гроз-
«ная шуча разсѣется надъ нами, и солнце
«озаритъ еще шоржесшво свободы въ Новѣ-
«городѣ: то сіе мѣсто да будетъ для тебѣ
«священно! Жены знаменишья да украшають
«его цвѣтами, какъ я шеперь украшаю ими
«могилу любезнѣйшаго изъ сыновъ моихъ...»
(Марѣа разсыпала цвѣты)... «и вишязя храбра-
«го, нѣкогда врага Борецкихъ; но шѣнь его
«примирилась со мною: мы оба любили ошече-
«сшво!... Сшарцы, мужи и юноши да славяшъ
«здѣсь кончину Героевъ и да клянущъ памяшъ
«измѣнника Димитрія!» *Клятва, вѣчная клят-*
ва его имени и роду! воскликнули всѣ чинов-
ники и граждане — и братель Димитрія упалъ
мершвы въ толпѣ народной — и супруга его
ошчаянная бросилась въ шумную глубину Вол-
хова.

Уже легіоны Іоанновы приближались къ Ве-
ликому граду, и медленно окружали его: на-
родъ съ высокихъ сшѣнь смошрѣлъ на ихъ
грозныя движенія. Уже бѣлый шаперъ Кня-
жескій, злашымъ шаромъ увѣнчанный, сшоялъ
предъ врагами Московскими—и Сшепенный Ты-
сячскій ошправился посломъ къ Іоанну. Ново-
городцы, гошовые умерешъ за вольность, шай-
но желали сохранишъ ее миромъ. Марѣа знала
сердца народныя, душу Великаго Князя, и
спокойно ожидала его ошвѣща. Тысячскій воз-
врашилъ съ лицомъ печальнымъ: она велѣла
ему объявишъ всенародно успѣхъ посольсшва..
«Граждане! сказалъ онъ: ваши мудрые чинов-

ники думали, что Князь Московскій, хопя и побѣдшель, но самою побѣдою, шрудною и случайною, увѣренный въ великодушїи Новгородскомъ, можешъ еще примиришься съ нами... Бояре ввели меня въ шаперъ Іоанна.... Вы знаешъ его величіе: гордымъ взоромъ и повелишельнымъ движеніемъ руки онъ пребо- валъ опъ меня знаковъ рабскаго униженія.... «Князь Московскій!» я въщаль ему: «Новгородъ «еще свободенъ! Онъ желаетъ мира, не раб- «схва. Ты видѣлъ, какъ мы умираемъ за волю- «носшь: хочешь ли еще напраснаго кровопроли- «тія? Пощади своихъ вишязей: опечесшву «Русскому нужна сила ихъ. Есшьли казна швоя «оскудѣла; есшьли богатштво Новгородское «прельщаетъ тебя—возьми наши сокровища: «завшра принесемъ ихъ въ спанъ швой съ ра- «досшю, ибо кровь согражданъ намъ драго- «цѣннѣе злапа; но свобода и самой крови намъ «драгоцѣннѣе. Оспавъ насъ только бышь «щасшливыми подъ древними законами, и мы «назовемъ тебя своимъ благошворишелемъ; «скажемъ: Іоаннъ могъ лишить насъ верховнаго «блага, и не сдѣлалъ того; хвала ему. Но есшь- «ли не хочешь мира съ людьми свободными, «то знай, что совершенная побѣда надъ ними «должна бышь ихъ испребленіемъ: а мы еще «дышемъ и владѣемъ оружіемъ; знай, что ни «шы, ни преемники швой не будутъ увѣрены въ «искренней покорности Новаграда, доколѣ «древнїя спѣны его не опусшють или не «прїимуть въ себя жштелей, чуждыхъ крови

«нашей!» — *Покорность безъ условія, или гибель мятежникамъ!* опвѣщспвовалъ Іоаннъ, и съ гнѣвомъ опврашилъ лице свое. Я удалился..

Марѳа предвидѣла дѣйствіе: народъ въ страшномъ озлобленіи пребовалъ полководца и бишвы. Александру Знаменитому вручили жезлъ начальства — и бишвы начались....

Дѣла славныя и великія! Одни Русскіе могли съ обѣихъ споронъ такъ сражаться, могли такъ побѣждать и бышь побѣждаемы. Опышность, хладнокровіе мужества и число благопріятспвовали Іоанну; пылкая храбрость одушевляла Новогородцевъ, удвояла силы ихъ, замѣняла опышность: юноши, самые опроки спановились въ ряды на мѣсто убитыхъ мужей, и войны Московскіе не чувспвовали ослабленія въ ударахъ прошивниковъ. Съ торжесспвомъ возглашалось имя Великаго Князя: иногда, хошя и рѣдко, имя вольности и Марѳы бывало также радоспнымъ кликомъ побѣдишелей (ибо вольность и Марѳа одно знаменовали въ Великомъ градѣ). Часпо Іоаннъ, видя славленную гибель упорныхъ Новогородцевъ, восклицалъ гореспно: «я лишуюсь въ нихъ доспойныхъ моего сердца подданныхъ!» Бояре Московскіе совѣщовали ему удалишсья опъ града; но великая душа его содрогалась опъ мысли усшупишъ непокорнымъ. «Хошише ли (онъ съ гнѣвомъ опвѣщспвовалъ), хошише ли, чшобы я вѣнецъ Мономаха положилъ къ ногамъ мятежниковъ?»... и суровые Муромцы, жишели

темныхъ лѣсовъ, — усердные Владимірцы спѣшили къ нему на вспоможеніе. Три раза обновлялась *Дружина Княжеская*, изъ храбрыхъ дворянъ состоящая, и знамена ея (на копорохъ изображались слова: *съ нами Богъ и Государь!*) дымились кровію.

Какъ Іоаннъ величіемъ своимъ одушевлялъ легіоны Московскіе, такъ Марѳа въ Новѣгородѣ воспаляла умы и сердца. Народъ, часто великодушный, не рѣдко слабый, унывалъ духомъ, когда новыя тысячи приходили въ спанъ Княжескій. «Марѳа!» говорилъ онъ: кто нашъ союзникъ? кто поможетъ Великому граду?...» «*Небо*, ошвъшспвовала Посадница: «влажная осень наступаетъ; блаша, насъ окружающія, скоро обращающіяся въ необозримое море; всплывушъ шапры Іоанновы, и войско его погибнетъ или удалишся.» Лучъ надежды не угасалъ въ сердцахъ, и Новогородцы сражались. Марѳа спояла на спѣнѣ, смопрѣла на бишвы и держала въ рукъ *хоругвь отечества*; иногда, видя отсшупленіе Новогородцевъ, она грозно восклицала, и махомъ святой хоругви обращала воиновъ въ бишву. Ксенія не разлучалась съ нею, и, видя паденіе вишязей, думала: *такъ палъ Мірославъ любезный!* Казалось, что сія невинная, крошкая душа веселилась ужасами кровопролищія — споль чудесно дѣйствіе любви! Сіи ужасы живо представляли ей кончину друга: Ксенія всего болѣе хотѣла и любила заниматься ею. Она знала Холмскаго по его оружію и доспѣхамъ, обогреннымъ

кровію Мірослава; огненный взоръ ея звалъ всѣ мечи, всѣ удары Новгородскіе на главу Московскаго Полководца: но желѣзный щипъ его отражалъ удары, сокрушалъ мечи, и рука сильнаго вишязя опускалась съ тяжкими язвами и гибелію на смѣлыхъ прошивниковъ. Александръ Знаменитый съ веселіемъ спѣшилъ на ратное поле, съ видомъ горести возвращался; онъ предвидѣлъ неминуемое бѣдствіе опечесхва, искалъ только славной смерти, и нашелъ ее среди Московской дружины. Съ того времени одни храбрые юноши засступали мѣсто вождей Новгородскихъ, ибо юность всего отважнѣе. Никто изъ нихъ не умиралъ безъ славнаго дѣла.

Въ одну ночь Сшепенный Посадникъ собралъ знаменитѣйшихъ Бояръ на думу — и при восходѣ солнца ударили въ *Въчевый колоколъ*. Граждане лепѣли на Великую Площадъ, и всѣ глаза устремились на Вадимово Мѣсто: — Марѳа и Ксенія вели на его желѣзныя ступени пусшынника Θεодосія. Народъ общимъ крикомъ изъявилъ свое радостное удивленіе. Спарецъ взиралъ на него дружелюбно, обнималъ знашныхъ чиновниковъ — и сказалъ, поднявъ руки къ небу: «Опечесхво любезное! пріими «снова въ нѣдра свои Θεодосія!... Въ щасшливые дни швои я молился въ пусшынѣ; но «братъя мои гибнушъ, и мнѣ должно умерешъ «съ ними, да совершится клятвенный обѣщъ «моей юности и рода Молинскихъ!...» Іосифъ Дѣлинскій, провождаемый Тысячскими и Боя-

рами, несешь златую цѣпь изъ Софійскаго храма, возлагаешь ее на сшарца и говоришь ему: «Будь еще Посадникомъ великаго града! «Исполни усердное желаніе Верховнаго Совѣша! «Съ радостию уступаю тебѣ мое достоинство: я могу владѣть оружіемъ; могу умереть «въ полѣ!... Народъ! объяви волю свою!...»
Да будетъ! да будетъ! громогласно отвѣщивали граждане — и Марѳа сказала: «О славное «поржество любви къ опечесству! Сшарець, «кошораго Новгородъ уже давно оплакалъ какъ «мертвѣлаго, воскресаешь для его служенія! Оп- «шельникъ, кошорый въ пишинѣ пусшыни и «земныхъ сшрасшей забылъ уже всѣ радости «и скорби чловѣка, вспомнилъ еще обязан- «ность гражданина: оставляетъ мирную при- «сшань и хочешь дѣлать съ нами опасности «временъ бурныхъ! Народъ и граждане! може- «те ли опчаяваться? Можете ли сомнѣваться «въ Небесной благости, когда Небо уступаетъ «намъ Своего избраннаго; когда спольшняя «мудрость и добродѣтель будетъ председашь «въ Верховномъ Совѣшѣ? Возвратился Тео- «сій: возвратился и благоденствіе, кошорымъ «вы нѣкогда подъ его мудрымъ правленіемъ «наслаждались. Тогда воспоминаніе минувшихъ «бѣдствій, искусившихъ швердость сердець «Новгородскихъ, обратишся въ славу нашу, «и мы будемъ шѣмъ шасшливѣе: ибо слава «есть шасшіе великихъ народовъ!»

Дѣлинскій и Марѳа убѣдили Теодосія шор- жесшвенно явиться въ Великомъ градѣ; они

думали, что сія нечаянность сильно подѣйствуетъ на воображеніе народа, и не обманулись. Граждане лобызали руки старца, подобно дѣшамъ, копорыя въ ошсущствіе опца были нещасливы и надѣющіяся, что опытная мудрость его прекратитъ бѣды ихъ. Долговременное уединеніе и святая жизнь напечатлѣли на лицѣ Феодосія неизъяснимое величіе; но онъ могъ служить опечеству только усердными обѣтами чистой души своей — и безполезнами: ибо суды Вышняго непремѣнны!

Новый Посадникъ, слѣдуя древнему обыкновенію, долженъ былъ угостить народъ: Марѳа приготовила великолѣпное пиршество, и граждане еще дерзнули веселиться! еще духъ братства оживилъ сердца! Они веселились на могилахъ: ибо каждый изъ нихъ уже оплакалъ родинеля, сына или брата, убитыхъ на Шелонѣ и во время осады кровопролитной. Сіе минувшее, щасливое забвеніе было послѣднимъ благодѣяніемъ Судьбы для Новгородцевъ.

Скоро открылося новое бѣдствіе; скоро въ Великомъ градѣ, лишенномъ всякаго сообщенія съ его областями хлѣбородными, житницы народныя, знаменистыхъ гражданъ и гостей чужеземныхъ опустѣли. Еще нѣсколько времени усердіе къ опечеству терпѣливо сносило недосдапокъ: народъ едва пишался и молчалъ. Осень наступала, ясная и тихая. Граждане всякое упрое спѣшили на высокія стѣны и видѣли шапры Московскіе, блескъ

оружія, грозные ряды воиновъ; все еще думали, что Іоаннъ удалился, и малѣйшее движеніе въ его станѣ казалось имъ вѣрнымъ знакомъ опсшупленія... Такъ надежда возраспашъ иногда съ бѣдспвіемъ, подобно свѣпильнику, кошорый, гошовясь угаснушь, расширяешъ пламя свое... Марѳа спрадала во глубинѣ души, но еще являлась народу, въ видѣ спокійнаго величія, окруженная символами изобилія и дарами земными: когда ходила по спогнамъ, многочисленные слуги носили за нею корзины съ хлѣбами; она раздавала ихъ, встрѣчая бѣдныя, изнуренныя лица — и народъ еще благословлялъ ея великодушіе. Чиновники день и ночь были въ собраніи... Уже нѣкопорые изъ нихъ молчаніемъ изъявляли, что они не одобряюшь упорсшва Посадницы и Дѣлинскаго; нѣкопорые даже совѣшовали войши въ переговоры съ Іоанномъ; но Дѣлинскій грозно подымалъ руку, сполѣпній Θεодосій съдыми владами оширалъ слезы свои, Марѳа вспупала въ храмину Совѣша, и всѣ снова казались швердыми. — Граждане, гонимые шоскою изъ домовъ своихъ, не рѣдко видали по ночамъ, при свѣшѣ луны, сшарца Θεодосія, споящаго на колѣнахъ предъ храмомъ Софійскимъ; юная Ксенія вмѣспѣ съ нимъ молилась; но машь ея, во время шишины и мрака, любила уединяшься на кладбищѣ Борецкихъ, окруженномъ древними соснами: шамъ, облокопясь на могилу супруга, она сидѣла въ глубокой задумчиво-

спи, бесѣдовала съ его шѣнію и давала ему опчешъ въ дѣлахъ своихъ.

Наконецъ ужасы глада сильно обнаружились, и страшный вопль, предвѣсникъ мяшежа, раздался на спогнахъ. Несчастныя мапери вzywали: «грудь наша изсохла; она уже не питаешъ младенцевъ!» Добрые сыны Новгородскіе восклицали: «мы гошовы умерешъ; но не можемъ видѣшъ люшой смерти опцовъ нашихъ!» Борецкая спѣшила на Вадимово Мѣсто; указывала на блѣдное лице свое; говорила, что она раздѣляешъ нужду съ брашьями Новгородскими, и что великодушное терпѣніе естъ должностъ ихъ.... Въ первый разъ народъ не хопѣлъ уже внимашъ словамъ ея, не хопѣлъ умолкнушъ; съ изнуреніемъ шѣлесныхъ силъ и самая душа его ослабѣла; казалось, что все погасло въ ней, и только одно чувство глада шерзало несчастныхъ. Враги Посадницы держали называшъ ее жестокою, честюлюбивою, безчеловѣчною.... Она содрогнулась.... Тайные друзья Іоанновы кричали предъ домомъ Ярославовымъ: «лучше служишъ Князю Московскому, нежели Борецкой; онъ возврашишъ изобиліе Новуграду: она хочешъ обрашишъ его въ могилу!....» Марѣа, гордая, величавая, вдругъ упадаешъ на колѣна, поднимаетъ руки и смиренно молишъ народъ выслушашъ ее... Граждане, пораженные симъ великодушнымъ униженіемъ, безмолвствуюшъ. . . . «Въ послѣдній разъ» — вѣщаетъ она — «въ послѣдній разъ «заклинаю васъ бышъ швердыми еще нѣсколь-

«ко дней! Опчаяніе да будетъ нашею силою! Оно есть послѣдняя надежда Героевъ. Мы еще сразимся съ Іоанномъ, и Небо да рѣшитъ судьбу нашу!...» Всѣ воины въ одно мгновеніе обнажили мечи свои, взывая: «идемъ, идемъ сражаться!» Друзья Іоанновы и враги Посадницы умолкли. Многіе изъ гражданъ прослезились; многіе сами упали на колѣна предъ Марѳою, называли ее матерію Новгородскою и снова клялись умереть великодушно. Сія минуша была еще минушою поржества сей гордой жены. Врага Московскія отворились; воины спѣшили въ поле: она вручила *хоругвь отечества* Дѣлинскому, который обнялъ своего друга, и сказавъ: *прости навѣки!* удалился.

Войско Іоанново встрѣшило Новгородцевъ... Битва продолжалась при часа; она была чудеснымъ усиліемъ храбрости... но Марѳа увидѣла наконецъ *хоругвь отечества* въ рукахъ Іоаннова оруженосца, знамя *Дружины великодушныхъ* въ рукахъ Холмскаго; увидѣла пораженіе своихъ; воскликнула: *совершилось!* прижала любезную дочь къ сердцу, взглянула на лобное мѣсто, на образъ Вадимовъ — и тихими шагами пошла въ домъ свой, опираясь на плечо Ксеніи. Никогда не казалась она величественнѣе и спокойнѣе.

Дѣлинскій погибъ въ сраженіи; ошашки воинства едва спаслися. Граждане, чиновники хотѣли видѣть Марѳу, и широкій дворъ ея наполнился толпами людей; она расшворила

окно, сказала: *дѣлайте, что хотите!* и закрыла его. Θεодосій, по требованію народа, отправилъ пословъ къ Іоанну: Новгородъ отдавалъ ему всѣ свои богатства, уступалъ наконецъ всѣ области, желая единственно сохранить собственное внутреннее правленіе. Князь Московскій отвѣщивалъ: *Государь милуетъ, но не пріемлетъ условій.* Θεодосій въ глубокую ночь, при свѣтѣ факеловъ, объявилъ гражданамъ рѣшительный отвѣтъ Великаго Князя... Взоръ ихъ невольно искалъ Марѳы; невольно устремился на высокій шеремъ ея: тамъ угасла ночная лампада! Они вспомнили слова Посадницы.... Нѣсколько времени царствовало горестное молчаніе. Никто не хотѣлъ первый изъявить согласія на требованіе Іоанна; наконецъ друзья его ободрились и сказали: «Богъ покоряетъ насъ Князю Московскому; онъ будетъ опцемъ Новаграда.» Народъ приспалъ къ нимъ и молилъ спарца бытъ его ходатаемъ. Граждане въ сію послѣднюю ночь власти народной не смыкали глазъ своихъ, сидѣли на Великой Площади, ходили по спогнамъ, нарочно приближались къ врагамъ, гдѣ стояла воинская спража, и на вопросъ ея: кто они? еще съ тайнымъ удовольствіемъ отвѣщивали: «вольные люди Новгородскіе!» Вездѣ было движеніе; огни не угасали въ домахъ: только въ жилищѣ Борецкихъ все казалось мертвымъ.

Солнце восходило — и лучи его озарили Іоанна сидящаго на пронѣ, подъ хоругвию Но-

вогородскою, среди воинскаго спана, полководцевъ и Бояръ Московскихъ; взоръ его сіялъ величіемъ и радостію. Θεодосій медленно приближался къ шрону; за нимъ шли всѣ чиновники Великаго града. Посадникъ спалъ на колѣна и вручилъ Князю серебряные ключи отъ вратъ Московскихъ — Тысячскіе преломили жезлы свои, и Спаросшы пяти Концовъ Новгородскихъ положили съкиры къ ногамъ Іоанновымъ. Слезы лились изъ очей Θεодосія. «Государь Новаграда!» сказалъ онъ — и всѣ Бояре Московскіе радостно воскликнули: да здравствуетъ Великій Князь всея Россіи и Новаграда!... «Государь!» продолжалъ сшарець: «судьба наша въ рукахъ швоихъ. Ошнынъ во-
«ля Самовласшешеля будешъ для насъ един-
«сшвеннымъ закономъ. Ешшли мы, рожденные
«подъ иными усшасами, кажемся шебъ винов-
«ными, да падущъ наши головы! Всѣ чинов-
«ники, всѣ граждане виновны, ибо всѣ люби-
«ли свободу. Ешшли простишь насъ, то бу-
«демъ вѣрными подданными: ибо сердца Русскія
«не знающъ измѣны, и кляшва ихъ надежна.
«Твори, что угодно Владыкѣ самодержавно-
«му!...» Іоаннъ далъ знакъ рукою, и Холмскій поднималъ Θεодосія. Судъ мой ешть правосудіе и милость! вѣщалъ онъ: милость встѣмъ чиновникамъ и народу... «Милосшъ! милосшъ!» воскликнули Бояре Московскіе. «Милосшъ! милосшъ!» радостно повшоряло все войско: казалось, что она ему была объявлена — шполь добродушны Русскіе! Одни чиновники Новгородскіе стояли

въ мрачномъ безмолвіи, пошупивъ глаза въ землю. «Богъ судилъ меня съ Новгородцами:» сказалъ Іоаннъ: «кого наказалъ Онъ, того «милую! Идите: да узнаетъ народъ, что Іоаннъ «желаетъ бытъ опцемъ его!» Онъ далъ тайное повелѣніе Холмскому, копорый, взявъ съ собою отрядъ воиновъ, занялъ враша Московскія и принялъ начальство надъ градомъ: окрестныя селенія спѣшили дославить изобиліе его изнуреннымъ жителямъ.

Друзья Борецкихъ хотѣли видѣть Марѳу: она и дочь ея сидѣли въ теремъ за рукодѣльемъ... «Не бойся мести Іоанновой,» сказали друзья: «онъ всѣхъ прощаетъ....» Марѳа опвѣщивовала имъ гордою улыбкою — и въ сіе мгновеніе застучало оружіе въ домъ ея. Холмскій входитъ, спавишъ воиновъ у дверей и велитъ Боярамъ Новгородскимъ удалиться. Марѳа, не измѣняясь въ лицѣ, дружелюбно подала имъ руку и сказала: «Видите, что «Князь Московскій уважаетъ Борецкую: онъ «считаетъ ее врагомъ опаснымъ! Простите!.. «Вамъ еще можно жить...» Бояре удалились. Холмскій съ угрозами началъ ее допрашивать о мнимыхъ тайныхъ связяхъ съ Литвою: Посадница молчала, и спокойно шила золопомъ. Видя непреклонную твердость ея, онъ смягчилъ голосъ и сказалъ: «Марѳа! Государь повѣритъ одному слову твоему...» *Вотъ оно* (опвѣщивовала Посадница): *пусть Іоаннъ велитъ умертвить меня, и тогда можетъ не страшиться ни Литвы, ни Казимира, ни самага*

Новаграда!... Князь, благородный сердцемъ, выщель, удивляясь ея великодушію. — Граждане толпились вокругъ дома Борецкихъ: напрасно войны хотѣли удалишь ихъ; но вдругъ раздался звонъ колокольный во всѣхъ пѣши Концахъ, и народъ, всегда любопытный, забылъ на время судьбу Марѣи: онъ спѣшилъ на встрѣчу къ Іоанну, кошорый съ величіемъ и торжествомъ въѣзжалъ въ Новгородъ, подъ сѣнію хоругви отечества, среди легионовъ многочисленныхъ, въ вѣнцѣ Мономаха и съ мечемъ въ рукѣ.

Марѣа, заключенная въ домъ своемъ, услышала звонъ колокольный и громкія восклицанія: да здравствуетъ *Государь всея Россіи и Великаго Новаграда!...*» Давно ли, сказала она милой дочери, кошорая, положивъ голову на грудь ея, съ нѣжнымъ умиленіемъ смопрѣла ей въ глаза — «давно ли сей народъ славилъ «Марѣу и вольность? Теперъ онъ увидишь «кровь мою, и не покажешъ слезъ своихъ; «иногда съ горестію будешъ воспоминашь «меня, но происшествія новыя скоро займутъ «всю душу его, и шолько слабые, хладные слѣды бытія моего останутся въ преданіяхъ «суетнаго любопытства!... И геройство пылаешъ огнемъ дѣлъ великихъ, жершвуешъ «драгоцѣннымъ спокойствіемъ и всѣми милыми радостями жизни... кому? неблагодарнымъ! «Я могла бы наслаждаться щастіемъ семейственнымъ, удовольствіями доброй матери, «богатствомъ, благопвореніемъ, всеобщею лю-

«бовію, почтеніємъ людей и — самою нѣжною
«гореснію о великомъ опцѣ швомъ; но я все
«принесла въ жершву свободѣ моего народа:
«самую чувствительность женскаго сердца —
«и хотѣла ужасовъ войны; самую нѣжность
«машери, и не могла плакать о смерти сыновъ
«моихъ!»... (Гупъ въ первый разъ глаза Марѣы
наполнились слезами раскаянія)... «Прости мнѣ,
«шѣнь великодушнаго супруга! Сіе движеніе
«было послѣднимъ гласомъ женской слабости.
«Я клялась заснувши швое мѣсто въ опече-
«ствѣ, и конечно исполнила кляшву свою: ибо
«Князь Московскій счищаетъ меня достойною
«погибнуть вмѣстѣ съ вольностью Новгород-
«скою! Ты позавидовалъ бы моей долѣ, ешѣ-
«ли бы еще дышалъ для опечесства; самая не-
«благодарность народа возвысила бы въ гла-
«захъ швоихъ цѣну великодушной жершвы:
«награда признашельности уменьшаетъ ее...
«Теперь я спокойно ожидаю смерти!... Знаю
«Іоанна; онъ знаетъ Марѣу, и долженъ однимъ
«ударомъ сразить гордость Новгородскую:
«кто дерзнетъ восшашъ прошивъ Монарха,
«который наказалъ Борецкую?... Герои древ-
«ности, побѣждаемые силою и щасіемъ, ли-
«шали себя жизни; безстрашные боялись ка-
«зни: я не боюсь ее. Небо должно располагать
«жизнію и смертію людей: человекъ воленъ
«шолько въ своихъ дѣлахъ и чувствахъ.» —
Ксенія слушала машъ свою, и разумѣла слова ея.

Іоаннъ предъ храмомъ Софійскимъ сошелъ
съ коня: Теофилъ и духовенство встрѣпили

его со крестами. Сей великій Государь принесъ жертву моленія и благодарности Все-вышнему. Всѣ славные Воеводы Московскіе, преклонивъ колѣна, слезами изъясляли радость свою. — Іоаннъ въ домъ Ярослава угостилъ роскошною трапезою знатнѣйшихъ Бояръ Новгородскихъ, и державною рукою своею сыпалъ злаго на бѣднѣйшихъ гражданъ, которые искренно и добросердечно славили его благопворительность. Не грозный чужеземный завоеватель, но великій Государь Русскій побѣдилъ Русскихъ: любовь отца Монарха сіяла въ очахъ его.

Ввечеру многочисленныя спражи явились на спогнахъ, и повелѣли гражданамъ удалиться; но любопытныя украдкою выходили изъ домовъ и видѣли, въ глубокую полночь, Іоанна и Холмскаго, въ пишинѣ идущихъ къ Софійскому храму; два воина освѣщали ихъ пущь факеломъ, остановились въ оградѣ, и Великій Князь, — наклонился на могилу юнаго Мірослава; казалось, что онъ изъяслялъ горесть и съ жаромъ упрекалъ Холмскаго смертію сего храбраго вишязя... Новогородцы вспомнили тогда, что Государь щипомъ своимъ опразилъ мечъ оруженосца, хотѣвшаго умертвить Мірослава; удивлялись — и никогда не могли свѣдать тайны Іоаннова благоволенія къ юношѣ. — Сіи любопытныя приведены были въ ужасъ другимъ зрѣлищемъ: они видѣли множество пламенниковъ на Великой Площади, слышали стукъ съкиръ — и высокій эшафотъ явился

предъ Домомъ Ярослава. Новогородцы думали, что Іоаннъ нарушилъ слово, и что гнѣвъ его поразишъ всѣхъ именимыхъ гражданъ.

На разсвѣтѣ загремѣли воинскіе бубны. Всѣ легіоны Московскіе были въ движеніи, и Холмскій съ обнаженнымъ мечемъ скакалъ по спогнамъ. Народъ шрепешалъ, но собирался на Великой Площади узнать судьбу свою. Тамъ, на эшафотѣ, лежала сѣкира. Ошъ Конца Славянскаго до Мѣста Вадимова спояли воины съ блестящимъ оружіемъ и съ грознымъ видомъ; Боеводы сидѣли на коняхъ предъ своими дружинами. Наконецъ желѣзные запоры упали, и врата Борецкихъ распворились: выходилъ Марѳа, въ златой одеждѣ и въ бѣломъ покрывалѣ. Спарецъ Θεодосій несешъ образъ предъ нею. Блѣдная, но твердая Ксенія ведетъ ее за руку. Копья и мечи окружаютъ ихъ. Не видно лица Марѳы; но такъ величаво ходила она всегда по спогнамъ, когда чиновники ожидали ее въ Совѣтѣ или граждане на *Вѣчѣ*. Народъ и воины соблюдали мертвое безмолвіе; ужасная тишина царствовала: Посадница остановилась предъ Домомъ Ярослава. Θεодосій благословилъ ее. Она хотѣла обнять дочь свою, но Ксенія упала; Марѳа положила руку на сердце ея — знакомъ изъявила удовольствіе, и спѣшила на высокій эшафотъ—сорвала покрывало съ головы своей: казалась помною, но спокойною—съ любопытствомъ посмошрѣла на лобное мѣсто (гдѣ разбишый образъ Вадимовъ лежалъ во прахѣ)—взглянула на мрачное, обла-

ками покрытое небо — съ величественнымъ уныніемъ опустила взоръ свой на гражданъ... приблизилась къ орудію смерти, и громко сказала народу: *подданные Іоанна! умираю гражданкою Новгородскою!...* Не спало Марѣ.... Многіе невольно воскликнули отъ ужаса; другіе закрыли глаза рукою. Тѣло Посадницы одѣли чернымъ покровомъ... Ударили въ бубны — и Холмскій, держа въ рукъ хартію, спалъ на бывшемъ Вадимовомъ Мѣстѣ. Бубны умолкли... Онъ снялъ пернапый шлемъ съ головы своей, и читалъ громогласно слѣдующее:

«Слава правосудію Государя! Такъ гибнутъ
«виновники мяшежа и кровопролитія! Народъ
«и Бояре! не ужасайтесь: Іоаннъ не нарушитъ
«слова; на васъ милующая десница его. Кровь
«Борецкой примиряетъ вражду единоплемен-
«ныхъ; одна жертва, необходимая для вашего
«спокойствія, навѣки утверждаетъ сей союзъ
«неразрывный. Опшынъ предадимъ забвенію
«всѣ минувшія бѣдствія; опшынъ вся земля
«Русская будетъ вашимъ любезнымъ опече-
«сшвомъ, а Государь великій опцемъ и главою.
«Народъ! не вольность, часто гибельная, но
«благоустройство, правосудіе и безопасность
«суть при столпѣ гражданского щасія: Іо-
«аннъ обѣщаетъ ихъ вамъ предъ лицемъ Бо-
«га всемогущаго...»

Тутъ Князь Московскій явился на высокомъ крыльцѣ Ярославова Дому, безоруженъ и съ главою опкрышою: онъ взиралъ на гражданъ съ любовію и положилъ руку на сердце. Холмскій читалъ далѣе.

«Объщаетъ Россіи славу и благоденствіе;
«клянется своимъ и всѣхъ его преемниковъ
«именемъ, что польза народная во вѣки вѣ-
«ковъ будетъ любезна и священна Самодерж-
«цамъ Россійскимъ — или да накажетъ Богъ
«клятвопресупника! да исчезнетъ родъ его,
«и новое, Небомъ благословенное поколѣніе да
«власпвуетъ на пронтъ ко щастію людей *!»

Холмскій надѣлъ шлемъ. Легіоны Княжескіе
взывали: *слава и долголѣтіе Іоанну!* Народъ
еще безмолвствовалъ. Заиграли на трубахъ—
и въ единое мгновеніе высокій эшафотъ раз-
рушился. На мѣстѣ его возвѣялось бѣлое знамя
Іоанново, и граждане наконецъ воскликнули:
слава Государю Россійскому!

Спарецъ Θεодосій снова удалился въ пусты-
ню, и тамъ, на берегу великаго озера Ильме-
ня, погребъ шѣло Марѣи и Ксеніи. Госпи чу-
жеземные вырыли для нихъ могилу, и на гро-
бѣ изобразили буквы, копорыхъ смыслъ доны-
нѣ осматривается шайною. Изъ семи сотъ Нѣмец-
кихъ гражданъ только пятьдесятъ человекъ
пережили осаду Новгородскую: они немедлен-
но удалились во свои земли. *Вѣчевый колоколъ*
былъ снятъ съ древней башни и опшвезенъ въ
Москву: народъ и нѣкоторые знаменитые граж-
дане далеко провожали его. Они шли за нимъ
съ безмолвною горестію и слезами, какъ нѣж-
ныя дѣши за гробомъ опца своего.

* Родъ Іоанновъ пресѣлся, и благословенная фамилія Рома-
новыхъ царствуетъ.

г. 1802.

КОНЕЦЪ ШЕСТАГО ТОМА.

Одним из самых важных и драгоценных
вещей, которые мы имеем, является
здоровье. Оно является основой для
всего, что мы делаем. Без здоровья
мы не сможем наслаждаться жизнью.
Поэтому важно заботиться о своем
здоровье. Это означает правильное
питание, регулярные физические
упражнения и достаточный сон.
Только так мы сможем обеспечить
себе долгую и счастливую жизнь.

Следующим важным аспектом является
образование. Оно является ключом
к успеху и процветанию. Мы должны
постоянно учиться и развиваться.
Это означает посещение школ, вузов
и участие в различных программах
образования. Только так мы сможем
получить необходимые знания и
навыки для достижения своих целей.

Наконец, важно помнить о семье.
Она является нашей опорой и
источником любви. Мы должны
заботиться о своих близких и
наслаждаться их обществом.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Ш Е С Т А Г О Т О М А.

	Стр.
Бѣдная Лиза	1
Прекрасная Царевна и щастливой Карла . . .	27
Юлія	45
Дремучій лѣсъ	74
Напалья, Боярская дочь	86
Сіерра-Морена	147
Островъ Борнгольмъ	155
Марѳа Посадница, или покореніе Новагорода . .	175

OTABEENIE

IN ET A T O M A

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenija Karamzina

Bd.: 6

Sanktpeterburg' (1835)

P.o.russ. 55 p-5/6

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610042-5